

МӘДЕНИ МҰРА
ғылыми журнал

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ
научный журнал

CULTURAL HERITAGE
science journal

ISSN: 2708-3365 (print)

ISSN: 3006-1377 (online)

№ 4 (107)

Астана
2024

РЕДАКЦИЯ АЛҚАСЫ:

ӘБДІҒАЛИҰЛЫ
Берік

– Саяси ғылымдарының кандидаты (алқа төрағасы) (Қазақстан)

ИБРАЕВА
Ақмарал Ғосманқызы

– алқа төрағасының орынбасары, Қазақстан ұлттық жаратылыстану ғылымдары академиясының академигі, тарих ғылымдарының докторы, профессор (Қазақстан)

ТАЙМАҒАМБЕТОВ
Жәкен Қожахметұлы

– ҚР ҰҒА академигі, тарих ғылымдарының докторы, профессор (Қазақстан)

САМАШЕВ
Зайнолла Самашұлы

– тарих ғылымдарының докторы, профессор (Қазақстан)

АЙМҰХАМБЕТ
Жанат Әскербекқызы

– филология ғылымдарының докторы, профессор (Қазақстан)

ҮМІТҚАЛИЕВ
Ұлан Үмітқалиұлы

– тарих ғылымдарының кандидаты (Қазақстан)

МЕРЦ
Виктор Карлович

– тарих ғылымдарының кандидаты (Қазақстан)

ЖАБАҒИН
Мақсат

– тарих ғылымдарының кандидаты (Қазақстан)

СЫДЫҚОВ
Айбек Жексеналыұлы

– PhD докторы (Қазақстан)

БИҒОЖИН
Ұлан Зейноллаұлы

– PhD докторы (Қазақстан)

САБИТОВ
Жаксылык

– PhD докторы (Қазақстан)

ДЮПЮЙ
Пауло

– PhD докторы (Қазақстан)

ҚАРА
Әбдуақап

– доктор, профессор (Түркия)

ШАМИЛЬОГЛУ
Юлай

– PhD, профессор (АҚШ)

АЙТПАЕВА
Гулнара Амановна

– филология ғылымдарының докторы, профессор (Қырғызстан)

РАДИВОЖЕВИЧ
Мильяна

– PhD, қауымдастырылған профессор (Ұлыбритания)

EDITORIAL BOARD:

Berik Abdygaliuly	– Candidate of Political Science (Chairman of the editorial board) (Kazakhstan)
Akmaral Ibrayeva	– Deputy chairman of the editorial board, Academician of the National Academy of Natural Sciences of Kazakhstan, Doctor of historical sciences, Professor (Kazakhstan)
Zhaken Taimagambetov	– Academician of NAS RK, Doctor of Historical Sciences, Professor (Kazakhstan)
Zainolla Samashev	– Doctor of Historical Sciences, (Kazakhstan)
Zhanat Aimukhambet	– Doctor of Philology, Professor (Kazakhstan)
Ulan Umitkaliev	– Candidate of Historical Sciences (Kazakhstan)
Victor Merts	– Candidate of Historical Sciences (Kazakhstan)
Maxat Zhabagin	– Candidate of Historical Sciences (Kazakhstan)
Aibek Sydykov	– Doctor PhD (Kazakhstan)
Ulan Bigozhin	– PhD (Kazakhstan)
Zhaxylyk Sabitov	– PhD (Kazakhstan)
Paula Dupuy	– PhD (Kazakhstan)
Kara Abdulvahap	– Doctor, professor (Turkey)
Uli Shamiloglu	– PhD, professor (USA)
Gulnara Aitpaeva	– Doctor of Philology, Professor (Kyrgyzstan)
Radivojevic Miljana	– PhD, Associate professor (UK)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ӘБДІҒАЛИҒҰЛЫ
Берік

– Кандидат политических наук (председатель коллегии) (Казахстан)

ИБРАЕВА
Акмарал Госмановна

– заместитель председателя коллегии, Академик Казахстанской национальной академии естественных наук, доктор исторических наук, профессор (Казахстан)

ТАЙМАГАМБЕТОВ
Жакен Кожаметович

– Академик НАН РК, доктор исторических наук, профессор (Казахстан)

САМАШЕВ
Зайнолла Самашевич

– доктор исторических наук, профессор (Казахстан)

АЙМУХАМБЕТ
Жанат Аскербековна

– доктор филологических наук, профессор (Казахстан)

УМИТКАЛИЕВ
Улан Умиткалиевич

– кандидат исторических наук, профессор (Казахстан)

МЕРЦ
Виктор Карлович

– кандидат исторических наук, профессор (Казахстан)

ЖАБАГИН
Максат

– кандидат исторических наук, профессор (Казахстан)

СЫДЫКОВ
Айбек Жексеналыевич

– PhD доктор (Казахстан)

БИГОЖИН
Улан Зейноллаулы

– PhD доктор (Казахстан)

САБИТОВ
Жаксылык

– PhD доктор (Казахстан)

ДЮПЮЙ
Пауло

– PhD доктор (Казахстан)

КАРА
Абдуакап

– Доктор, профессор (Турция)

ШАМИЛЬОГЛУ
Юлай

– PhD, профессор (США)

АЙТПАЕВА
Гулнара Амановна

– доктор филологических наук, профессор (Кыргызстан)

Радивожевич Мильяна

– PhD, ассоциированный профессор (Великобритания)

МАЗМҰНЫ / CONTENT / СОДЕРЖАНИЕ

Антропология/Anthropology/Антропология

<i>Исмагулов О., Исмагулова А.О.</i> Әйтеке бидің айқын бейнесі (антропологиялық зерттеу)	
<i>Ismagulov O., Ismagulova A.O.</i> Authentic image of Ayteke bi (anthropological research)	
<i>Исмагулов О., Исмагулова А.О.</i> Достоверное изображение Айтеке би (антропологическое исследование).....	6

Археология / Archaeology / Археология

<i>Бекзатқызы И.</i> Археологиялық артефактілерді 3D сканерлеудің әдістемесі және тәжірибесі	
<i>Bekzatkyzy I.</i> 3D Scanning techniques and practices used for archaeological artifacts	
<i>Бекзатқызы И.</i> Методика и практика 3D сканирования археологических артефактов.....	25
<i>Абильмаликов К.К., Дей Д.Б., Құрманиязов И.С., Жакупова А.К.</i> Дүзбай-V тұрағында 2024 жылы жүргізілген археологиялық зерттеулер	
<i>Abilmalikov K.K., Dei D.B., Kurmaniyaov I.S., Zhakupova A.K.</i> Archaeological research at the Duzbay-V site in 2024	
<i>Абильмаликов К.К., Дей Д.Б., Құрманиязов И.С., Жакупова А.К.</i> Археологические исследования на стоянке Дүзбай-V в 2024 году.....	40
<i>Самедова С.Т.</i> Оңтүстік Кавказ аймағы халықтарының ежелгі дәуірдегі керамикасы және этномәдени байланыстарының тарихы	
<i>Samedova S.T.</i> From the History of Ceramics and Ethnocultural Contacts of the Peoples of the South Caucasus Region in Antiquity	
<i>Самедова С.Т.</i> Из истории керамики и этнокультурных контактов народов южнокавказского региона в древности.....	54

Музей ісі / Museology / Музейное дело

<i>Гиззатов С.М., Оспанова А.К., Султанова А.К., Исаков К.А.</i> Қазақстандағы музей маркетингі: басымдықтары мен даму әдістері	
<i>Gizzatov S.M., Ospanova A.K., Sultanova A.K., Isakov K.A.</i> Museum marketing in Kazakhstan: priorities and development methods	
<i>Гиззатов С.М., Оспанова А.К., Султанова А.К., Исаков К.А.</i> Музейный маркетинг в Казахстане: приоритеты и методы развития.....	77

Этнология / Ethnology / Этнология

<i>Атдаев С.Ж., Атдаева О.Г.</i> Түркмендердің отты қаруы (XIX ғасыр материалдары негізінде)	
<i>Atdaev S.J., Atdaeva O.G.</i> Turkmen firearms (based on the materials of the 19th century)	
<i>Атдаев С.Дж., Атдаева О.Г.</i> Огнестрельное оружие туркмен (по материалам XIX в.).....	89
<i>Тәгіева Г.Р.</i> Наурыз мерекесі: дәстүр және қазіргі заман (Мұхаммед Ғусейін Шәһрияр шығармашылығы негізіндегі этнологиялық зерттеу)	
<i>Taghiyeva G.R.</i> Nowruz holiday: tradition and modernity (based on the work of Muhammad Huseyn Shahriyar)	
<i>Тәгіева Г.Р.</i> Праздник Наурыз: традиции и современность (Этнологическое исследование на основе творчества Мухаммада Гусейна Шахрияра).....	124

Тұлғалар / Personality / Персоналии

<i>Жәкішева З.С.</i> Рухы мықты тұлға (Таласбек Әсемқұловтың туғанына 70 жыл толуына орай).....	133
---	-----

Антропология / Anthropology / Антропология

<https://doi.org/10.47500/2024.v20.i4.01>

ГРНТИ 03.20

Исмагулов О.,¹ Исмагулова А.О.²

¹Национальный музей Республики Казахстан
Астана, Казахстан

² Южно-Казахстанский университет им. М.Ауэзова
Шымкент, Казахстан

*e-mail: ainagul.ismagulova@bk.ru

ДОСТОВЕРНОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ АЙТЕКЕ БИ (АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

Аннотация. В статье отмечается, что Айтеке би родился и умер в одном регионе – в г. Нурата Навоинской области Узбекистана, хотя даты жизни точно не установлены. Благодаря народной памяти осталось известным место его захоронения на центральном кладбище в г. Нурата. Долгое время его личный прижизненный портрет не был известен и лишь несколько лет назад он был обнаружен.

Цель статьи – ознакомить с историко-антропологическими исследованиями костных останков Айтеке би из места его захоронения и полученной по его черепу скульптурной антропологической реконструкцией, затем сопоставить полученное изображение Айтеке би с его прижизненным портретом, нарисованным испанским художником в конце XVII века. Используемые авторами методы являются стандартными для археологических раскопок, архивного поиска и антропологических исследований. Авторы также опирались на известный научный метод скульптурной антропологической реконструкции, разработанный М.М. Герасимовым. В результате была проведена историко-антропологическая идентификация костных останков Айтеке би с установлением точного места его захоронения и получена его скульптурная антропологическая реконструкция по черепу, воссоздающая его достоверный внешний облик. Кроме того, этот скульптурный портрет был сопоставлен с антропологической точки зрения с рисунком испанского художника Хуана Хариса, нарисованного при жизни Айтеке би. Основной вывод: согласно историко-культурным сведениям и антропологической идентификации костных останков они действительно принадлежат Айтеке би. Все последующие изображения внешности Айтеке би должны опираться на его реконструкцию и прижизненный портрет.

Ключевые слова: Айтеке би, место захоронения, антропологические исследования, скульптурная реконструкция, прижизненный портрет.

Для цитирования: Исмагулов О., Исмагулова А.О. Достоверное изображение Айтеке би (антропологическое исследование) // Мадени мұра. 2024. №4 (107). 6-24 с.(рус.)

DOI: <https://doi.org/10.47500/2024.v20.i4.01>

Введение

Айтеке би Байбекулы является одним из самых достойных сынов казахского народа. Его имя невозможно отделить от имен Казыбек би и Толе би. Их исторические заслуги перед Отчизной и казахским народом не забыть и трудно переоценить.

Айтеке би в народной памяти (предположительно время его жизни приходится на середину XVII в. и начало XVIII в.) остался известным своей объективностью и безупречностью, способным справедливо рассудить общественные разногласия своего времени. Его основная общественная деятельность была связана с западным регионом Казахстана. Но при этом, он всегда был сторонником единства всего казахского народа. Будучи признанным общественно-политическим деятелем того времени, он входил в состав «Совета биев», который был создан Тауке ханом. Кроме того, Айтеке би также являлся одним из активных авторов уникальной казахской системы юриспруденции «Жеты жаргы», по своей сути, являвшимся своеобразным юридическим кодексом, до сего времени восхищающим специалистов-юристов по части решения спорных вопросов, связанных с общественной и личной жизнью казахов.

Известно, что Айтеке би родился и умер в одном и том же регионе – в современном Нуратинском районе Навоинской области Узбекистана. Однако парадокс в отношении исторической личности Айтеке би заключается в том, что до сих пор годы его рождения и смерти точно не

установлены. Что касается места его захоронения, то оно осталось известно только благодаря народной памяти, указывающей его местонахождение на центральном кладбище в г. Нурата. Его личный прижизненный портрет долгое время не был известен. Лишь недавно был найден его прижизненный портрет, о котором будет изложено ниже. Дело в том, что памятник над его могилой, воздвигнутый 300 лет тому назад, был разрушен, и вплоть до современности над его погребением оставалась лишь земельная насыпь. И только после вторичных археологических раскопок и проведения историко-антропологических исследований, с целью изучения костных останков Айтеке би на предмет их антропологической идентификации над его указанным погребением и полуразрушенными стенами мазара его деда Сейткула аулие, находящегося рядом с ним, был построен большой погребально-мемориальный комплекс при поддержке Казахстана (открыт 30 октября 2010 г.). Благодаря историко-антропологической идентификации и осуществлению сбора историко-культурных сведений на основе разнообразных источников (устных и письменных), было уточнено место захоронения Айтеке би и получен его достоверный внешний антропологический облик.

Определить и выявить упомянутую выше историческую информацию в условиях реальной независимости казахского народа в XXI в., и при сохранении целостности его территории в масштабе Евразии в третьем тысячелетии, представляется

в высшей степени актуальным для восстановления исторической действительности и активного воспитания патриотического духа нового поколения Республики Казахстан.

Материалы и методы исследования

Археологические раскопки погребения Айтеке би и антропологические исследования его костных останков в полевых условиях проводились по общепринятой методике с проведением фотофиксации и остеологическими измерениями основных признаков на черепе и посткраниальном скелете, а также определением половозрастных индивидуальных особенностей. Описание непосредственных краниологических и остеологических исследований костных останков Айтеке би будут представлены в отдельной статье в ближайшее время, а также в предстоящей монографии, посвященной историко-антропологическим исследованиям Айтеке би.

В данной статье основное внимание уделяется скульптурной антропологической реконструкции и сопоставлению с прижизненным рисунком Айтеке би.

Дело в том, что, начиная с XIX в., попытки восстановить внешний физический облик ископаемых и древних людей на основе их черепов оказывались не такими удачными, так как передавали только их общие черты, поскольку тогда еще не были изучены закономерности соотношения между мягкими тканями лица и костными структурами черепа. Понадобилось не одно поколение

анатомов и антропологов, которые тщательно исследовали измерения на живых людях и сопоставляли размеры черепов с сохранившимися посмертными масками или прижизненными портретами. Но только М.М. Герасимову, выдающемуся ученому русской антропологической школы, удалось разработать научные основы и ценнейший объективный метод антропологической реконструкции внешнего облика на основе черепа, благодаря своим многолетним исследованиям. Закономерности взаимосвязи толщины и формы мягких покровов черепа с его костной основой, которые выявил М.М. Герасимов, позволили ему добиться очень точного портретного сходства полученных им скульптурных реконструкций с прижизненными фотографиями контрольных образцов из криминалистических материалов. Он много работал в морге, используя разнообразные методы исследования – рентгенографию, препарирование и распилы голов большого числа трупов, накладки мягких тканей иглой и др. В результате кропотливых исследований и практических измерений, М.М. Герасимов при создании антропологической реконструкции добился такой степени точности и объективности, что получался документальный портрет внешнего облика человека (Герасимов, 1955). Непосредственные ученики М.М. Герасимова и их последователи – Г.В. Лебединская, Т.С. Балуева, Е.В. Веселовская и др. в созданной им и ныне носящей его имя Лаборатории антропологической реконструкции Института этнологии и антропологии РАН в г.Москве, продолжили развивать и дополнять его метод масштабными

статистическими данными по толщине мягких тканей лица современного населения с помощью ультразвукового метода измерений (Антропологическая реконструкция и проблемы палеоэтнографии, 1973). Созданная ими огромная база данных, полученная со всей территории бывшего СССР, позволяет сотрудникам указанной лаборатории не только учитывать индивидуальные половозрастные, морфологические, но и расовые типологические особенности восстанавливаемых лиц (Антропологическая реконструкция, 1991; Балуева и др., 2012). Кроме того, именно непосредственная работа антрополога с черепом позволяет восстанавливать мелкие детали – морщины, малозаметные дефекты, пухлость, полноту, наплывы, индивидуальное положение бровей, форму губ и многих других черт лица, учитывая не только формы и размеры тех или иных областей, но и особенности рельефа, даже микрорельефа, а также состояние пористости или плотности костных структур.

Все сказанное, в сочетании с богатейшим опытом при работе с огромным количеством разнообразных по расовому составу краниологических серийных материалов с обширной территории Евразии, позволяют отнести метод М.М. Герасимова к уникальному и наиболее точному, достоверному и объективному научному способу восстановления внешнего облика человека на основе его черепа. Нужно отметить, что никакая, ныне популярная на Западе, компьютерная реконструкция не может учесть все индивидуальные морфологические тонкости и нюансы при воспроизводстве черт лица,

потому что основана на обобщенных, формализованных способах оценки морфологических структур на черепе, не позволяя охватить всего огромного размаха индивидуальной изменчивости и разнообразия форм в морфологии лица разных людей.

Следует подчеркнуть, что рассматриваемый метод скульптурной антропологической реконструкции М.М. Герасимова позволяет получить объемный документальный портрет, что становится чрезвычайно ценным для восстановления внешнего облика исторических лиц прошлого. В этом отношении богатейшая, но очень сложная история казахского народа, уходящая корнями вглубь, как минимум пяти тысячелетий, требует применения наиболее объективных и достоверных научных методов для изучения. К сожалению, мы не располагаем никакими изображениями подавляющего большинства известных всему народу исторических лиц. И познание своих исторических истоков невозможно без представления их настоящего облика, а не придуманных в воображении художников и скульпторов, рисующих и изображающих их на свой лад. Необходимо знать «в лицо» народных героев, чтить их, хранить их в памяти – своей и будущих поколений, воспитывать на их примере национальный дух и истинный патриотизм.

Благодаря методу М.М. Герасимова и историко-антропологическим исследованиям костных останков таких исторических лиц казахского народа, как Махамбет Утемисов, Абылай хан, Жолбарыс хан, человека из мавзолея Алаша хана, Кобыланды батыра, у нас есть их прижизненный документальный портрет, полученный

на основе их черепа (Смағұлұлы О. и др., 1999; Смағұлұлы О. и др., 2023; Шаяхметов Н.Ж., 1969; Исмагулов О., 2006; Исмагулова А. 2006; Исмагулов О., Исмагулова А., 2007).

В монографиях, посвященных происхождению казахского народа (Исмагулов О., Исмагулова А., 2017; Смағұлов О., Смағұлова А., 2020; Исмагулов О., Исмагулова А., 2021; Смағұлов О., Смағұлова А., 2021; Ismagulov O., Ismagulova A., 2021; Ismagulov O., Ismagulova A., 2021), прослежена эпохальная динамика краниологических показателей современных казахов и их предков на протяжении пяти тысяч лет, где антропологические реконструкции некоторых из рассмотренных выше исторических лиц казахского народа и их предков наглядно демонстрируют направленность и преемственность этноантропологического развития на территории Казахстана.

Степень изученности темы

В настоящее время авторы находятся на стадии написания монографии «Айтеке би (историко-антропологическое исследование)», которую планируют издать объемом 20 печатных листов на двух языках – казахском и русском. Написание книги завершится к лету 2025 года, а к концу года она будет издана.

Изучение данной тематики началось в 2005 году, когда была проведена антропологическая экспедиция в г.Нурата Навоинской области Узбекистана по изучению костных останков Айтеке би, захороненного там в городской зиратхане. Эта экспедиция была финансирована Институтом истории и этнологии МОН РК, а выполнение антропологической

реконструкции было осуществлено при спонсорской помощи И. Тасмагамбетова и М. Кул-Мухаммеда. Однако с тех пор никакой финансовой помощи проведению и публикации полученных результатов антропологических исследований не было оказано. Также предстоит поиск средств для издания указанной книги.

В 2005 г. Министерством культуры Узбекистана была организована специальная комиссия, по поручению которой в мае того же года узбекскими учеными были проведены археологические раскопки погребения Айтеке би, расположенного с восточной стороны от стен разрушенного мазара Сейткул аулие на территории зиратханы г. Нурата. Из погребения был извлечен только череп и отправлен в Институт археологии в Самарканде. Однако по дороге машина попала в дорожную аварию, в которой несколько пострадали 2-3 человека, а череп был поломан (впоследствии он был отреставрирован авторами). Узнав об этих событиях, от Института истории и этнологии МОН РК было направлено письмо в Министерство культуры Узбекистана с просьбой разрешить провести раскопки погребения Айтеке би для антропологического изучения. После получения разрешения авторы осуществили повторные археологические раскопки, однако им не позволили вывозить костные останки из Узбекистана. Поэтому антропологические изыскания, включая основные остеологические измерения и фотофиксацию, осуществлялись в полевых условиях рядом с местом погребения Айтеке би.

Анализ

За последние 300 лет в истории

Казахстана впервые осуществлялось историко-антропологическое исследование для определения места захоронения и идентификации костных останков Айтеке би. При этом определяющую роль имели историко-архивные и археолого-антропологические данные, которые находились и подлежали изучению только на территории Узбекистана. Поэтому для начала работы необходимо было получение официального разрешения от соответствующих административных органов Республики Узбекистан на проведение архивных поисков и археологических раскопок. Кроме того, необходимо было ознакомиться с материалами предшествовавших археологических раскопок погребения Айтеке би, проведенных учеными Узбекистана в г. Нурата летом 2005 г. После получения официального разрешения и доступа к материалам прежних раскопок (отчет по ним составлен, в основном, С. Ашировым) необходимо было приступить к повторным раскопкам погребения Айтеке би в Центральной зиратхане г. Нурата с целью извлечь костные останки Айтеке би для историко-антропологической идентификации и выполнения скульптурной антропологической реконструкции по его черепу.

За период экспедиции в Узбекистане антропологами, прежде всего, был осуществлен ряд важных работ с представителем республиканской инспекции по охране и использованию объектов культурного наследия Узбекистана, которая выдала специальное разрешение на археолого-антропологические раскопки предполагаемого погребения Айтеке би в г. Нурата., о чем был подписан

соответствующий договор.

По прибытии в г. Нурата антропологи представились акиму Нуратинского района Навоинской области г-ну Ухтаму Т.Х. и сообщили относительно целей экспедиции по историко-антропологическому исследованию погребения Айтеке би, предоставивший официальное одобрение проведения работ в Центральной зиратхане.

Затем главный имам Нуратинского района и Навоинской области Сайид Хожа Насриддинхона Эшонбобо был осведомлен о целях визита в г. Нурата. Он также одобрил работы и даже сопровождал к мазару Сейткул аулие, рядом с которым с восточной стороны находилось погребение Айтеке би. По его личному мнению, согласно пятипоколенным преданиям его генеалогии данное погребение действительно относится к Айтеке би.

Было проведено интервью у директора музея Нуратинской Чашмы Шаухата Ислямова, который, ссылаясь на предания местных информаторов, считает, что указанное погребение действительно относится к Айтеке би.

Одновременно было получено интервью у главного охранника Центральной зиратханы г. Нурата Султанбоя, который является одним из трех поколений представителей его семьи, охранявших данную зиратхану. Он знает местные предания, которые указывают на принадлежность Айтеке би изучаемого нами погребения, расположенного с восточной стороны мазара Сейткул аулие, кроме этой информации других сведений о нем он не слышал.

Кроме того, очень интересное сведение передал 75-летний постоянный житель Нурата по национальности

узбек, хотя его генеалогические корни восходят к туркменскому роду Эрсары, прибывшему в окрестности Нурата более трехсот лет тому назад.

Согласно местным преданиям в Центральной зиратхане городища Нур (ныне г.Нурата) были похоронены представители около 150 племен и народностей мусульманского мира.

На территории городища и в его окрестностях археологами ранее были обнаружены курганные памятники, относящиеся к IV в. до н.э. О древности зиратханы можно также судить по разрушенным курганам, основания которых круглые по форме, диаметром от 6 до 8 м. Эти курганы с каменными насыпями, вероятно, относятся к тюркскому времени (VI–VII вв. н.э.). Один из таких разрушенных курганов был обнаружен рядом с мазаром Сейткула аулие. На территории зиратханы встречаются разрушенные мавзолеи, построенные из жженого кирпича, возможно датируемые X – XII вв. Территория зиратханы изобилует надмогильными камнями из серого мрамора с эпиграфическими надписями. В целом, Центральная зиратхана до сих пор служит местом захоронения усопших, как среди жителей города, так и из прилегающих к кладбищу территорий. Об этом ярко свидетельствуют многочисленные современные надмогильные плиты, где высечены имена людей с указанием их даты рождения и смерти.

Здесь уместно напомнить, что, начиная с установления тоталитарного режима в 20-30 годах XX в., карательные отряды советской власти для эффективной борьбы с исламом в Средней Азии специально производили обыск домов, склепов и могил некрополя Нурата. Они

собирали все старинные книги, записи и информацию о захоронениях святых, а затем их полностью уничтожали, тем самым открывая путь к новой безумной идеологии коммунистов для овладения умами и душами людей. Несмотря на все эти негативные усилия советской власти, во время работы в некрополе Нурата очевидно, что народы Средней Азии и Казахстана сохранили в своих сердцах любовь к своим святыням в некрополе Нурата и продолжают почитать места захоронения святых, среди которых хорошо помнят могилы, где лежат костные останки Сейткула аулие и его внука Айтеке би.

Итак, на начальном этапе историко-антропологических исследований были проведены поиски сведений об Айтеке би в архивах Узбекистана и собиралась информация среди местных жителей г. Нурата.

При опросе, согласно преданиям местных жителей, местом рождения Айтеке би считается Кызтауы (Девичья гора) в системе Нуратинских гор. По финансовым обстоятельствам антропологам не удалось посетить указанную местность.

Современные литературные сведения об Айтеке би крайне скудны. Их нет в публикациях времен Царской России, т.к. он умер за 150 лет до колонизации ею Средней Азии и Казахстана. В советское время партийные органы об Айтеке би вообще полностью умалчивали. Лишь спустя триста лет, в условиях суверенного Казахстана, впервые в 1998 г. был издан специальный сборник «Айтеке би» по заказу Казахского отделения Международного Р.Е.Н. club'a на средства Общественного фонда «Айтеке би» издательством «Атамұра» под редакцией писателя А. Нурпеисова. В сборнике представлена

выдающаяся роль Айтеке би, которую он сыграл в судьбоносный период в истории казахского народа. Однако в этом сборнике вопросы о реальных датах рождения и смерти, а также месте его захоронения остались открытыми. Эти исторические сведения об Айтеке би, а также его достоверный прижизненный внешний облик не менее важны современному поколению казахов. Есть необходимость полно и реально представлять его исторический образ, воздать должное его памяти, чтобы воздвигли памятник на месте его захоронения.

Нужная информация об Айтеке би, повсейвероятности, должна содержаться в рукописном фонде Института востоковедения АН Узбекистана, в Центральном Государственном архиве Республики Узбекистан, в фонде редких книг Национальной библиотеки имени Алишера Навои Узбекистана и в областных архивах Бухары и Ташкента. При этом следует помнить, что до рождения Айтеке би и после его смерти вся письменность Средней Азии велась в основном арабской графикой на персидском языке. Поэтому провести полномасштабную большую поисковую работу среди арабо-персидских источников XVII – XVIII вв. в Узбекистане не представлялось возможным. В этом плане удалось осуществить ряд поисковых изысканий в рукописном фонде Института востоковедения АН Узбекистана. В частности, были просмотрены некоторые тома: «Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекистана» 9 томов с предисловием А.А. Семенова (В томе I содержатся такие источники, как «Сборник памятных записей. Составитель Шариф-джан Махдум бухарский. Путеводитель паломников к

бухарским мазарам (Л.10б, 19а), мазары вне города (21а–30а). Рассуждение о Нур–Ата (34б–35б). История г. Бухары», «Трактат муллы Зада рукопись, посвященная описанию погребений, святых, ученых шейхов, выдающихся деятелей в г. Бухаре, 144б», «Самарийя: Описание древности и мусульманских святынь: Самарканда Абу Тахир-хаджи // Справочная книга Самаркандской области за 1898 г. Самарканд. 1899» В.Л.Вяткина. «Трактат о великих людях Самарканда», написанный в октябре 1892 г. в Бухаре (57 л.). «История завоевания Нур–Ата Данийалом» (1811 г.) и др.

В Центральном Государственном архиве Узбекистана были обнаружены административные документы «Канцелярия Туркестанского генерал-губернатора (фонд И – 1, опись 20)» с крайними датами 1867-1874 гг. Среди производственного дела канцелярии за № 491 имеются сведения «О прогонных деньгах при командировке на съезды Биев» (с датой 27 сентября 1869 г.). В другом деле содержатся сведения о Нукусском бие Тлесова (с датой 22 сентября 1870 г.) (Исмагулов О. и др., 2005).

Пока просмотр специалистами персидского языка источников XVII – XVIII вв. в Узбекистане не дал определенных информативных сведений о жизнедеятельности Айтеке би. Это был единственный путь для архивного изучения биографии и жизнедеятельности Айтеке би.

После опроса информаторов среди местных жителей, предварительного просмотра архивных материалов и источников рукописных фондов Узбекистана начались раскопки погребальной ямы на предполагаемом месте захоронения Айтеке би в

северной части Центральной зиратханы г. Нурата.

Вскрытие погребальной ямы показало, что ранее узбекскими учеными в 2005 году производились археологические раскопки, поэтому погребальное сооружение не сохранило первоначальный вид. Согласно их сведениям, из погребения был извлечен только череп с нижней челюстью, тогда как посткраниальный скелет остался в нетронутом виде. Нам пришлось лишь зафиксировать общие размеры предыдущего раскопа над могильной ямой. В отчете узбекских ученых был указан вид на мазар Сейткул аулие с восточной стороны и расположенный рядом с ним раскоп предполагаемого погребения Айтеке би, а также довольно подробно описано месторасположение могильной ямы, порядок проведения раскопок, вскрытия скелета, определение глубины его залегания от дневной поверхности и порядок расположения костяка человека. Главное преимущество заключалось в том, что во время тех раскопок посткраниальный скелет человека был оставлен в положении *in situ*, и только череп с нижней челюстью, как было упомянуто выше, был увезен в Институт археологии АН Узбекистана в г. Самарканд.

Следует напомнить, что после окончания раскопок узбекские археологи выехали в г. Самарканд с черепом, взятым из могильной ямы, и по дороге их автомашина попала в дорожную аварию, перевернувшись несколько раз. При этом некоторые члены экспедиции получили серьезные травмы. Во время той аварии также пострадал череп из погребения Айтеке би: на нем были значительно повреждены лобная кость и медиально-

вентральные углы обеих теменных костей с образованием их средних и мелких обломков. Данный череп без антропологической реставрации был передан нашей экспедиции на период раскопочных работ в Центральной зиратхане г. Нурата. Таким образом, этот череп был помещен на свое место для фотофиксации вместе с посткраниальным скелетом во время проведения археолого-антропологических раскопок.

Работы по вскрытию могильной ямы Айтеке би в Центральной зиратхане продолжились непосредственными антропологическими исследованиями в полевых условиях. Обычно остеологические исследования костных останков людей осуществляются в лабораторных условиях с применением измерительного и исследовательского оборудования, вплоть до рентгенографирования костей скелета. В данном случае были проведены антропологические исследования прямо рядом с местом захоронения Айтеке би, исключив некоторые недоступные в тех условиях методы исследования костей. Прежде всего, надо было соорудить рабочее место для расположения скелета в анатомическом порядке, место для реставрации отдельных фрагментарных костей, специальные места для описания и измерения всего посткраниального скелета и фотографирования костей в различных нормах и т.д. Все эти рабочие места должны быть защищены от ветра, влаги и солнца. С большим трудом ученым удалось соорудить походную лабораторию на территории Центральной зиратханы г. Нурата.

Итак, в работе по вскрытию могильной ямы главное усилие было направлено на то, чтобы

тщательно расчистить скелет от грунта, зафиксировать его с помощью схематической зарисовки и фотографирования, а затем осторожно и последовательно, начиная с верхней части посткраниального скелета изымать отдельные кости по очереди. После чего, их переносили на соответствующие рабочие места для остеологического изучения.

Таким образом, в сложных местных условиях были осуществлены полный визуальный осмотр, фотофиксация, антропологические описания и измерения костных останков из погребения Айтеке би. После окончательного завершения антропологического изучения добытых костных останков они были погребены на свое место в том же виде и порядке, в каком они извлекались из могильной ямы. Затем погребение было засыпано землей до уровня дневной поверхности.

В результате были получены основные антропологические параметры для последующего определения индивидуальных и типологических пропорций и длины тела. Для полного антропологического анализа очень важна была также скульптурная реконструкция внешнего облика Айтеке би на основе его черепа. Поскольку археологические раскопки осуществлялись при непосредственном участии представителя Узбекистана, то с его разрешения удалось отправить на два месяца череп в лабораторию М.М. Герасимова Института этнологии и антропологии Российской Академии наук в г. Москве для выполнения на его основе антропологической реконструкции внешнего облика Айтеке би. Таким образом, был получен его достоверный скульптурный прижизненный портрет с помощью

широко известного научного метода.

Авторы антропологической реконструкции – заведующая лабораторией М.М. Герасимова Т.С. Балыева и старший научный сотрудник Е.В. Веселовская. Скульптура была отлита из современного, специально выбранного для этих целей материала – пластика американского производства, отличающегося легкостью, относительной прочностью и устойчивостью к перепадам температуры и влажности. Для окончательного оформления скульптурной антропологической реконструкции Айтеке би был выбран внешний антураж – форма усов и бороды, тип головного убора, форма и декор одежды в соответствии с родом его деятельности при жизни и этнокультурными традициями казахов исторического времени существования легендарной личности.

Как уже отмечалось, антропологическая реконструкция представляет собой наиболее достоверный и реальный документальный портрет человека. В отличие от обычных художественных скульптур она не несет какой-либо художественно окрашенной и эмоционально-чувственной нагрузки. Задача антропологической реконструкции в ином – представить максимально точно и научно обосновано физические черты лица и общий исторический облик данного индивидуума. Как показали краниометрические определения расовые особенности черепа, на основе которого была выполнена скульптурная реконструкция, находятся в пределах вариаций, характерных для антропологического типа современных казахов, который, в свою очередь,

относится к казахстанскому варианту тураноидной (южносибирской) расы. Как известно, научная ценность антропологической реконструкции значимых исторических фигур состоит в том, что она существенно приближает нас к отдельным страницам исторического времени, изменяя и конкретизируя при этом восприятие людьми истории собственного народа, его потерь и достижений через лица и судьбы национальных героев.

Полученные результаты

Проведенные полевые исследования остеологических материалов в Центральной зиратхане г. Нурата позволяют получить более основательные результаты изучения костных останков из погребения Айтеке би по полной краниологической, остеологической и остеоскопической программам с определением индивидуальных и типологических характеристик (половозрастных, расовых и других морфологических особенностей) и патологических изменений. В дальнейшем итоги этих исследований позволяют составить объективную морфологическую характеристику антропологических особенностей Айтеке би, реконструировать некоторые общие сведения о его индивидуальной жизнедеятельности, а также его внешний физический облик на момент смерти. Результаты антропологических изысканий в совокупности с сведениями из письменных источников являются серьезным вкладом в историко-антропологическую идентификацию костных останков исторической личности Айтеке би, а также служат достоверной основой для воссоздания его физических черт при жизни в виде

скульптурной антропологической реконструкции.

Таким образом, одним из важнейших результатов в данной работе является тот факт, что впервые устанавливается реальный физический облик Айтеке би в виде скульптурного портрета на основе конкретных краниологических исследований его костных останков. Следовательно, полученная скульптурная антропологическая реконструкция, демонстрирующая достоверные черты внешнего облика Айтеке би, навсегда будет сохранена в исторической памяти казахского народа. Такие научные результаты представляют собой самые эффективные меры для воспитания молодого поколения в духе патриотизма и любви к Отечеству.

В процессе изучения был обнаружен примечательный факт. Под авторством Отегена Койшиева была опубликована статья «Каков истинный образ Айтеке би?» на казахском языке в документальном сборнике известного поэта Сардарбека Кожажула «Бахадур Жалантос», а также других изданиях (Қожағұл С.О., 2016; Қойшиев Ө., 2013; Жалаңтөс баһадүр – тарихи тұлға: Деректі танымды жинақ, 2018). Хотя впервые он публиковал ее в 1998 году в газете "Дат" (Қойшиев Ө., 1998). Но в последующих публикациях после нее О.Койшиев не только привел прижизненный рисунок Айтеке би, написанный испанским художником XVII в. Хуаном Харисом, но и фото антропологической реконструкции. О.Койшиев писал, что оба изображения – рисунок Хуана Хариса и реконструкция, полученная антропологом О. Исмагуловым, очень похожи между собой. В статье О. Койшиева выражено некоторое

разочарование тем, что за 20 лет никто не обратил внимания на портрет Айтеке би. По словам О. Койшиева, некоторые авторы публикуют изображение Айтеке би без каких-либо сведений об авторе и истории рисунка.

В своей статье автор пишет, что первое изображение Айтеке би было выполнено в 1698 году испанским художником Хуаном Харисом. Хотя с тех пор прошло более 300 лет, автор не написал, как именно картина была получена, сохранилась ли она в Испании или до сих пор в Казахстане. Поводом для прихода в Среднюю Азию этого художника со слугами короля Испании в XVII веке стали события, связанные со свержением османского султана Баязита Амиром Темиром и его подчинением своей власти, потому что во время правления султана Баязит предпринимал большие попытки завоевать Европу и предпочел бы начать с Испании. Это заставило короля Испании сильно переживать. Но когда Османское государство было уничтожено Амир-Темиром, то тогда опасные дни для короля Испании полностью миновали. После этого, достигнув мира, король Испании выразил Амиру Темиру огромную благодарность и возложил ему особые почести и дары от имени короля. Итак, известно, что посол Дон Руи Гонсалес де Кивавихон и художник Хуан Харис от имени короля Испании Генриха III совершили официальный визит в Бухару и Самарканд со своими слугами. Поэтому не вызывает сомнений, что испанцы были в Средней Азии в XVII веке. В основном эти события описаны в исторических трудах Узбекистана, Турции и Испании.

Главным вопросом является соответствие между портретом Айтеке

би 1698 года и его скульптурным бюстом, выполненным на основе черепа, извлеченного казахскими антропологами из его могилы на Нуратинском кладбище в Узбекистане в 2005 году. При этом следует учитывать, что когда художник рисует человека, он создает определенный художественный образ. Метод антропологического восстановления облика человека по черепу использует другой принцип, а именно учет закономерностей анатомо-морфологических связей между рельефом костей лица и слоями мягких тканей над ними. Поэтому в антропологической реконструкции лицо изображается только в его нейтральном выражении и представляет собой достоверный, т.е. документальный прижизненный скульптурный портрет на момент смерти. Это считается общепринятым приемом.

Теперь, принимая во внимание упомянутые выше требования, стоит дать сравнительные определения для двух рассматриваемых изображений, т. е. цветного портрета и однотонного бюста (рис.1 и 2). Для этого были взяты изображения примерно одинакового масштаба и направленных лицом в одну сторону. Одно из общих различий между ними заключается в том, что между возрастом Айтеке би, когда писался его портрет, и датой его смерти существует значительный разрыв во времени. Основное сходство двух картин заключается в сходстве их антропологических особенностей и общего типажа, характерного для антропологического облика современных казахов.

Никто не может отрицать их принадлежность к характерному

Рис.1. Прижизненный портрет Айтеке би, нарисованный испанским художником Хуаном Харисом в 1698 г. Впервые был опубликован в казахских изданиях О. Койшиевым в 1998-2018 гг.

Fig. 1. A lifetime portrait of Aiteke bi, painted by the Spanish artist Juan Hariz in 1698. It was first published in Kazakh publications by O. Koishiyev in 1998-2018.

Рис.2. Скульптурный бюст Айтеке би на основе антропологической реконструкции по черепу из погребения на Центральном кладбище г.Нурата (Узбекистан), изученного казахстан-скими антропологами в 2005 г.

Fig. 2. Sculptural bust of Aiteke bi based on an anthropological reconstruction of a skull from a burial at the Central Cemetery of Nurata (Uzbekistan), studied by Kazakh anthropologists in 2005.

казахстанскому варианту тураноидной расы. Разницы в высоте и ширине лица на двух снимках почти нет. Строение носовых костей похоже друг на друга. Выступление скуловых костей тоже близко на обоих изображениях и находится на одном уровне в горизонтальной плоскости лица. В целом преобладает не столько различия между двумя лицами, сколько их взаимная близость. Таким образом, вполне можно констатировать, что реконструированный бюст по черепу с

помощью антропологического метода и написанный художником портрет являются изображением лица одного и того же человека, а именно лица Айтеке би. Описание внешних черт Айтеке би является правильным определением, поскольку основан на научных морфологических сравнительных значениях. Свое мнение о взаимном сходстве этих двух изображений писал и О. Койшиев.

Главный вывод заключается в том, что погребение, находящееся с восточной

стороны полуразрушенных стен мазара Сейткула аулие на Центральном кладбище г. Нурата Навоинской области Узбекистана согласно историко-культурным сведениям и антропологической идентификации костных останков (половозрастные и морфологические особенности) действительно принадлежит Айтеке би. Отныне путь продвижения образа Айтеке би должен опираться только на эти портреты.

Закключение

Проведенные историко-антропологические исследования весьма своевременны, хотя по своей сущности, очень сложны. Впервые на основе комплексных историко-антропологических исследований исторической личности Айтеке би осуществлен историко-архивный поиск неизвестных ранее сведений о нем, проведены историко-антропологические изыскания с уточнением точного места его захоронения и проведением антропологической идентификации его костных останков с последующей пластической реконструкцией его внешнего облика по черепу.

На основе реконструкций, выполненных по методу восстановления лица по черепу, скульпторы и художники смогут создавать реальные образы исторических лиц и их достоверные портреты, максимально приближенные к их прижизненному внешнему облику. Это внесет существенный вклад в познание наших исторических корней, в развитие отечественной истории, археологии и антропологии, в воспитание национального патриотизма и гордости у нынешнего и будущих поколений.

Сейчас нет возможности проведения научных историко-антропологических исследований по Толе би и Казыбек би. Дело в том, что на месте погребения Толе би еще в царское время был построен мазар и его вскрывать на территории Узбекистана (старое кладбище Шайхантаур в пределах г.Ташкента) не позволено. Казыбек би скончался в Центральном Казахстане, но его решили похоронить в Туркестане рядом со святым местом – мавзолеем Ходжа Ахмеда Яссауи. Советское правительство поручило двум республикам – Казахстану и Узбекистану, вести надзор над этим мавзолеем. А в 1956-1957 гг. археологи Узбекистана без научных изысканий решили почистить фронтальную часть перед мавзолеем Ходжа Ахмеда Яссауи, где располагалась большая земляная насыпь, в которой без надгробного знака был похоронен Казыбек би в числе других султанов. Насыпь полностью снесли экскаваторами и на самосвалах грунт свезли за пределы казахского кладбища.

Таким образом, из трех известных казахских биев только по Айтеке би удалось провести историко-антропологические исследования. Поэтому в наши дни необходимо внести изменения в практику изображения известных исторических лиц казахского народа, большинство из которых – это всего лишь их фантазии художников.

Работая в области физической антропологии Казахстана более полувека, ученые имеют возможности восстановления реального внешнего облика значимых фигур не только для Казахстана, но и для всей цивилизации Востока. Как известно научный метод антропологической реконструкции по костным останкам, разработанный

российским антропологом М.М. Герасимовым, позволяет наиболее достоверно воссоздать документальный прижизненный скульптурный портрет человека на основе его черепа. Несомненно, осуществление научно обоснованных методов по воссозданию реального облика целого ряда

изначимых исторических личностей будет иметь ключевое значение не только для исторической науки, но и способствовать воспитанию чувства патриотизма, и в целом ощутимо обогатит духовную сферу и усилит национальную гордость казахского народа.

Литература

1. Антропологическая реконструкция и проблемы палеоэтнографии, 1973. Сборник памяти М. М. Герасимова. М.: Наука. 189 с.
2. Антропологическая реконструкция, 1991. М. 189 с.
3. Балыева Т.С., Веселовская Е.В., Григорьева О.М., Пестряков А.П., 2012. Становление и динамика облика населения Сибири и Казахстана // Исторический журнал «Arcona». [Электронный ресурс]. URL: <https://arkona.kz/stanovlenie-i-dinamika-oblika-naseleniya-sibiri-i-kazakhstana/>
4. Герасимов М.М., 1955. Восстановление лица по черепу. М.: Издательство АН СССР. 581 с.
5. Григорьева О.М., Веселовская Е.В., Пестряков А.П., 2023. Татьяна Сергеевна Балыева, ученый, соратник, друг // 80-лет Центру физической антропологии ИАЭ РАН. Российский журнал физической антропологии. №4. С.89-124.
6. Жалаңтөс баһадүр – тарихи тұлға, 2018. Деректі танымды жинақ. Алматы: Зерде. 85–89 бб.
7. Исмагулов О., 2006. Кобыланды батыр и воссоздание его исторического образа (взгляд антрополога) // Қобыланды батыр. Республикалық ғылыми-практикалық конференциясы бойынша. Ақтөбе. С.83-90.
8. Исмагулов О., Исмагулова А., 2007. Историко-антропологическая значимость антропологической реконструкции выдающихся деятелей Казахстана // Қобыланды: аңыздар мен шындықтар тоғысында. Республикалық ғылыми-тәжірибелік конференцияның материалдар. Ақтөбе. С.19–26.
9. Исмагулов О., Исмагулова А., 2017. Происхождение казахского народа (по данным физической антропологии). Алматы. 196 с.
10. Исмагулов О., Исмагулова А., 2021. Очерки по антропологии казахского народа и его предков. Нур-Султан: Международная Тюркская академия. 128 с.
11. Исмагулов О., Исмагулова А., Косанбаев С., 2005. Историко-антропологическое исследование Айтеке би // Қазақ өркениеті. Университет «Кайнар». №3 (19). С.10–18.
12. Қожағұл С.О., 2016. Баһадүр Жалаңтөс. Алматы: Мұсылман. 150 б.
13. Қойшиев Ө., 1998. Әйтеке бидің шын бейнесі қандай? // Газета «Дат». №18, 3 сентября 1998 г.
14. Қойшиев Ө., 2013. Жалаңтөс баһадүр // «Мұсылман» газеті . № 3–4 (105). 2–15 бб.
15. Смағұлов О., Смағұлова А., 2020. Қазақ халқы және ата тегі. Алматы: Арна. 472 б.

16. Смағұлұлы О., Қожаев М., Оразаққызы А., 1999. Абылай хан. Тарихи-антропологиялық зерттеу. Алматы: Атамұра. 175 б.
17. Смағұлұлы О., Қожа М., Оразаққызы А., 2023. Абылай хан. Тарихи-антропологиялық зерттеу. Алматы: Атамұра. 208 б.
18. Шаяхметов Н.Ж., 1969. Из тьмы веков (портрет по черепу). Алма-Ата: «Казахстан». 103 с.

References

1. Antropologicheskaiia rekonstruktsiia i problemy paleoetnografii [Anthropological reconstruction and problems of paleoethnography], 1973. Sbornik pamiati M. M. Gerasimova. M.: Nauka. 189 p. [in Russian]
2. Antropologicheskaiia rekonstruktsiia [Anthropological reconstruction], 1991. M. 189 p. [in Russian]
3. Balueva T.S., Veselovskaia E.V., Grigoreva O.M., Pestriakov A.P, 2012. Stanovlenie i dinamika oblika naseleniia Sibiri i Kazakhstana [Formation and dynamics of the appearance of the population of Siberia and Kazakhstan] // Istoricheskii zhurnal «Arcona». [E-source]. URL: <https://arkona.kz/stanovlenie-i-dinamika-oblika-naseleniya-sibiri-i-kazaxstana/> [in Russian]
4. Gerasimov M.M. 1955. Vosstanovlenie litsa po cherepu [Reconstruction of the face from the skull]. M.: Izdatelstvo AN SSSR. 581 p. [in Russian]
5. Grigoreva O.M., Veselovskaya E.V., Pestryakov A.P., 2023 Tatyana Sergeevna Balueva, ucheniy, soratnik, drug [Tatyana Sergeevna Baluyeva, scientist, colleague, friend] // 80–let Tsentru fizicheskoy antropologii IAE RAN. Rossiyskiy jurnal fizicheskoy antropologii. №4. Pp.89-124. [In Russian]
6. Zhalantos bahadur – tarikhi tulga [Jalangtos Bahadur is a historical image], 2018. Derekti tanymdy zhinak. Almaty: Zerde. Pp. 85–89. [in Kazakh]
7. Ismagulov O., 2006. Kobylandy batyr i vossozhdanie ego istoricheskogo obraza (vzgliad antropologa) [Kobylandy batyr and the reconstruction of his historical image (the view of an anthropologist)] // Kobylandy batyr. Respublikalyk gylymi-praktikalyk konferentsiy boiynsha. Aktobe. Pp. 83-90. [in Russian]
8. Ismagulov O., Ismagulova A., 2007. Istoriko-antropologicheskaiia znachimost antropologicheskoi rekonstruktsii vydaushchikhsia deiatelei Kazakhstana [Historical and anthropological significance of the anthropological reconstruction of outstanding figures of Kazakhstan] // Kobylandy: anyzdar men shyndyktar togysynda. Respublikalyk gylymi-tazhiribelik konferentsiianyn materialdar. Aktobe. Pp.19–26. [in Russian]
9. Ismagulov O., Ismagulova A., 2017. Proiskhozhdenie kazakhskogo naroda (po dannym fizicheskoi antropologii) [The origin of the Kazakh people (according to physical anthropology)]. Almaty. 196 p. [in Russian]
10. Ismagulov O., Ismagulova A., 2021. Ocherki po antropologii kazakhskogo naroda i ego predkov [Essays on the anthropology of the Kazakh people and their ancestors]. Nur-Sultan: Mezhdunarodnaia Tiurkskaia akademiia. 128 p. [in Russian]
11. Ismagulov O., Ismagulova A., Kosanbaev S., 2005. Istoriko-antropologicheskoe issledovanie Aiteke bi [Historical and anthropological research of Aiteke bi] // Kazak orkenieti. Universitet «Kainar». №3 (19). Pp.10–18. [in Kazakh]

12. Kozhagul S.O., 2016. Bahadur Zhalantos. Almaty: Musylman. 150 p.
13. Koishiev O., 1998. Aiteke bidin shyn beinesi kandai? [What is the true image of Aiteke bi] // Gazeta «Dat». №18 ot 3 sentiabria. [in Kazakh]
14. Koishiev O., 2013. Zhalantos bahadur // «Musylman» gazeti . № 3–4 (105). Pp. 2–15. [in Kazakh]
15. Smagulov O., Smagulova A., 2020. Kazak khalky zhane ata tegi [Kazakh people and ancestry]. Almaty: Arna. 472 p. [in Kazakh]
16. Smagululy O., Kozhaev M., Orazakkyzy A., 1999. Abylai khan. Tarikhi-antropologiyalyk zertteu. Almaty: Atamura. 175 p. [in Kazakh]
17. Smagululy O., Kozha M., Orazakkyzy A., 2023. Abylai khan. Tarikhi-antropologiyalyk zertteu. Almaty: Atamura. 208 p. [in Kazakh]
18. Shaiakhmetov N.Zh. Iz tmy vekov (portret po cherepu) [From the darkness of centuries (portrait based on the skull)]. Alma-Ata: izd. «Kazakhstan», 1969. 103 p. [in Russian]

Исмагулов О.,¹ Исмагулова А.О.²

¹Қазақстан Республикасының Ұлттық музейі
Астана, Қазақстан

² М.Әуезов атындағы Оңтүстік Қазақстан университеті
Шымкент, Қазақстан
*e-mail: ainagul.ismagulova@bk.ru

ӘЙТЕКЕ БИДІҢ АЙҚЫН БЕЙНЕСІ (АНТРОПОЛОГИЯЛЫҚ ЗЕРТТЕУ)

Аңдатпа. Мақалада Әйтеке бидің өмір сүрген жылдарының нақты мерзімі болмағанымен, Өзбекстанның Науаи облысы Нұрата қаласында – бір аймақта туып, қайтыс болғаны атап өтіледі. Халық жадысы арқылы оның Нұрата қаласындағы орталық зиратқа жерленген орны белгілі болды. Ұзақ жылдар бойы оның жеке портреті белгісіз болып, тек бірнеше жыл бұрын ғана анықталып отыр. Мақаланың мақсаты: Әйтеке бидің жерленген жерінен алынған сүйек қалдықтарын тарихи-антропологиялық зерттеу және оның бас сүйегі бойынша алынған мүсіндік антропологиялық реконструкциямен таныстыру. Сонымен қатар, алынған бейнені XVII ғасырдың соңында испан суретшісі салған тірі кезіндегі портретімен салыстыру. Зерттеу археологиялық қазба, архивтік және антропологиялық зерттеулер арқылы стандартты әдіспен жүргізілді. Авторлар сонымен қатар М.М. Герасимов әзірлеген мүсіндік антропологиялық реконструкция ғылыми әдісіне сүйенген. Соның нәтижесінде Әйтеке бидің сүйек қалдықтарына тарихи-антропологиялық сәйкестендіру жұмыстары жүргізіліп, оның нақты жерленген жері анықталып, бас сүйегінен оның мүсіндік антропологиялық реконструкциясы жасалған, алынған нәтижелер Әйтеке бидің нақты келбетін анықтауға мүмкіндік берді. Бұл мүсіндік портрет антропологиялық тұрғыдан Әйтеке бидің көзі тірісінде салған испан суретшісі Хуан Харистің суретімен салыстырылды. Негізгі тұжырым: тарихи-мәдени мәліметтерге және сүйек қалдықтарының

антропологиялық сәйкестендірілуіне байланысты, олар шын мәнінде Әйтеке биге тиесілі екені анықталды. Әйтеке бидің сыртқы келбетінің кейінгі барлық бейнелері оның реконструкция жасалған бейнесі мен оның тірі кезінде салынған портретіне негізделуі керек.

Кілт сөздер: Әйтеке би, жерлеу орны, антропологиялық зерттеулер, мүсіндік реконструкция, портрет

Дәйексөз үшін: Исмагулов О., Исмагулова А.О. Әйтеке бидің айқын бейнесі (антропологиялық зерттеу) // Мәдени мұра. 2024. №4 (107). 6-24 б.(Орыс.)

DOI: <https://doi.org/10.47500/2024.v20.i4.01>

Ismagulov O.,¹ Ismagulova A.O.²

¹National Museum of the Republic of Kazakhstan
Astana, Kazakhstan

²Mukhtar Auezov South Kazakhstan University
Shymkent, Kazakhstan

*e-mail: ainagul.ismagulova@bk.ru

AUTHENTIC IMAGE OF AYTEKE BI (ANTHROPOLOGICAL RESEARCH)

Abstract. The article highlights that Ayteke Bi was born and died in Nurata city, Navoi region of Uzbekistan, though his exact life dates are unknown. His burial site in the central cemetery of Nurata has remained renowned thanks to popular memory. For a long time, no lifetime portrait of him existed, but one was discovered only a few years ago.

The study examines the skeletal remains of Ayteke Bi, retrieved from his burial site, and presents a sculptural anthropological reconstruction of his skull. This reconstruction is compared with a lifetime portrait painted by Spanish artist Juan Haris at the end of the 17th century.

The research utilized archaeological excavation, archival study, and anthropological methods, including M.M. Gerasimov's sculptural reconstruction technique. It confirmed the location of Ayteke Bi's burial and provided an accurate representation of his appearance.

The findings suggest that the skeletal remains belong to Ayteke Bi, and the reconstructed image aligns closely with the historical portrait. Future depictions of Ayteke Bi should be based on these verified reconstructions and his lifetime portrait.

This study offers valuable insights into Ayteke Bi's historical identity, combining anthropology and historical analysis.

Keywords: Ayteke bi, burial place, anthropological research, sculptural reconstruction, lifetime portrait.

For citation: Ismagulov O., Ismagulova A.O. Authentic image of Ayteke bi (anthropological research) // Madeni mura. 2024. №4 (107). 6-24 p. (in Rus.)

DOI: <https://doi.org/10.47500/2024.v20.i4.01>

Сведения об авторах:

1. **Исмагулов Оразак**, д.и.н., профессор, академик Национальной академии наук Республики Казахстан, член-корреспондент Болонской Академии наук (Италия), научный сотрудник лаборатории физической антропологии, Национальный музей Республики Казахстан, Астана, Казахстан.

ORCID: 0000-0001-9875-9231

2. **Исмагулова Айнагуль Оразаковна**, старший научный сотрудник лаборатории физической антропологии Научно-исследовательского центра археологии и антропологических исследований, Южно-Казахстанский университет им. М. Ауезова, Шымкент, Казахстан.

ORCID: 0009-0009-6605-0151

Авторлар туралы мәлімет:

1. **Смағұлов Оразак**, т.ғ.д., профессор, Қазақстан Республикасы Ұлттық ғылым академиясының академигі, Болонья ғылым академиясының (Италия) корреспондент-мүшесі, физикалық антропология зертханасының ғылыми қызметкері, Қазақстан Республикасы Ұлттық музейі, Астана, Қазақстан.

ORCID: 0000-0001-9875-9231

2. **Смағұлова Айнагүл**, Археология және антропологиялық зерттеулер ғылыми орталығының физикалық антропология зертханасының аға ғылыми қызметкері, М.Әуезов атындағы Оңтүстік Қазақстан университеті, Шымкент, Қазақстан.

ORCID: 0009-0009-6605-0151

Information about authors:

1. **Ismagulov Orazak**, Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Corresponding Member of Bologna Academy of Sciences (Italy), scientific researcher at the Laboratory of Physical Anthropology, the National Museum of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan.

ORCID: 0000-0001-9875-9231

2. **Ismagulova Ainagul**, Senior scientific researcher at the Laboratory of Physical Anthropology of the Research Center for Archeology and Anthropological studies, Mukhtar Auezov South Kazakhstan University, Shymkent, Kazakhstan.

ORCID: 0009-0009-6605-0151

Перечень сокращений

СССР – Союз Советских Социалистических республик

МОН РК – Министерство образования и науки Республики Казахстан

АН – Академия наук

Р.Е.Н. – Club – аббревиатура от английских слов «poet» (поэт), «essayist» (эссеист), «novelist» (романист), складывающаяся в слово «PEN» — перо/ручка. Международная правозащитная неправительственная организация, объединяющая профессиональных писателей, поэтов и журналистов, работающих в различных литературных жанрах.

Археология / Archaeology / Археология

FTAMP 03.41.91

<https://doi.org/10.47500/2024.v20.i4.02>

Бекзатқызы И.

Ә.Х. Марғұлан атындағы археология институты

Алматы, Қазақстан

e-mail: irinabekzatqyzy@gmail.com

АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ АРТЕФАКТІЛЕРДІ 3D СКАНЕРЛЕУДІҢ ӘДІСТЕМЕСІ ЖӘНЕ ТӘЖІРИБЕСІ

Аңдатпа. Археологиялық артефактілерді 3D модельдеу – мәдени мұраны толық зерттеуге және сақтауға мүмкіндік беретін нысандардың сандық көріністерін құру процесі. Қазіргі уақытта археологиялық зерттеулерде 3D модельдеудің екі технологиясы белсенді қолданылады, олар сканерлеу (лазерлік сканерлер және құрылымдық жарық сканерлері) және фотограмметрия. Мақала сканерлеу әдісі арқылы археологиялық нысандардың үш өлшемді моделін құру әдістемесіне арналған. Мақаланың мақсаты – археологиялық артефактілерді сканерлеу тәжірибесімен бөлісу, құрылымдық жарық сканерімен жұмыс істеу әдістемесін сипаттау және алынған нәтижелер мен модельдерді көпшілікке ұсыну.

А.Х. Марғұлан атындағы Археология институты жүзеге асыратын «Ежелгі және орта ғасырлардағы Қазақстан: археологиялық дереккөздерді жүйелеу және талдау» бағдарламасы аясында әртүрлі археологиялық артефактілерді сканерлеу бойынша жұмыстар жүргізілді. Ұсынылған мақалада археологиялық артефактілерді құрылымдық жарық сканерінің көмегімен сканерлеудің әмбебап әдісі келтірілген. Көлемі мен ою-өрнектері әр түрлі музей экспонаттарын үш өлшемді сканерлеу әдістері жан-жақты сипатталған. Музей экспонаттарының үш өлшемді суреттерінің мысалында әртүрлі түстегі және өлшемдегі археологиялық артефактілерді сканерлеуге арналған негізгі нұсқаулықтар берілген. Құрылғы қате орнатылған жағдайда немесе сканерленетін нысанның физикалық қасиеттеріне байланысты сканерлеу кезінде жиі кездесетін қателіктердің мысалдары келтірілген. Модельді құрудың сканерлеуден бастап оны Sketchfab сайтына жүктеуге дейінгі барлық кезеңдері орындалған. Қазақстан ғылымындағы ахуалды талдау бүгінгі таңда жекелеген ғылыми институттар мен орталықтар археологиялық зерттеулерде 3D технологияларын қолданудың бастапқы кезеңінде екендігін көрсетті.

Кілт сөздер: мәдени мұра, цифрлы археология, 3D модельдеу, 3D сканерлеу, геоматика, археологиялық мұра, виртуалды музей.

Дәйексөз үшін: Бекзатқызы И. Археологиялық артефактілерді 3D сканерлеудің әдістемесі және тәжірибесі // Мәдени мұра. 2024. №4 (107). 25-39 б.(қазақ.)

DOI: <https://doi.org/10.47500/2024.v20.i4.02>

Кіріспе

Соңғы жылдарда еліміздің археологиялық мұраны зерттеу, сақтау және насихаттау саласына 3D технологиялардың келуі жаңа мүмкіндіктерге жол ашты. Цифрлы археология дегеніміз археологиялық деректерді құжаттау, талдау және визуализациялау үшін цифрлық құралдарды қолдану. Ол зерттеу мүмкіндіктерін кеңейтуге, мәдени мұраны сақтау процесін жеңілдетуге және оны кең аудиторияға қолжетімді етуге көмектеседі. Бұл өз кезегінде 3D сканерлеу, 3D модельдеу, фотограмметрия, геоақпараттық жүйе, сандық мәліметтер базасын құру секілді әдістерді қамтиды.

Қазақстан археологиялық ескерткіштерге өте бай. Алайда, көптеген археологиялық нысандар табиғи факторлардың (эрозия, климаттық жағдайлар), адам қызметінің (құрылыс, ауыл шаруашылығы) және тіпті вандализм актілерінің салдарынан жойылу қаупінде тұр. 3D модельдеу артефактілер мен ескерткіштердің дәлме-дәл цифрлық көшірмелерін, тіпті олар жойылған немесе жоғалған жағдайда да сақтауға мүмкіндік береді. 3D модельдеу арқылы ежелгі қалалар мен қоныстардың келбетін қайта қалпына келтіруге болады. Бұл тек ғылыми зерттеулерге ғана емес, сонымен қатар виртуалды музейлер мен білім беру бағдарламалары арқылы тарихты насихаттауға ықпал етеді.

Әр далалық маусымда еліміздің барлық бағыты бойынша түрлі қазба жұмыстары жүргізіледі. Қазба барысы және олардан табылатын бірегей артефактілер кешенді зерттеуді талап етеді. Осы орайда археология ғылымында 3D модельдеудің жаңа әдістерін қолдану өте өзекті. Бұған

дейін құжаттау әдістерінің қызметін фотосуреттер мен екі өлшемді сызбалар атқарған болса, қазіргі таңда үш өлшемді модельдеу кез-келген зерттеушіге археологиялық ескерткіш туралы толық ақпаратты бере алады. Бұл бағыттың болашағы зор, өйткені ол бірегей археологиялық ескерткіштерді субъективті бағалаудан сақтайды және музей ісі мен туризм саласының жаңа деңгейге шығуына мүмкіндік береді.

Адамзат үшін тарихи-мәдени мұраны сақтау тақырыбы ешқашан маңыздылығын жоғалтқан емес. Ең маңызды деген тарих және сәулет ескерткіштерінің 3D моделдерін жасау бүгінде ЮНЕСКО және басқа да халықаралық ұйымдардың қолдауымен жүзеге асырылып жатқан жаһандық жобаға айналууда. Осы жаһандық үрдістің бір бағыты музей экспонаттарын цифрландыру және виртуалды археологиялық 3D музейлерін құру болып табылады.

Музей экспонаттарын цифрландырудың негізгі мақсаты сақтау, насихаттау, сондай-ақ оларға қолжетімділікті арттыру болып табылады.

Интернет желісінде орналастырылған артефактілермен қашықтан жұмыс істеу мүмкіндігі ғылыми ақпаратпен алмасу жылдамдығын бірнеше есе арттырады және музей қорларындағы көпшілікке беймәлім коллекцияларды кең аудиториямен таныстыруға мүмкіндік береді. Технологияның үздіксіз дамуы болашақта барлық археологиялық артефактілерді 3D форматта цифрландыру мүмкіндігіне жол ашары сөзсіз.

Музей экспонаттарының 3D моделін жасаудың тағы бір артықшылығы кез-келген тұтынушы артефактіні

барлық жағынан егжей-тегжейлі қарай алады және зерттеуге қажетті кез-келген өлшемді жүргізе алады. Сондай-ақ, модельді жеке компьютерге жүктеп, одан кейін кез-келген экспонаттың көлемді фото көшірмесін басып шығара алады (Вавулин және т.б., 2014: 21-22).

Осылайша, Қазақстан археологиясындағы 3D-модельдеу мәдени мұраны сақтау және зерттеу әдісі ғана емес, сонымен қатар оны танымал етудің қуатты құралы болып табылады, бұл ғылым мен білім беруді цифрландырудың әлемдік үрдістері аясында өзекті болып табылады.

Материалдар және зерттеу әдістері

Қазіргі таңда археологиялық зерттеулерде фотограмметрия және сканерлеу әдістерімен (лазерлік сканерлер және құрылымдық жарық сканерлері) 3D модельдеу жиі кездеседі (Remondino, Samraña, 2014:7). Отандық археологиялық зерттеулерде құрылғы мен өңдеу бағдарламаларының салыстырмалы түрде қол жетімділігіне байланысты 3D сканерлеуге қарағанда фотограмметрия әдісі жиі қолданылады. Алайда, біз бұл мақалада археологиялық артефактілерді құрылымдық жарық сканерінің көмегімен сканерлеу әдісіне шолу жасайтын боламыз.

Цифрландыру – бұл қандай да бір музей экспонатын одан әрі сақтау және пайдалану үшін цифрлық деректерге айналдыру процесі. Музей қорларын цифрландыру процесі бірнеше кезеңнен өтеді. Бірінші, дайындық кезеңінде экспонаттарды іріктеу, оның жай-күйін тексеру жүргізіледі, содан кейін ғана цифрландыруға кірісуге болады. Музей экспонаттарының түріне қарай әр түрлі цифрландыру технологиялары қолданылатындығын да айта кету керек.

Әрбір сканерлеу әдісінің өзіндік артықшылықтары мен кемшіліктері бар, сондықтан әр жағдайда нақты бір құрылғыны таңдау зерттеу міндетінің ерекшеліктеріне және сканерленетін бұйымның сипатына қарай анықталады. Біздің тәжірибемізде 3D Shining компаниясы шығарған EinScan-SP жарықпен жабдықталған заманауи 3D сканері және 3D сканерлеу деректерін өңдеуге арналған EinScan S бағдарламасы пайдаланылды. Сканерлеуден кейін бағдарламада файлдарды (қолмен немесе автоматты түрде) біріктіруге, сандық модельдің түрін таңдауға, модельді басып шығаруға жіберуге немесе оны әрі қарай өңдеу үшін сақтауға болады.

Сканер лазер емес, жарық арқылы сканерлеу технологиясына негізделген, ол күрделі сандық модельдерді құру кезінде дәлдікті қамтамасыз етеді. Әр сканерлеу кезінде ең жоғары сапалы 3D деректері бар файлдар құрылады. Деректерді оңай әрі жылдам жинайды. Сканер деректері қосымша өңдеусіз 3D принтерге түсінікті болу үшін автоматты түрде жасалады, сондықтан сканерленген модельді бірден принтерге басып шығаруға болады (3D Shining ресми сайты EinScan-SP - Higher Accuracy Desktop 3D Scanner | EinScan).

Тақырыптың зерттелу деңгейі

3D технология археология саласында бүкіл әлемде қолданылады және жұмыстардың нәтижелері кеңінен жарияланған. Қазақстан археологиясында мұндай жұмыстар соңғы жылдары ғана пайда бола бастады, әйтсе де көптеген зерттеушілер қазба жұмыстарында бұл жаңа әдістерді қолданудың мүмкіндіктерін бағалап үлгерді. Еліміздегі көптеген университеттер мен ғылыми

институттар 3D технологияны өз тәжірибелеріне енді ғана енгізе бастады. Сондықтан бұл тақырыпқа арналған жобалар көпшіліктің қызығушылығын тудырып қана қоймай, әлі де болса зерттеуді қажет етеді.

Қазіргі таңда көптеген отандық музейлер 3D технологияларын қолдана отырып, виртуалды турлар мен көрмелер құру жобаларын жүзеге асыра бастады. Алайда, әзірге бізде археологиялық артефактілердің виртуалды 3D музейі жасалған жоқ.

Әлемдік тәжірибедегі археологиялық артефактілердің виртуалды 3D музейін құрудың ең үздік үлгілерінің бірі – Арканзас университетінің озық технологиялар орталығы әзірлеген Хэмпсон виртуалды музейі болып табылады. Музейде негізінен доктор Джеймс Хэмпсонның Ноден қонысында жүргізген қазба жұмыстары кезінде табылған артефактілердің 3D моделдері қойылған. Қазіргі уақытта бұл археологиялық артефактілердің толық жұмыс істейтін әлемдегі ең үлкен 3D музейі болып саналады. Онда 440 экспонат орналастырылған (Virtual Hampson Museum (uark.edu)).

Қазақстанда археология саласында 3D технологияны Ә.Х. Марғұлан атындағы археология институты мен «Қазқайтажаңғырту» кәсіпорыны «Мәдени мұра» мемлекеттік бағдарламасы аясында бірлескен жобаларды жүзеге асыру барысында қолға алған (Әбілбекұлы, 2019:62). 2017 жылы ҚР бірінші президенті Н.Ә. Назарбаевтың шешімімен бастау алған ҚР музей қорының мемлекеттік каталогын құру бағдарламасы аясында отандық музейлерде экспонаттардың 3D моделін жасауға көңіл бөліне бастады. Музей экспонаттарын цифрландырумен қатар, «Қасиетті

Қазақстан» бағдарламасы іске қосылып, оның аясында кесенелер мен қабірлерден бастап мешіттер мен мемориалдық кешендерге дейінгі мәдени маңызы бар әртүрлі нысандардың 3D моделдері жасалып басталған болатын.

Бұдан бөлек, археологиялық нысандар мен артефактілердің 3D моделдерін жасауда отандық археология ғылымындағы бірқатар зерттеушілердің тәжірибелері бар. Сарыарқа аймағындағы Саба қорымы, Ботағай кесенесі, Сарыарқа пирамидасы, Қосбатыр кешені (Асылбеков, 2019), Текелі қаласының аумағындағы көне Будда бейнеленген тас (Антонов, 2018), Шығыс Қазақстан облысында орналасқан Қырыққүңгір қорымы мен онда табылған артефактілердің (Умиткалиев және т.б., 2020) фотограмметрия әдісі арқылы үш өлшемді моделдері жасалып, ғылыми айналымға енгізілгенін атап өтуге болады. Ғылыми айналымда фотограмметрия әдісі бойынша бірқатар мақалалар кездескенмен (Әбілбекұлы, 2019; Әбілбекұлы, Каженова, 2019), 3D сканерлеу бойынша қазақ тіліндегі зерттеулер жоқтың қасы.

Әлемдік тәжірибедегі археология ғылымында ондаған жылдардан бері қолданылып келе жатқан бұл әдістердің археологиялық зерттеулер үшін артықшылығы туралы көптеген ғылыми еңбектер бар (Hermon, Nikodem, 2007:1). Тақырыпты зерттеу барысында Fabio Remondino, Stefano Campana «3D Recording and Modelling in Archaeology and Cultural Heritage» (Remondino, Campana, 2014), Sorin Hermon – Joanna Nikodem «3D Modelling as a Scientific Research Tool in Archaeology» (Hermon, Nikodem, 2007) еңбектеріне шолу жасалды. Аталған еңбектерде археология ғылымы

үшін 3D технологияны қолданудың маңызы және археологиялық қазба нәтижелерін 3D-құжаттаудың заманауи технологияларын қолдану мүмкіндіктері қарастырылған.

Ресей тәжірибесінде де бұл әдіс соңғы онжылдықта кеңінен қолданыла бастады. Мысалы, П.В. Чистяков, В.С. Ковалев, К.А. Колобова, А.В. Шалагина, А.И. Кривошапкин «3D моделирование археологических артефактов при помощи сканеров структурированного подсвета», М.Вавулин, О. Зайцева, А. Пушкарёв «Методика и практика 3D сканирования разнотипных археологических артефактов», Е.М. Шепинина «Применение 3D моделирования в археологии: достоинства и недостатки», О.В. Зайцева «3D революция в археологической фиксации в российской перспективе» және т.б. ғылыми мақалаларда археологиялық артефактілерді 3D сканерлеу әдістемесі, сканердің көмегімен 3D модельдер алу тәжірибесі, сондай-ақ археологияда 3D модельдеуді қолданудың артықшылықтары мен кемшіліктеріне талдау жасалады.

Бүгінгі таңда Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты археологиялық артефактілерді 3D сканерлеу бойынша мақсатты түрде жұмыс жасауда. «Ежелгі және орта ғасырлардағы Қазақстан: археологиялық дереккөздерді жүйелеу және талдау» жобасы бойынша жүргізіліп жатқан іргелі ғылыми зерттеулер аясында ауқымды жұмыстар іске асырылды. Алынған нәтижелер sketchfab сайтындағы Институт парақшасында (<https://sketchfab.com/margulan>) жарияланған.

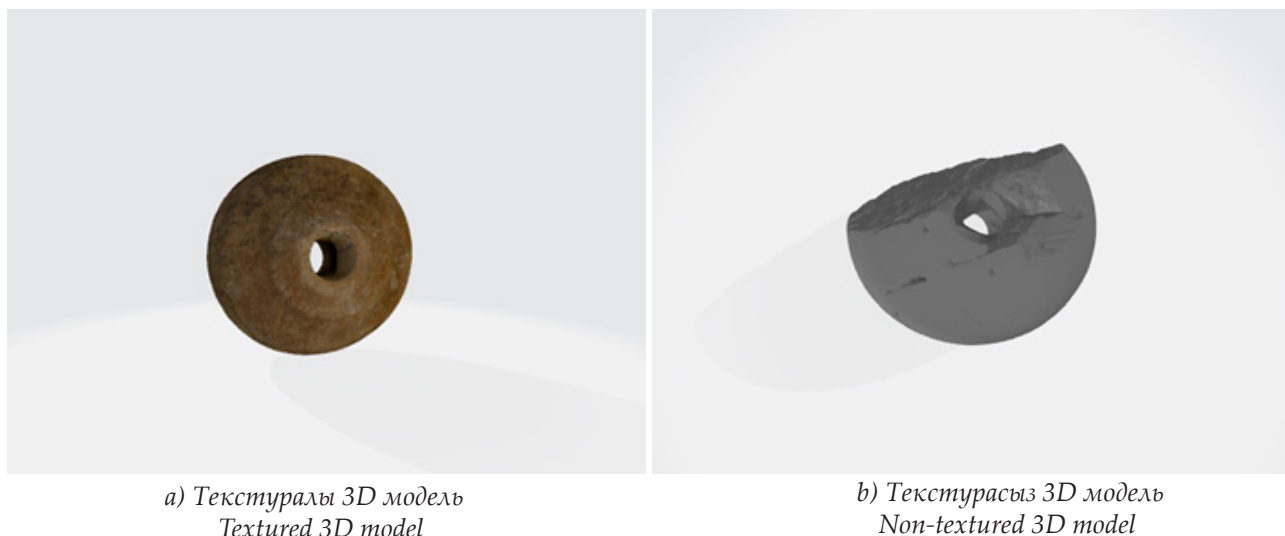
Нәтижелер мен талдаулар

Біздің тәжірибемізде әзірге 3D технологияларды археологиялық зерттеулерде қолданудың бастапқы нәтижелері ғана бар. Соған қарамастан, 3D модельдеу археологиялық нысандар мен табылымдарды құжаттау және талдау процесін айтарлықтай жақсартқанын айта кету керек. Сандық модельдерді құру әсіресе уақыттың немесе адам әрекеті салдарынан жойылу қаупі бар ескерткіштер туралы ақпаратты сақтауға ықпалын тигізуде. Сонымен қатар, жасалған 3D модельдер артефактіні бастапқы қалпында елестетуге мүмкіндік берді, бұл оның құрылымын, функциясын және мәдени контекстін жақсы түсінуге көмектесері анық.

Археологиялық нысандардың үш өлшемді модельдері ғылыми маңыздылығынан бөлек, үлкен білім беру және ағартушылық әлеуетке ие. 3D модельдеу қуатты білім беру құралы бола алады. Егер дәстүрлі екі өлшемді сызбаларды тек кәсіби археолог ғана түсінетін болса, виртуалды турлар мен интерактивті модельдер өте көрнекті болғандықтан, қалың көпшілікті де қызықтырмай қоймайды. Мұндай технологияларды қолдану археологияны кең аудиторияға қол жетімді және түсінікті етеді.

Археологиялық нысандарды зерттеу кезінде 3D технологияларын қолданудың өте маңызды салдары 3D принтердің көмегімен олардың дәл үш өлшемді көшірмесін алу мүмкіндігі болып табылады. Нақты жерлеу орындарының, сәулет құрылыстарының және басқа да нысандардың кішірейтілген көшірме пішіндері қазіргі заманғы музей экспозицияларына белсенді түрде енгізілуде (Зайцева, 2014:16).

Археологиялық артефактілерді

Сур. 1. Текстуралық және текстурасыз 3D модельдер

Fig. 1. Textured and non-textured 3D models

құрылымдық жарық сканерінің көмегімен модельдеу археологиядағы ең жылдам дамып келе жатқан инновациялық бағыттардың бірі десе болады. Біздің тәжірибеміздегі EinScan-SP сканері айналмалы үстелде және айналмалы үстелсіз қолмен реттеу арқылы жоғары сападағы модельдер жасауға, сонымен қатар текстуралық және текстурасыз модельдерді құруға мүмкіндік береді (1-сур.).

Артефактілердің масштабталған үш өлшемді модельдері жаңа технологиялар таралғанға дейін қол жетімсіз болған нақты морфологиялық және статистикалық мәліметтерді алуға мүмкіндік береді (Чистяков және т.б., 2019:103). Аталған сканер көмегімен бірегей материалдарды сақтау мақсатында әр түрлі типтегі музей экспонаттары сканерленді. Нәтижесінде түпнұсқаға толық сәйкес келетін бірнеше археологиялық артефактілердің масштабталған моделі алынды. Олардың қатарында қыш ыдыстар, тастан жасалған бұйымдар, еңбек құралдары, жебе ұштары, құрбандық тастары, сүйек бұйымдар

және т.б. бар (2-сур.). 3D сканерлеу артефактінің пішінін, өлшемін және басқа да сипаттамаларын тереңірек талдауға мүмкіндік берді.

Сканерде екі сканерлеу режимі бар: Fixed Scan (қолмен) және Auto Scan (автоматты). Ең қолайлысы – автоматты, яғни айналмалы үстелді таңдау. Бұл режимде артефактінің салмағы 5 кг-нан, ұзындығы 25 см-ден аспауы керек. Сканерленетін бұйым айналмалы үстелдің бетіне орналастырылып, бірнеше қырынан автоматты түрде сканерленеді. Сканерленетін артефактінің ең аз дегенде 8-12 суреті түсіріледі. Фрагмент түсірімінің санын көбейтуге де болады, бұл алдыңғыға қарағанда ұзақ өңдеуді қажет етеді және нәтиже сапасының төмендеуіне әкеледі. Сканерлеудің бұл әдісінде артефактінің жекелеген суреттері автоматты түрде бір нысанға біріктіріледі. Бұл нәтиженің сапасы мен ол нәтижеге жету үшін жұмсалған уақыт тұрғысынан тиімді болып табылады.

Қолмен сканерлеу режимін салмағы 5 кг-нан, ұзындығы 25 см-ден асатын және күрделі пішіндегі заттар үшін

Сур. 2. Археологиялық артефактілердің үш өлшемді моделдері
a,b – қыш ыдыс (Г.Н. Потанин атындағы Павлодар облыстық тарихи-өлкетану музейі)
c – антропоморфты мүсін; d – балта (Қостанай облыстық тарихи-өлкетану музейі)

Fig. 2. Three-dimensional models of archaeological artifacts
a, b – ceramic vessel (Potanin Museum of History and Local Lore)
c – an anthropomorphic figure; d – axe (Kostanay Regional Museum of local lore)

қолданылады. Бұл жағдайда сканер штативке орнатылады, ал сканерленетін артефакт тегіс бетке орналастырылады. Артефактіні қолмен бұрып тұру арқылы түсіріледі.

Артефактілерді сканерлеу процесі келесі қадамдарды қамтиды:

1. Жұмысқа дайындық, жарыққа, жұмыс орнына, сканерленетін артефактілерге қойылатын талаптар.

Ең алдымен сканерді нұсқаулыққа сәйкес құрастыру қажет. Сканер, сканерленетін нысан секілді, тегіс және тұрақты бетке орнатылуы керек. Айналмалы үстелде цифрландыру кезінде артефакт сканердің көру жиегінен шықпауы керек. Цифрландыру кезінде жұмыс орнының қара көлеңке болуы жақсы нәтиже береді. Сканерлеуден кейінгі өңдеуді

жеңілдету үшін (мысалы, артефактіге қатысы жоқ, қажет емес элементтерді алып тастау үшін) артефактіні арнайы тіреуішке немесе пластилин тәрізді жабысқақ массаға қойған жөн.

2. Сканерді калибрлеу. Сканерді пайдалануды бастамас бұрын калибрлеу қажет. Ол үшін калибрлеу тақтасы тірекке бекітіліп, айналмалы үстелге орнатылады. Калибрлеу жартылай автоматты режимде өтеді, пайдаланушының міндеті компьютер мониторияндағы нұсқауларды орындау. Тексуралы модельдер жасау үшін жарықты реттеу керек. Сканер мен EinScan S бағдарламасын іске қосқан кезде компьютерде бағдарламаның осы нұсқасының орнатылғандығы және сканердің барлық құрылғыларының (камералардың) қосылуы тексеріледі. Бір немесе бірнеше құрамбөліктері дұрыс қосылмаған жағдайда кабельдер мен қуат көзінің қосылуын тексеріп, құрылғыны істен ажыратып қайта қосу керек. Сканердің барлық құрамбөліктері сәтті қосылған жағдайда бағдарлама іске қосылады және бағдарламаның бастапқы мәзірі пайдаланушыға қол жетімді болады.

3. Камераларды дайындау. Сканердің алдыңғы жағында 1,3 мегапикселді екі камера және сканерлеу кезінде артефактіге жарық түсіретін проектор объективі бар. Жарық көзі ретінде Shining 3D Einscan SP ақ, көзге қауіпсіз жарықты пайдаланады. Сканер жұмыс істеуі үшін оның камералары бір нүктеде түйісуі керек. Бір нүктеде тоғысқан проектор сканерленетін артефактінің бетіне крест белгісін көрсетуі керек (Чистяков және т.б., 2019:104-106). Камера артефактіні түсіргеннен кейін, арнайы алгоритмдер бұл кескіндерді артефактінің бетіндегі нүктелердің координаталарын есептеу

үшін автоматты түрде өңдейді. Алынған ақпарат жоғары дәлдікпен үш өлшемді модель құру үшін қолданылады.

Өңдеуден кейін модельдерді сканер OBJ, STL, ASC, PLY, 3MF, P3 форматтарында сақтай алады. Алайда, көп жағдайда obj форматында сақтаған тиімді.

3D геометрия деректерін сақтау үшін Obj форматы кең таралған және оны үш өлшемді модельдермен (3d max, Maya, Mesh Lab және т.б.) жұмыс істейтін көптеген бағдарламаларда ашуға болады. Obj форматындағы файлдардың көмегімен 3D принтерде артефактілердің 3D көшірмелерін жасауға болады (Вавулин және т.б., 2014:23). Дайын болған Obj форматындағы модельдерді Sketchfab сайтына жүктей беруге болады.

Архелогиялық зерттеулерде 3D сканерлеуді қолданудың бірден бір артықшылығы кескіннің түпнұсқаға сай дәлме-дәл көшірмесін алу мүмкіндігі. Мысалы қолмен сызылған суреттерде суретшінің жеке көзқарасына немесе қарым-қабілетіне байланысты субъективті қателер кетуі мүмкін. Сондықтан мұндай сызбаларда көп жағдайда ғылыми дәлдік жетіспейді. Үш өлшемді модельдің сызбадан айырмашылығы түпнұсқаға толық сәйкес келуі болып табылады. Фотоаппаратпен түсіру арқылы алынған суреттерде субъективті қателер болмайды, алайда олар автоматты түрде масштабталмағандықтан, метрикалық зерттеулер үшін қолжетімсіз. Мұндай өлшеу дәлдігін тек артефактілердің үш өлшемді модельдері ғана қамтамасыз ете алады.

Фотосурет текстурасының біртұтас болуы көркемдік жағынан ұтымды болғанмен, артефактілердің техникалық сипаттамаларын зерттеуде қиындық

тудырады. Өз кезегінде, ғылыми басылымдарда кеңінен таралған жоғары сапалы текстурасыз модельдер артефактілердің барлық техникалық морфологиялық сипаттамаларын анықтауға мүмкіндік береді.

3D сканерлеуге жұмсалатын уақыт сканерленетін нысанның күрделілігіне байланысты. Аса күрделі емес модельдер жасау үшін бағдарламалық өңдеу жұмыстарын қоса есептегенде фотосурет түсіруге кететіндей уақыт жұмсалады. Егер артефакт көп ракурстан түсіруді қажет етсе, сәйкесінше оны өңдеу де файлдардың көптігіне байланысты соғұрлым ұзақ уақыт алады (Бочарова және т.б., 2022:156-157).

Сондай-ақ, сканерлеу кезінде сканерленетін артефактілердің физикалық қасиеттеріне байланысты кейбір мәселелер туындауы мүмкін. Таңдап алынған музей экспонаттары бір-бірінен өлшемдері, түсі, пішіні, бетінің құрылымы, ойықтардың, тесіктердің немесе жарықшақтардың болуы немесе болмауымен ерекшеленеді. Аталған сипаттамалардың әрқайсысы 3D модель жасау кезінде сканерлеу процесін айтарлықтай қиындатуы мүмкін. Мысалы, сканер жылтыр, қанық қара түсті, алтын немесе әйнек тәрізді артефактілерді түсіруге шамасы жете бермейді. Бұл мәселені шешу үшін артефактінің бетіне шашылатын арнайы спрейді қолданған жөн.

Үш өлшемді модельдеу кезінде ең көп кездесетін қателік – сканерді дұрыс калибрлеу немесе калибрлік өлшемді жоғалту. Бұл жағдайда суреттердің дұрыс бірікпеуі салдарынан, модель дұрыс шықпайды. Мұндай қателік орын алған жағдайда сканерді толық калибрлеу процесін қайталап, оның сапасына көз жеткізу керек (Чистяков және т.б., 2019:108-109). Дұрыс сканерлеу

және көрсетілген нұсқауларды орындау нәтижесінде 2-суретте келтірілгендей үш өлшемді модельдер алуға болады.

Қорытынды

3D сканерлеу әдісіне тәжірибе жасау нәтижесінде келесідей тұжырым жасалды:

1. Құрылымдық жарық сканерінің көмегімен алынған үш өлшемді модельдер текстураны айқын бере алуы тұрғысынан фотосурет беретін ақпараттан асып түседі. Сәйкесінше нақты ғылыми мәліметтерді алуға мүмкіндік береді.

2. Модельдерді құру жылдамдығы мен визуалды кескіннің сапасы жағынан графикалық сызбаларға қарағанда үш өлшемді модельдеуге толық басымдық бере аламыз. 3D модельдеу арқылы түпнұсқаға толық сәйкес келетін нәтижені алуға болады.

3. 3D технология мәдени мұра нысандарын көпшілікке қолжетімді етеді. 3D нысан үлгілерін виртуалды музейлер мен көрмелер жасау үшін пайдалануға болады. Өңірлер арасындағы үлкен қашықтықты және көптеген археологиялық ескерткіштер орналасқан жету қиын жерлерді ескеретін болсақ, бұл Қазақстан үшін ерекше маңызды. Виртуалды экспозициялар барлық адамға бірегей мәдени және тарихи нысандарға қол жеткізуге мүмкіндік береді.

4. 3D технологиялары халықаралық ынтымақтастыққа ықпал етеді. 3D сканерлеу арқылы алынған деректер басқа ғалымдар мен зерттеу топтарына әрі қарай зерттеу үшін ұсынуды жеңілдетеді. Бұл шетелдік мамандарды Қазақстанның мәдени мұра нысандарын зерттеуге тартуға, сондай-ақ тәжірибе мен технологиялармен алмасуға мүмкіндік береді.

5. 3D сканерлеу басқа әдістерге қарағанда құрылғы мен өңдеу бағдарламасының қажеттілігіне байланысты шығынды көбірек қажет етеді. Алайда, ғылыми зерттеулер үшін бағасы қолжетімді сканерлерді таңдау мүмкіндігі бар екенін атап өткен жөн.

Осылайша, 3D сканерлеу археологтарға мәдени мұраны сақтау және зерттеудің сапасын жақсарту үшін таптырмас құрал болып табылады. Сканерлеу әдісін қолдана отырып, үш өлшемді модельдеу қазіргі таңда археологиядағы өте перспективалы және белсенді дамып келе жатқан бағытқа айналды.

Алайда, археологиялық артефактілерді сканерлеудің әмбебап әдістері жоқ. Біз мысалға алған сканердің артықшылықтарымен қатар, осал тұстарын да атап көрсеттік. Сканерленетін нысанның көлеміне, түріне, басқа да ерекшеліктеріне байланысты әртүрлі құрылғылар мен өңдеу бағдарламалары қолданылады. Шын мәнінде, әр артефактімен жұмыс жасау – бұл шығармашылық процесс десе болады, яғни оның барысында қандай да бір арнайы құрылғыны пайдалану тиімді әдіс-тәсілдерді қалыптастыруға және сапалы модель

алуға мүмкіндік береді.

Құрылымдық жарықты қолдана отырып, 3D сканерлеу әдісі жоғары дәлдіктегі үш өлшемді модельдер жасау үшін тиімді және кеңінен қолданылатын құрал болып қала береді. Қолданысындағы кейбір шектеулерге қарамастан, оның артықшылықтары сканердің археология саласындағы сұранысын арттыруда. Бұл әдіс мәдени мұраны құжаттау және сақтаумен қатар, ғылыми зерттеулерге тың серпіліс берері сөзсіз.

Тұтастай алғанда, Қазақстан археологиясында 3D модельдеу әдісі дамып келеді және мамандар арасында жаңа технологияларға деген қызығушылықтың артуына қарап, бұл саладағы ілгерілеуді байқауға болады. Ол үшін аталмыш әдістердің (фотограмметрия және сканерлеу) артықшылықтарын ғылыми әдебиеттерде кеңінен насихаттау, 3D технологияның өз тәжірибеміздегі жетістіктерімен бөлісу, 3D модельдеу әдістерін жоғары оқу орындарында оқытунемесе оқу-тәжірибе жұмыстарын жүргізу, сондай-ақ ғылыми мекемелер мен музейлердің бірлесе отырып жұмыс атқаруы еліміздегі археология ғылымын елеулі түрде алға жылжытуға ықпал етеді деп есептейміз.

Мақала «BR 20280993 Ежелгі және орта ғасырлардағы Қазақстан: археологиялық дереккөздерді жүйелеу және талдау» іргелі ғылыми зерттеулер бағдарламасын жүзеге асыру аясында дайындалды.

Әдебиет

1. Антонов М.А., 2018. Текелийская Буддийская стела: исследование методом фотограмметрии // «Маргулановские чтения – 2018. Духовная модернизация и археологическое наследие». Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Алматы – Актобе. С. 606–612.

2. Асылбеков К.М., 2019. Цифровая 3D-фиксация объектов культурного наследия Сарыарки // Маргулановские чтения – 2019: Материалы Международной археологической научно-практической конференции, посвященной 95-летию со дня рождения выдающегося казахстанского археолога К.А. Акишева. Нур-Султан.

С. 617-623.

3. Әбілбекұлы Ә., 2019. Қазақстан археологиясындағы үш өлшемді визуализация: бүгінгі мен болашағы // У.Х. Шәлекеновтың 95-жылдығына арналған «Қазақстанның рухани жаңғыру жағдайындағы отандық археология мен этнология ғылымының даму болашағы» атты халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференция материалдары / Жауапты ред. Б.К. Қалшабаева. Алматы: Қазақ университеті. 238 б.

4. Әбілбекұлы Ә., Каженова Г.Т., 2019. Археологиялық визуализациядағы фотограмметриялық технологиялар // Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің хабаршысы. Тарихи ғылымдар. Философия. Дінтану сериясы. №4 (129). С. 63-70.

5. Бочарова Е.Н., Чистяков П.В., Жданов Р.К., Колобова К.А., 2022. Трехмерная визуализация в археологических исследованиях: корреляционное исследование // Сибирские исторические исследования. №3. С. 147–167.

6. Вавулин М., Зайцева О., Пушкарёв А., 2014. Методика и практика 3D сканирования разнотипных археологических артефактов // Сибирские исторические исследования. №4. С. 21-37.

7. Fabio Remondino, Stefano Campana., 2014. 3D Recording and Modelling in Archaeology and Cultural Heritage. Theory and best practices // BAR International Series 2598. P. 158.

8. Зайцева О.В., 2014. 3D революция в археологической фиксации в российской перспективе // Сибирские исторические исследования. №4. С. 10-20.

9. Умиткалиев У.У., Лбова Л.В., Хабдулина М.К., 2020. Новые методы и технологии в профессиональной подготовке специалистов в сфере археологии и этнологии // Вестник Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева. Серия Исторические науки. Философия. Религиоведение. № 2(131). С. 85-94.

10. Sorin Hermon – Joanna Nikodem., 2007. 3D Modelling as a Scientific Research Tool in Archaeology // Layers of Perception. САА. P. 1-6.

11. Чистяков П.В., Ковалев В.С., Колобова К.А., Шалагина А.В., Кривошапкин А.И., 2019. 3D моделирование археологических артефактов при помощи сканеров структурированного подсвета // Использование естественно-научных методов в археологических исследованиях. Новосибирск. С. 102-112.

12. Шепина Е.М., 2017. Применение 3D моделирования в археологии: достоинства и недостатки // Вестник магистратуры. №1(64). С. 17-18.

References

1. Antonov M. A., 2018. Tekeliiskaya Buddiiskaya stela: issledovanie metodom fotogrammetrii [Tekeli Buddhist stela: research by photogrammetry] // «Margulanovskie chtenia – 2018. Duhovnaya modernizatsia i arheologicheskoe nasledie». Sbornik materialov Mejdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferensii. Almaty-Aktobe. Pp. 606-612. [in Russian].

2. Assylbekov K. M., 2019. Tsifrovaya 3D-fiksatsia obektov kulturnogo nasledia Saryarki [Digital 3D fixation of Saryarka's cultural heritage sites] // Margulanovskie chtenia – 2019: Materialy Mejdunarodnoi arheologicheskoi nauchno-prakticheskoi konferensii, posveshennoi 95-letiu so dnya rojdenia vydaiyshegosia kazahstanskogo arheologa K.A.

Akisheva. Nur-Sultan. Pp. 617-623. [in Russian].

3. Abilbekuly A., 2019. Kazakstan arheologiasyndagy ush olshemdi vizualizasia: bugini men bolashagy [Three-dimensional visualization in the archeology of Kazakhstan: present state and future // U.H. Shalekenovtyn 95-jyldygyna arналган «Kazakstannyn ruhani jangyru jagdaiyndagy otandyk arheologia men etnologia gylymynyn damu bolashagy» atty halykaralyk gylymi-tajiribelik konferensia materialdary / Jauapty red. B.K. Kalshabaeva. Almaty: Kazak universiteti. 238 p. [in Kazakh].

4. Abilbekuly A., Kazhenova G.T., 2019. Arheologialyk vizualizasiadagy fotogrammetrialyk tehnologialar [Photogrammetric technologies in archaeological visualization] // L.N. Gumilev atyndagy Eurazia ulttyk universitetinin habarshysy. Tarihi gylymdar. Filosofia. Dintanu seriasy. №4 (129). Pp. 63-70 [in Kazakh].

5. Bocharova E.N., Chistyakov P.V., Zhdanov R.K., Kolobova K.A., 2022. Trehmernaya vizualizasia v arheologicheskikh issledovaniyah: korrelyatsionnoe issledovanie [Three-dimensional visualization in archaeological research: a correlation study] // Sibirskie istoricheskie issledovania. №3. Pp. 147–167. [in Russian].

6. Vavulin M., Zaitseva O., Pushkarev A., 2014. Metodika i praktika 3D skanirovaniya raznotipnykh arheologicheskikh artefaktov [Methodology and Practice of 3D Scanning of various types of Archaeological artifacts]. Sibirskie istoricheskie issledovania. №4. Pp. 21-37. [in Russian].

7. Fabio Remondino, Stefano Campana., 2014. 3D Recording and Modelling in Archaeology and Cultural Heritage. Theory and best practices // BAR International Series 2598. 158 p.

8. Zaitseva O.V., 2014. 3D revoliutsia v arheologicheskoi fiksatsii v rossiiskoi perspektive [The 3D Revolution in Archaeological Documentation from a Russian Perspective]. Sibirskie istoricheskie issledovania. №4. Pp. 10-20. [in Russian].

9. Umitkaliev U.U., Lbova L.V., Khabdulina M.K., 2020. Novye metody i tehnologii v professionalnoi podgotovke spetsialistov v sfere arheologii i etnologii [New methods and technologies in the professional training of specialists in the field of archaeology and ethnology] // Vestnik Evraziiskogo natsionalnogo universiteta imeni L.N. Gumileva. Seriya Istoricheskie nauki. Filosofia. Religiovedenie. №2 (131). Pp. 85-94 [in Russian].

10. Sorin Hermon – Joanna Nikodem., 2007. 3D Modelling as a Scientific Research Tool in Archaeology // Layers of Perception. CAA. Pp.1-6.

11. Chistyakov P.V., Kovalev V.S., Kolobova K.A., Shalagina A.V., Krivoshepkin A.I., 2019. 3D modelirovaniye arheologicheskikh artefaktov pri pomoshi skanerov strukturirovannogo podsveta [3D modelling of archaeological artifacts using structured light scanners] // Ispolzovanie estestvenno-nauchnykh metodov v arheologicheskikh issledovaniyah. Novosibirsk. Pp. 102-112. [in Russian].

12. Shepinina E.M., 2017. Primeneniye 3D modelirovaniya v arheologii: dostoinstva i nedostatki [Application of 3D modelling in archaeology: advantages and disadvantages]. Vestnik magistratury. №1(64). Pp. 17-18. [in Russian].

Бекзатқызы И.
Институт археологии им. А.Х. Маргулана
Алматы, Казахстан
e-mail: irinabekzatqyzy@gmail.com

МЕТОДИКА И ПРАКТИКА 3D СКАНИРОВАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ АРТЕФАКТОВ

Аннотация. 3D моделирование археологических артефактов – это процесс создания цифровых представлений объектов, который позволяет детально изучать и сохранять культурное наследие. В настоящее время в археологических исследованиях активно применяются две технологии 3D моделирования: сканирование (лазерные сканеры и сканеры структурированного подсвета) и фотограмметрия. Статья посвящена методике получения трехмерных археологических артефактов с помощью сканирования.

Цель данной статьи – поделиться опытом сканирования археологических артефактов, описать методику работы со сканером структурированного подсвета и представить полученные результаты и модели широкой общественности.

В рамках программы «Казахстан в древности и средневековье: систематизация и анализ археологических источников», реализуемой Институтом археологии им. А.Х. Маргулана, были проведены работы по сканированию разнотипных археологических артефактов. В предлагаемой статье приводится универсальная методика сканирования археологических артефактов при помощи сканера структурированного подсвета. Подробно изложены методики трехмерного сканирования музейных экспонатов разных размеров и типов орнаментации. Были пройдены все этапы построения модели: от сканирования до загрузки ее на сайт Sketchfab.

На примере трехмерных изображений музейных экспонатов даются основные рекомендации для сканирования археологических артефактов различных цветов и размеров. Приводятся примеры наиболее распространенных ошибок, появляющихся при сканировании в результате неправильных настроек оборудования либо из-за физических свойств сканируемых объектов.

Анализ ситуации в казахстанской науке показал, что на сегодняшний день отдельные научные институты и центры находятся на начальном этапе применения 3D-технологий в археологических исследованиях.

Ключевые слова: культурное наследие, цифровая археология, 3D моделирование, 3D сканирование, геоматика, археологическое наследие, виртуальный музей.

Для цитирования: Бекзаткызы И. Методика и практика 3D сканирования археологических артефактов // Мәдени мұра. 2024. №4 (107). 25-39 с.(каз.)

DOI: <https://doi.org/10.47500/2024.v20.i4.02>

I. Bekzatkyzy

Margulan Institute of Archeology

Almaty, Kazakhstan

e-mail: irinabekzatqyzy@gmail.com

3D SCANNING TECHNIQUES AND PRACTICES USED FOR ARCHAEOLOGICAL ARTIFACTS

Abstract. 3D modeling of archaeological artifacts involves creating digital representations of objects for detailed study and preservation of cultural heritage. Two key technologies used are scanning (laser and structured light scanners) and photogrammetry. This article focuses on the methodology for creating 3D models using structured light scanning.

The purpose is to share expertise in scanning archaeological artifacts, detail the methodology, and present results to the public. Conducted under the program "Kazakhstan in Antiquity and the Middle Ages: Systematization and Analysis of Archaeological Sources" by the Margulan Institute of Archaeology, the work involved scanning various artifact types.

The article outlines a universal method for scanning artifacts with structured light scanners, covering methodologies for museum exhibits of different sizes and ornamentation. The process—from scanning to uploading models on Sketchfab—is detailed. Recommendations for scanning artifacts of various colors and sizes are provided, alongside common errors caused by improper equipment settings or object properties.

An analysis highlights that Kazakhstani scientific institutions are in the early stages of adopting 3D technologies for archaeological research.

Keywords: cultural heritage, digital archaeology, 3D modeling, 3D scanning, geomatics, archaeological heritage, virtual museum.

For citation: I. Bekzatkyzy. 3D Scanning techniques and practices used for archaeological artifacts // Madeni mura. 2024. №4 (107).25-39 p. (in Kaz.)

DOI: <https://doi.org/10.47500/2024.v20.i4.02>

Автор туралы мәлімет:

Бекзатқызы Ирина, магистр, Геоматика және цифрлы археология бөлімінің кіші ғылыми қызметкері, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы, Қазақстан.

ORCID: 0000-0001-9293-6479

Сведения об авторе:

Бекзатқызы Ирина, магистр, младший научный сотрудник отдела геоматики и цифровой археологии, Института Археологии им. А. Х. Маргулана, Алматы, Казахстан.

ORCID: 0000-0001-9293-6479

Information about the author:

Irina Bekzatkyzy, Master, Junior Researcher at the Department of Geomatics and Digital Archaeology, Margulan Institute of Archeology, Almaty, Kazakhstan.

ORCID: 0000-0001-9293-6479

ГРНТИ 03.41.91

***Абильмаликов К.К.¹, Дей Д.Б.², Курманиязов И.С.³, Жакупова А.К.¹**¹Ново-Троицкая ОШ, Костанай, Казахстан²Центр исследований, реставрации и охраны историко-культурного наследия Костанайской области, Костанай, Казахстан³Кызылординский университет им. Коркыт Ата, Кызылорда, Казахстан

*e-mail: abilmalikov_kuanysh@mail.ru

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА СТОЯНКЕ ДУЗБАЙ-V В 2024 ГОДУ

Аннотация. Авторская коллективная статья посвящена археологическим работам и исследованиям на стоянке Дузбай-V в Аулиекольском районе Костанайской области. Стоянка каменного века Дузбай-V расположена рядом с несколькими одноименными стоянками каменного века периодов – от мезолита до эпохи железа, открытыми в 1979 году. Археологические исследования были проведены в рамках проекта Центра исследований, реставрации и охраны историко-культурного наследия Костанайской области, в ходе которых авторы пришли к выводу, что стоянка Дузбай-V является продолжением стоянки Дузбай-I, или стоянки Дузбай-IV, которые относятся к неолитическому периоду. Предположение о том, что стоянка Дузбай-V является лишь продолжением основной стоянки, расположенной дальше от реки, за холмом, куда не доходила вода при разливе реки.

Авторы отмечают, что на стоянке Дузбай-V не было зафиксировано орудий для охоты или рыбалки, что относит стоянку к Маханджарской культуре. Не было обнаружено наконечников стрел или копий, что говорит о том, что население относилось к типу собирателей. Также авторами отмечается, что стоянка Дузбай-V являлась местом, где изготавливали орудия из пластин, т.е. стоянка-мастерская, расположенная на возвышенности с которой было видно основное поселение.

В работе использовались методы стратиграфии, планиграфии, сравнительного анализа, типологии, а также метод моделирования керамической посуды из найденных фрагментов.

Ключевые слова: каменный век, неолит, энеолит, Дузбай-V, керамика, археологические работы.

Для цитирования: Абильмаликов К.К., Дей Д.Б., Курманиязов И.С., Жакупова А.К. Археологические исследования на стоянке Дузбай-V в 2024 году // Мәдени мұра. 2024. №4 (107). 40-53 с.(рус.)

DOI: <https://doi.org/10.47500/2024.v20.i4.03>

Введение

Стоянка Дузбай-V находится в 3 км к югу от поселка Дузбай Аулиекольского района Костанайской области, на левом берегу реки Атагай (правый приток реки Убаган), в 0,3 км к югу от дамбы и водохранилища Шурагали. Стоянка расположена на холмистой возвышенности и была обнаружена при прокладывании грунтовой сельской дороги. Открытая костанайскими археологами во главе с В.Н. Логвиным в 1979 г., стоянка была обозначена географическими координатами - 52°18'27.96"N, 64°32'34.33"E и внесена в Государственный список памятников истории и культуры Костанайской области. Общая площадь стоянки Дузбай-V составляет 50515 кв.м, охватывая единственный холм вдоль реки Атагай при впадении в водохранилище Шурагали.

В 2022 г. к.и.н. Е.В. Подзюбан и Д.Б. Дей из Центра исследований, реставрации и охраны историко-культурного наследия Костанайской области проводили археологическую разведку на стоянке Дузбай-V, в ходе которой было обнаружено 34 каменные находки. Тогда ими были определены границы стоянки, которые заканчивались понижением возвышенности (Рис. 1).

В 2023 г. повторная разведка Е.В. Подзюбан и Д.Б. Дея обнаружила еще 24 каменных орудия. Во время разведки Е.В. Подзюбан выдвинула версию, что стоянка Дузбай-V является частью одной из прилегающих стоянок, неолитического времени и не должна рассматриваться как отдельный памятник. Большинство найденных в 2023 г. костанайскими археологами каменных орудий относились к неолитической культуре.

В 2024 г. поверхностный сбор на

первом этапе археологических раскопок под руководством К.К. Абильмаликова составил более 250 каменных орудий труда, представленных в основном скребками, пластинами и техническими сколами. На рисунке 1 условными обозначениями в форме треугольников показаны находки поверхностного сбора, обнаруженные вдоль грунтовой дороги. На самой поверхности естественной возвышенности каменных находок не было обнаружено. Находки шли также ниже возвышенности, где находится стоянка Дузбай-V.

Северо-западнее стоянки располагается вторая грунтовая дорога и березовый лесной окол, расположенный в низине. Возвышенность, где находится стоянка Дузбай-V, в высоту 4 метра от уровня реки Атагай. Река Атагай расположена с восточной стороны от стоянки. Севернее водохранилища Шурагали проходит трасса Аулиеколь – Астана, южнее стоянки – открытые пересекающиеся холмами пространства, перемежающиеся отдельными лесными околками.

Материалы и методы. Методика исследования на стоянке Дузбай-V предполагала применение нескольких методов исследования: работа с архивными материалами и источниками, методов стратиграфии, планиграфии, сравнительного анализа, метода типологии.

Костанайскими археологами на первом этапе проводилась работа по сбору информации о стоянке, которая показала отсутствие каких-либо публикаций и отчетов открытого доступа о раскопках на памятнике Дузбай-V. Исследователями был сделан вывод, что раннее раскопки на стоянке не проводились, и с момента открытия

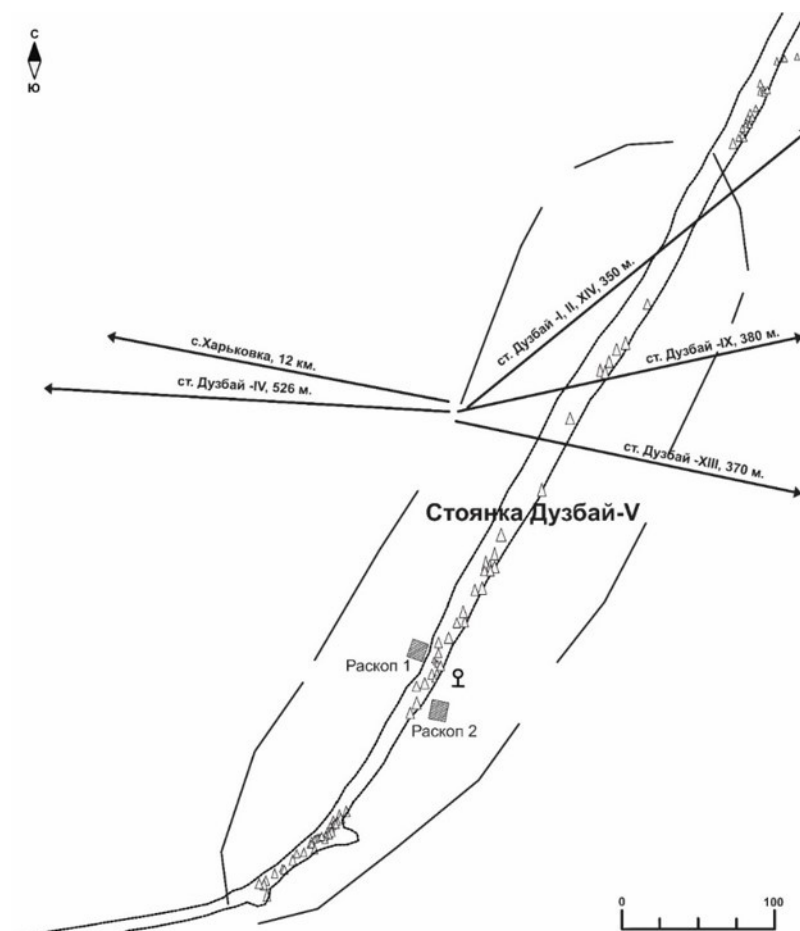

Рис. 1. Схема расположения стоянки Дузбай-V.

Расположение Раскопов 1 и 2. 2024 г.

Fig. 1. Diagram of the location of the Duzbay-V site.

Locations of Excavations 1 and 2. 2024.

в 1979 г. полноценные комплексные раскопки не производились. Поэтому в 2024 г. на территории стоянки, в центральной ее части, было заложено 2 раскопа по 16 кв.м. Раскопы были разбиты по классической советской методике археологических исследований. Раскопы 1 и 2 – это квадраты 4 на 4 метра, которые были заложены по обеим сторонам сельской грунтовой дороги (Рис.2).

Метод стратиграфии позволил выявить, что почвенный покров представлен каштановыми почвами вдоль берега реки и песчаными легкосуглинистыми отложениями

на значительном расстоянии от реки Атагай. Озера и реки в Аулиекольском районе в основном соленые.

На стоянке Дузбай-V и возле водохранилища Шаргали на глубине от 0 до 2 м, где в основном залегает культурный слой, находятся голоценовые отложения (Подзюбан, 2019; Подзюбан, 2021; Гребенюков, 2020). И почвенный покров представлен в основном песчаными солончаками, т.е. первый поверхностный слой – серый песок (до 30-40 см.) и следующий за ним – желтый песок (до 130 см.).

Квадраты были обозначены цифробуквенными обозначениями – это

Рис. 2. Общий план Раскоп 1 и 2. Вид сверху. Стоянка Дузбай-V. 2024 г.

Fig. 2. General plan of Excavations 1 and 2. Top view. Duzbay-V site. 2024.

Раскоп 1, квадрат А-I, Раскоп 2, квадрат А-I. Раскоп 1 был заложен в левой части стоянки, которая была разделена дорогой. Раскоп 2 был заложен в правой части стоянки.

Угловые координаты Раскопа 1: 1-й угол - 52°18'29.04"N, 64°32'35.25"E; 2-й угол - 52°18'29.00"N, 64°32'35.46"E; 3-й угол - 52°18'28.87"N, 64°32'35.35"E; 4-й угол - 52°18'28.93"N, 64°32'35.16"E.

Угловые координаты Раскопа 2: 1-й угол - 52°18'28.57"N, 64°32'35.53"E; 2-й угол - 52°18'28.53"N, 64°32'35.74"E; 3-й угол - 52°18'28.40"N, 64°32'35.68"E; 4-й угол - 52°18'28.43"N, 64°32'35.46"E.

Нулевая точка стоянки с географическими координатами - 52°18'28.67"N, 64°32'35.87"E определена в 145,9 см. Разница в перепадах между Раскопом 1 и нулевой точкой достаточно значительная. Раскоп 1 выше нулевой точки от +5,5 до +25,6 см. Раскоп 2 ниже нулевой точки от -1,5 до -8,7 см.

Стратиграфия и планиграфия

Раскопа 1 показывает отсутствие каких-либо следов конструкций или хозяйственных ям. Первый слой, в котором уже шли археологические находки, представлен темно-серым песком на глубине до 25 см. Далее следует светло-серый песок до 35 см, и затем желтый песок с небольшими вкраплениями серого песка на глубине 60 см. Серый песок попадает в нижние слои через мелких грызунов и лягушек, которые прокапывают ходы и норки

Стратиграфия Раскопа 2 также не показала наличие каких-либо следов конструкций или хозяйственных ям и схожа со стратиграфией Раскопа 1. Первый слой представлен темно-серым песком с глубиной залегания до 20 см, далее серый песок до 35 см, и светло-желтый песок до 1 м.

Степень изученности темы

Стоянки Дузбай-I-XV были открыты в 1979 г. отрядом экспедиции

Костанайского пединститута во главе с В.Н. Логвиным (Лонгвин, 1980; Лонгвин, 1981; Лонгвин, 2002; Лонгвин, Гребенюков, 1986; Лонгвин, 1981; Лонгвин, 2003).

В.Н. Логвин обнаружил несколько стоянок каменного века, расположенных компактно вдоль русла реки Атагай, со строительством водохранилища Шурагали, часть стоянок оказалась вдоль берега водоема и устья реки. На береговой зоне водохранилища оказались стоянки – Дузбай I, II, IV, V, VI, IX, XII, XIII.

Стоянки Дузбай III, VII, X, XI, XV располагались южнее вдоль русла реки Атагай. Сложность исследований в 1970-х гг. заключалась в наличии множества памятников разных исторических периодов от мезолита до эпохи железа. Археологические находки встречались вперемешку из-за особенностей почвенного покрова, когда песчанистый слой почвы легко пропускал в культурный слой предметы более позднего периода.

В 1979 году раскопки велись на трех памятниках – Дузбай-I с площадью раскопа в 68 кв.м, Дузбай-II – в 184 кв.м, Дузбай-III – в 60 кв.м. Стоянки преимущественно относились к неолитическому времени, частично в культурном слое встречались находки эпохи бронзы и эпохи железа. К неолитическим памятникам также относятся стоянки Дузбай-IV, V, VII, VIII. К энеолитическим стоянкам относятся Дузбай-IX-XIII (Лонгвин, 1980).

Рядом с неолитическими стоянками Дузбай-I-III находились стоянки мезолитического периода. Это стоянка Дузбай-VI, на которой преобладали микропластины с ретушью по боковым граням. Раскопки на стоянке Дузбай-VI велись в 1980 г., они показали 30%

преобладание пластинчатых орудий (Лонгвин, 1981).

В этом же году продолжились исследования на стоянке Дузбай-III с заложенным раскопом в 578 кв.м, где было найдено множество фрагментов тонкостенной керамики, пластины и незначительное количество орудий на отщепах. Расположение стоянок Дузбай I-XV показывает, что неолитические и энеолитические памятники располагались вдоль русла реки Атагай. Неолитические памятники Дузбая В.Н. Логвиным были отнесены к Маханджарской культуре.

Были обнаружены на энеолитических памятниках Дузбай-IX-XIII орнаментированные фаланги, характерные для Терсекской культуры. Исследования 2024 года на стоянке Дузбай-V показали наличие орудий на отщепах, характерных для энеолитических культур.

Анализ

Стоянка Дузбай-V расположена между неолитическими и энеолитическими стоянками вдоль реки Атагай. В культурном слое стоянки обнаружены каменные орудия труда, основанные на пластинчатой технологии. Это такие орудия труда как скребки на пластине, ножи на пластине, наконечники на пластине. Из 1011 коллекционных артефактов, 380 из них относятся к пластинам, чаще всего к медиальным фрагментам, которые использовались как ножевые вкладыши. Были зафиксированы проксимальные и дистальные пластины, с мелкой краевой ретушью по краям. Чаще всего ретушь на пластинах наносилась с одного рабочего края. Отсутствие наконечников стрел на стоянке характеризует ее как неолитический памятник

Маханджарской культуры.

Также встречались и орудия, изготовленные на отщеповой технологии, такие как скребки на отщепах. Орудия на отщеповой технологии хронологически относятся к энеолиту. В подтверждение энеолитической периодизации стоянки говорят и фрагменты керамики, которые имеют остродонную форму, характерную для энеолита (Рис.5). Орнаментация керамики в виде елочно-гребенчатого штампа подтверждает энеолитический характер стоянки. И относит Дузбай-V к Терсекской энеолитической культуре, для которой характерны остродонные сосуды.

Отсутствие остеологического материала, очажных зон, жилищных конструкций и преобладание неолитических орудий труда, говорит о том, что Дузбай-V был местом, где занимались изготовлением орудий, т.е. мастерской, в период существования Маханджарской культуры.

Позднее, в энеолитическое время, на этом же месте также могли заниматься изготовлением орудий труда. Фрагменты керамики и степень обжига говорят

о том, что в них содержалась пища, которую, предположительно, с собой приносили. Стоянка Дузбай-V носила временный характер использования.

Отдельно остается предположение, что в оставшейся неизученной части стоянки располагаются жилищные конструкции вместе с очажными зонами. Поэтому для более полной научной картины требуется комплексное исследование всей стоянки Дузбай-V.

Полученные результаты

Во время археологических раскопок 2024 г. на стоянке Дузбай-V было извлечено более 1200 каменных находок и фрагментов керамики. Большинство орудий были сфокусированы на глубине залегания культурного слоя до 40 см. Максимальная глубина культурного слоя, на которой находились каменные орудия – 80 см. При этом после 40 см находки на Раскопе 1 в количественном соотношении резко падали. Наиболее крупные артефакты были зафиксированы в планиграфическом описании (Рис.3-4).

В Раскопе 1 на глубине 30 см возле

Стоянка Дузбай-V. Раскоп 1.

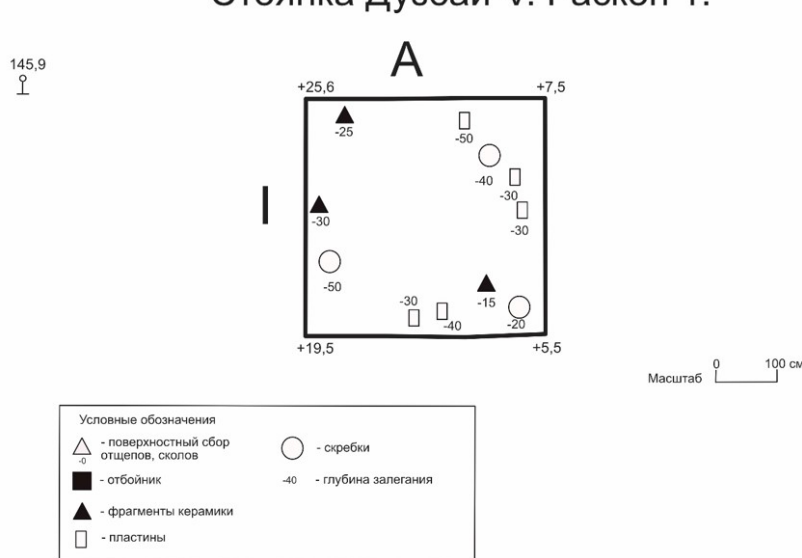

Рис. 3. План Раскопа 1 стоянки Дузбай-V. 2024 г.

Fig. 3. Plan of Excavation 1 at the Duzbay-V site. 2024.

западного профиля был обнаружен фрагмент керамики – доньшко сосуда, которое показывает остродонную форму сосуда. На внутренней поверхности фрагмента керамики были обнаружены остатки ткани (Рис.5).

Такие остатки ткани были найдены и на других фрагментах керамики. На глубине 15 см около восточного профиля на Раскопе 1 было обнаружено скопление фрагментов орнаментированной керамики.

На Раскопе 2 на глубине залегания культурного слоя в 20 см. возле восточного профиля был обнаружен клин со шлифованной частично поверхностью. Ближе к северному профилю на глубине 20 см был обнаружен карандашевидный нуклеус черного оттенка.

На глубине 40 см ближе к юго-восточному углу квадрата было найдено скопление 4 пластин, 1 скребка, 2 отщепов. Керамика в Раскопе 2 начала

встречаться на глубине 10 см. Каменные орудия труда и отходы производства каменной индустрии находились по всем Раскопам на разной глубине залегания.

Весь культурный слой в Раскопе 1 доходил до 40-50 см, в Раскопе 2 – до 70-80 см. На глубине 80 см находки были в небольшом количестве, и вероятно попали туда по причинам передвижения под землей грызунов.

На Раскопах 1 и 2 были найдены более 300 фрагментов керамики неолитическо-энеолитического периода. В орнаментации использовался ямочный и елочно-гребенчатый стиль. Ямочный стиль орнаментации можно увидеть на фрагменте керамики с коллекционным шифром №550. Орнаментация наносилась с помощью зубчатого штампа. В ямочном стиле орнаментации использовалась тонкая палочка или зубчик. Орнаментация наносилась по всей поверхности сосуда,

Стойка Дузбай-V. Раскоп 2.

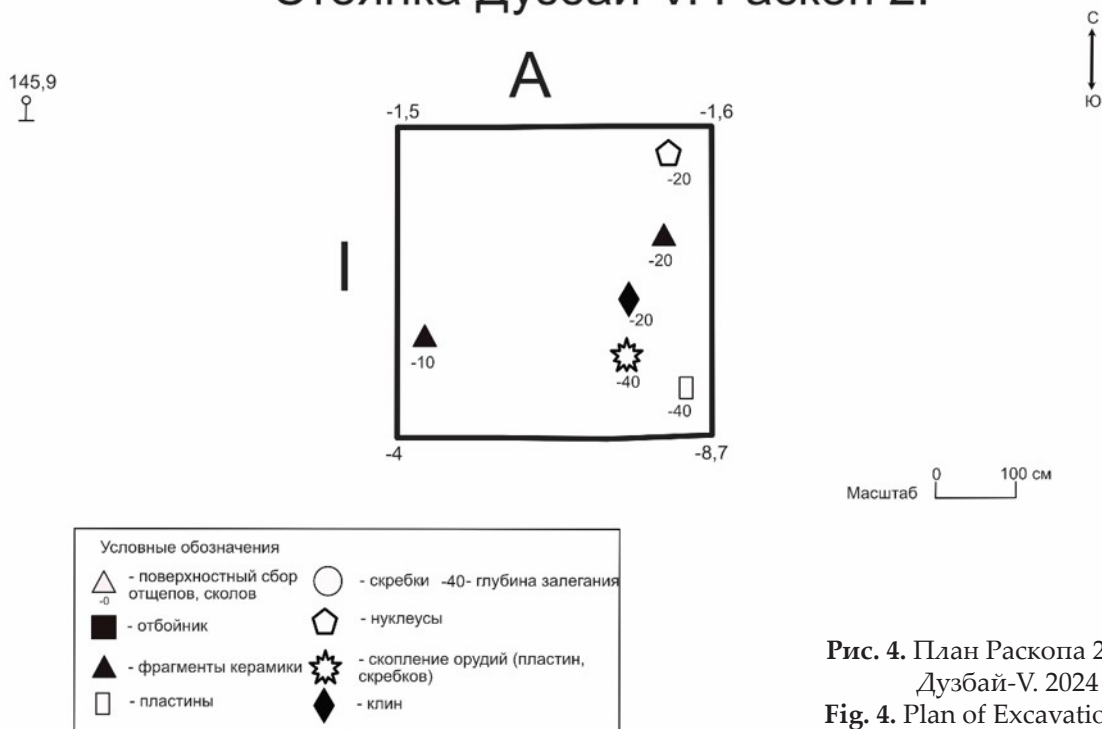

Рис. 4. План Раскопа 2 стоянки Дузбай-V. 2024 г.

Fig. 4. Plan of Excavation 2 at the Duzbay-V site. 2024.

либо не наносилась вовсе. Сосуды имели тонкие стенки толщиной до 0,6-1 см, в придонной части толщина керамики доходила до 1,2 см. Керамическое тесто плотное, с добавлением песка и с сильной степенью обжига в придонной части.

Фрагменты керамики, найденные в Раскопе 1, показывают традицию создания остродонных сосудов, с закрытым типом венчика, когда венчик сосуда загнут внутрь. Фрагмент керамики с коллекционным шифром показывает форму угловых сочленений стенки сосуда.

Фрагменты керамики с Раскопа 2 также орнаментированы гребенчатым штампом. На фрагменте венчика и шейки с коллекционным шифром №811 видна форма керамического сосуда, стенки которого выпуклые. Елочно-гребенчатый орнамент нанесен

Рис. 5. Фрагмент остродонной керамики со следами ткани на внутренней поверхности.
Стоянка Дузбай-V. 2024 г.

Fig. 5. Fragment of pointed-bottom pottery with textile impressions on the inner surface. Duzbay-V site. 2024.

по горизонтали поверхности сосуда. Венчик также орнаментирован мелкими ямочками с внутренней стороны, и гребенкой на внешней. Внутренняя поверхность керамики залощенная, гладкая. Степень обжига керамики высокая. На фрагменте керамики – венчике с шифром №800 орнаментация видна с внешней и внутренней стороны. Ширина зубчиков от 1 до 3 мм.

Венчик с коллекционным шифром №910 также имеет вогнутую внутрь форму. Орнаментация фрагмента представлена в виде ромба, нанесенного зубчатым штампом в три линии. Навершие венчика также орнаментировано. Данный фрагмент керамики был найден в Раскопе 2 на глубине 40-50 см. рядом встретился фрагмент с длиной зубчиков в 3 мм. Орнамент наносился как по горизонтали, так и по вертикали. Число линий в горизонтальной орнаментации сосудов было не четным, чаще всего 3 и 5.

Встречаются неорнаментированные фрагменты керамики с толщиной теста от 0,6 см и до 1 см. Степень обжига керамики достаточно высокая.

В.Н. Логвин, раскапывая стоянку Дузбай-III, выделял керамику, похожую на Маханджарскую, относя ее к неолитическому времени. Прототипом является ямно-афанасьевская керамика, с характерными особенностями – вытянутое острое дно, использование гребенчатого и ямочного штампа, узкого и широкого зубчиков, вдавливания ямочек под венчиком, изготовление венчика, вогнутого внутрь сосуда.

В целом на Раскопе 1 и 2 в 2024 г. было найдено фрагментов керамики – 6 сосудов, с острым дном, выпуклыми стенками и вогнутым венчиком. На венчике фиксируются также просверленные дырочки для продевания

веревки, чтобы керамический сосуд можно было повесить на стену жилища.

Каменный инвентарь представлен разнообразными типами орудий труда – скребков, микропластин с ретушью, ножами, клином. Также заготовками для изготовления орудий труда – призматическими, конусовидными и карандашевидными нуклеусами. Орудия выполнялись из кремневых пород, от светлого до черного оттенков. Большая часть орудия изготовлена на пластинчатой основе (до 40%). Поэтому самой большой группой орудий являются пластины, чаще всего встречающиеся в виде медиальных фрагментов, покрытых по краям мелкой краевой ретушью и с притупленной спинкой. Встречаются пластины с ретушью только по одной стороне орудия, также пластины, изготовленные при первичном скалывании и также вторичном скалывании, отличающиеся спинкой с гребешком и узкими скошенными площадками.

На Раскопе 1 на глубине в 10 см большинство орудий представлены медиальными пластинами, скребками на отщепах и пластинчатыми отщепами. Большинство изделий выполнено из светлого кремня. Встречаются пластинчатые отщепы, выполненные из кварцита. Пластины имеют широкие спинки, и длина пластин может достигать до 5,2 см.

Узкие пластины относятся к проксимальному типу, редко подвергающиеся ретушированию. Проксимальные пластины встречаются как длинные вытянутые в 3,5 см, так и обрубленные до 1 см. Можно предположить, что небольшие проксимальные пластины могли использовать в качестве наконечников для охоты на мелкую птицу и животных, а более крупные и изогнутые, с ретушью по рабочим краям, для соскабливания шкур.

На раскопе 1 на глубине культурного слоя в 20-30 см были зафиксированы

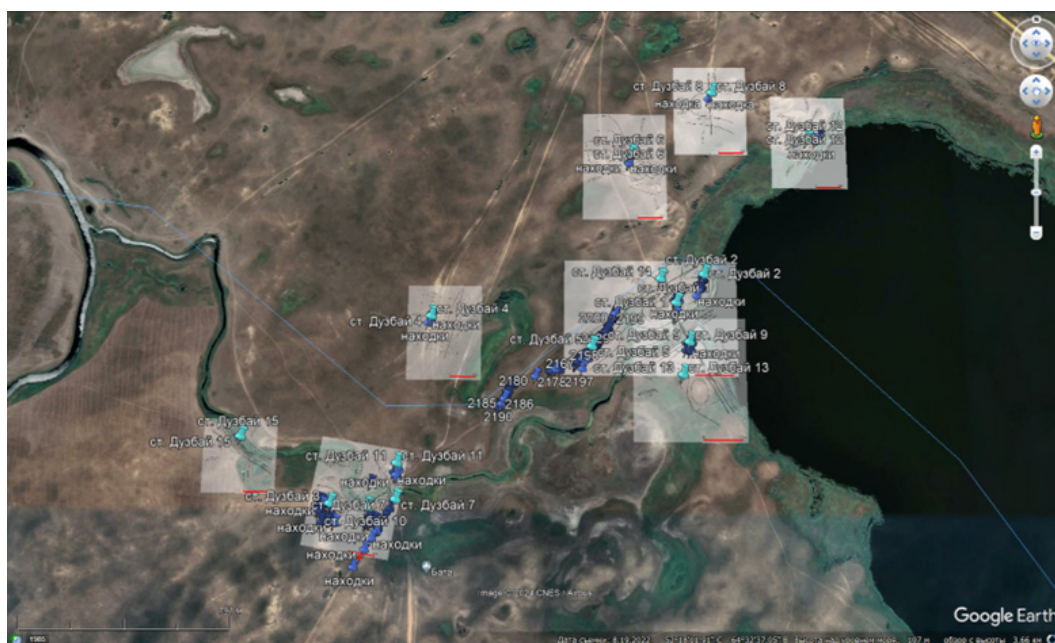

Рис. 6. Стоянка Дузбай-V. Направление на север. 2024 г.

Fig. 6. Duzbay-V site. View facing north. 2024.

призматический нуклеус (№412) коричневого цвета, изготовленный из кремневых пород, скребок на пластине (№502), скребок на отщепе (№413). На поверхности нуклеуса фиксируются 4 полосы скалывания пластин. На поверхности также частично видна желвачная корка. Скребок на отщепе выполнен из светлого яшмовкварцита, с рабочим лезвием, занимающим $\frac{3}{4}$ части края орудия. Ретушь, нанесенная на лезвие, выполнена с помощью отжимной технологии и представлена мелкой, краевой и дивергентной особенностями.

Скребок на пластине подпрямоугольной формы имеет ретушь по обоим краям и в верхней части орудия.

На Раскопе 2 на глубине 10-20 см был зафиксирован клин (№688) коричневого оттенка, выполненный из кремневой породы. Длина клина составляет 17 см, толщина 2,9 см. Большая часть поверхности зашлифована, верхняя часть изделия выщерблена. Также виден большой скол. Рабочая часть имеет небольшой скол, слегка притуплена. Возможно, клин во время использования лежал возле костра, потому что у основания рабочей части виден пригар. Рядом с клином был обнаружен также карандашевидный нуклеус (№899), выполненный из коричневого яшмовкварцита.

Скребки выполнены на пластинчатой основе, и рабочее лезвие занимает $\frac{3}{4}$ части края изделия.

На глубине 30-40 см залегания культурного слоя зафиксировано скребло-нож, выполненный на отщеповой основе. Длина скребла составляет 7,4 см, шириной в 3,7 см, и

толщиной в 0,8 см. Поверхность спинки выпуклая, брюшко при этом изогнутое. Рабочее лезвие находится по обоим краям изделия, и покрыто мелкой системной ретушью. По левому краю ретушь высокая крутая, по правому краю ретушь острая. Что говорит о двойном назначении каменного изделия.

По итогу исследованиями на Раскопе 1 и 2 стоянки Дузбай-V было найдено более 1200 каменных находок и фрагментов керамики, 1011 из них были занесены в коллекционную опись, не вошедшие представлены мелкими техническими сколами и чешуйками.

Заключение

В 2024 г. были проведены первые археологические раскопки на стоянке Дузбай-V сотрудниками Центра исследований, реставрации и охраны историко-культурного наследия Костанайской области. Было заложено 2 раскопа по 16 кв.м каждый. Извлечено более 1200 находок. Археологические раскопки показывают, что стоянка Дузбай-V может быть продолжением стоянки Дузбай-I или Дузбай-IV, которые относятся к неолитическому периоду Маханджарской культуры. Это доказывают аналогичные находки каменных изделий и керамики в 1979 г. и 1980г. Отсутствие конструкций, следов может говорить о временном характере места антропогенной деятельности. Возможно, это была стоянка-мастерская, что подтверждает наличие большого количества чешуек, отщепов и сколов и отсутствие остеологического материала.

Но для составления более полной картины требуется полное комплексное изучение стоянки Дузбай-V.

Литература

1. Гребенюков В.И., 2020. Изучение мезолита Северного Казахстана (до конца 80-х гг. XX столетия) // [Электронный ресурс] URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/mezoliticheskie-stoyanki-v-verhovyah-pritobolya/viewer> (Дата обращения: 8.06.2023).
2. Логвин А.В., Подзюбан Е.В., 1999. Отчет о полевых исследованиях кустанайского отряда Лисаковской археологической экспедиции летом 1998 г. // Кустанайский ун-т. Архив научно-исследовательского археологического центра. Кустанай. 67 с.
3. Логвин В.Н., 1980. Археологические открытия 1979 года. Москва: Наука. 436 с.
4. Логвин В.Н., 1981. Археологические открытия 1980 года. Москва: Наука. 436 с.
5. Логвин В.Н., 1991. Каменный век Казахстанского Притоболья (мезолит-энеолит). Алма-Ата. 214 с.
6. Логвин В. Н., 2002. Тургайский прогиб в эпоху мезолита-энеолита. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск. 40 с.
7. Логвин В.Н., 2003. Ранний энеолит Тургая // Археология, этнография и антропология Евразии. № 1 (13). С. 98–105.
8. Логвин В.Н., Гребенюков В.И., 1986. Отчет о полевых исследованиях ТАЭ летом 1985 г. // Кустанайский ун-т. Архив научно-исследовательского археологического центра. Кустанай. 95 с.
9. Подзюбан Е.В., 2002. Новые мезолитические памятники на территории Костанайского Притоболья // Проблемы каменного века Средней и Центральной Азии. Новосибирск. С. 173–177.
10. Подзюбан Е.В., 2019. Мезолитические стоянки в верховьях Притоболья // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия «История и археология». С. 897–910.
11. Подзюбан Е.В., 2021. Раннеголоценовые памятники на территории Тургайского прогиба // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2009. Том 8, выпуск 5: Археология и этнография. С. 98–108.

References

1. Grebeniukov V.I., 2020. Izuchenie mezolita Severnogo Kazakhstana (do kontsa 80-kh gg. XX stoletia) [Study of the Mesolithic Period in Northern Kazakhstan (up to the late 1980s)] // [E-source] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezoliticheskie-stoyanki-v-verhovyah-pritobolya/viewer> Data obrashcheniia: 8.06.2023. [in Russian]
2. Logvin A.V., Podziuban E.V., 1999. Otchet o polevykh issledovaniiah kustanaiskogo otriada Lisakovskoi arkheologicheskoi ekspeditsii letom 1998 g. [Report on Field Research by the Kostanay Team of the Lisakovsk Archaeological Expedition in the Summer of 1998] // Kustanaiskii un-t. Arkhiv nauchno-issledovatel'skogo arkheologicheskogo tsentra. Kustanai. 67 p. [in Russian]
3. Logvin V.N., 1980. Arkheologicheskie otkrytiia 1979 goda [Archaeological Discoveries of 1979]. Moskva: Nauka. 436 p. [in Russian]
4. Logvin V.N., 1981. Arkheologicheskie otkrytiia 1980 goda [Archaeological Discoveries of 1980]. Moskva: Nauka. 436 p. [in Russian]
5. Logvin V.N., 1991. Kamennyi vek Kazakhstanskogo Pritobolia (mezolit-eneolit) [The

Stone Age of the Kazakh Tributary (Mesolithic-Eneolithic)]. Alma-Ata. 214 p. [in Russian]

6. Logvin V.N., 2002. Turgaiskii progib v epokhu mezolita-eneolita [The Turgai Depression in the Mesolithic-Eneolithic Era]. Avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk. Novosibirsk, 40 p. [in Russian]

7. Logvin V.N., 2003. Rannii eneolit Turgai [Early Eneolithic of Turgai] // Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii. № 1 (13). Pp. 98–105. [in Russian]

8. Logvin V.N., Grebeniukov V.I., 1986. Otchet o polevykh issledovaniyakh TAE letom 1985 g. [Report on the TAE field research in the summer of 1985] // Kustanaiskii un-t. Arkhiv nauchno-issledovatel'skogo arkheologicheskogo tsentra. Kustanai. 95 p. [in Russian]

9. Podziuban E.V., 2002. Novye mezoliticheskie pamiatniki na territorii Kostanaiskogo Pritobolia [New Mesolithic monuments on the territory of the Kostanay Tributary] // Problemy kamennogo veka Srednei i Tsentralnoi Azii. Novosibirsk. Pp. 173–177. [in Russian]

10. Podziuban E.V., 2019. Mezoliticheskie stoiaki v verkhoviyakh Pritobolia [Mesolithic sites in the upper reaches of the Tributary] // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoriya i arkheologiya». Pp. 897–910. [in Russian]

11. Podziuban E.V., 2021. Rannegolotsenovye pamiatniki na territorii Turgaiskogo progiba [Early Holocene monuments on the territory of the Turgai trough] // Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya. 2009. Vol. 8, Issue 5: Arkheologiya i etnografiya. [in Russian]

*Абильмаликов К.К.¹, Дей Д.Б.², Құрманиязов И.С.³, Жакупова А.К.¹

¹Ново-Троицкая ОМ, Қостанай, Қазақстан

²Қостанай облысының тарихи-мәдени мұраны зерттеу,
реставрациялау және қорғау орталығы, Қостанай, Қазақстан

³Қорқыт Ата атындағы Қызылорда университеті, Қызылорда, Қазақстан

*e-mail: abilmalikov_kuanysh@mail.ru

ДҮЗБАЙ-V ТҰРАҒЫНДА 2024 ЖЫЛЫ ЖҮРГІЗІЛГЕН АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕР

Аңдапта. Авторлық ұжымдық мақалада Қостанай облысы, Әуликөл ауданындағы Дүзбай-V тұрақ орнында жүргізілген археологиялық жұмыстар мен зерттеулер қарастырылған. Дүзбай-V тас дәуірі тұрағы мезолиттен темір дәуіріне дейінгі кезеңдерді қамтитын бірнеше атаулы тас дәуірі тұрақтарының жанында орналасқан және 1979 жылы ашылған тұрақтың бірі. Археологиялық зерттеулер Қостанай облысының тарихи-мәдени мұраны зерттеу, қалпына келтіру және қорғау орталығының жобасы аясында жүргізілді. Бұл зерттеулер нәтижесінде авторлар Дүзбай-V тұрағы неолит кезеңіне жататын Дүзбай-I немесе Дүзбай-IV тұрақтарының жалғасы деген қорытындыға келді. Дүзбай-V тұрағының негізгі тұрағынан, яғни өзен тасқындары жетпейтін, өзеннен алыс орналасып, өзен тасқыны кезінде су жетпеген негізгі аймақтың жалғасы деген болжам жасалды.

Дүзбай-V тұрағында аң аулауға немесе балық аулауға арналған құралдар табылмағанды және бұл тұрақты Маханжар мәдениетіне жатқызады. Сонымен қатар, жебе ұштары мен найзайдың табылмауы, жергілікті

халықтың терімшілікпен айналысқанын көрсетеді. Авторлар Дүзбай-V тұрағында пластиналардан құрал жасалғанын, яғни бұл тұрақтың шеберхана қызметін атқарғанын және негізгі қонысты бақылауға ыңғайлы төбеде орналасқанын атап көрсетеді.

Зерттеу жұмысы барысында стратиграфия, планиграфия, салыстырмалы талдау, типология әдістері, сондай-ақ табылған фрагменттерінен керамикалық ыдыстарды модельдеу әдісі қолданылды.

Кілт сөздер: тас дәуірі, неолит, энеолит, Дүзбай-V, керамика, археологиялық жұмыстар.

Дәйексөз үшін: Абилямаликов К.К., Дей Д.Б., Құрманиязов И.С., Жакупова А.К. Дүзбай-V тұрағында 2024 жылы жүргізілген археологиялық зерттеулер // Мәдени мұра. 2024. №4 (107). 40-53 б. (Орыс.)

DOI: <https://doi.org/10.47500/2024.v20.i4.03>

***Abilmalikov K.K.¹, Dei D.B.², Kurmaniyazov I.S.³, Zhakupova A.K.¹**

¹Novo-Troitskaya Secondary School, Kostanay, Kazakhstan

²Center for Research, Restoration, and Preservation of Historical and Cultural Heritage of Kostanay Region, Kostanay, Kazakhstan

³Korkyt Ata Kyzylorda University, Kyzylorda, Kazakhstan

*e-mail: abilmalikov_kuanysh@mail.ru

ARCHAEOLOGICAL RESEARCH AT THE DUZBAY-V SITE IN 2024

Abstract. The collective article is devoted to archaeological research at Duzbai-V site in Auliekol district, Kostanay region. Duzbai-V Stone Age site is located next to several sites from the Mesolithic to the Iron Age, discovered in 1979. Archaeological research was carried out during the project of the Center for Research, Restoration and Protection of Historical and Cultural Heritage of Kostanay region. Authors concluded that the Duzbai-V is a continuation of the Duzbai-I or Duzbai-IV of Neolithic period. The assumption is that the Duzbai-V is continuation of the main site further from the river, behind a hill, where the water did not reach.

Authors note that there are not hunting or fishing implements at the Duzbai-V, referring to the Mahanjar culture. No arrowheads or spears were found, suggesting that the population was a type of gatherer. Authors note that on the Duzbai-V tools were made from plates, workshop is located on a hill from which the main settlement was visible.

During the research the methods of stratigraphy, planigraphy, comparative analysis, typology and also the method of modeling ceramic dishes from found fragments were used.

Keywords: Stone Age, Neolithic, Eneolithic, Duzbai-V, ceramics, archaeological works.

For citation: Abilmalikov K.K., Dei D.B., Kurmaniyazov I.S., Zhakupova A.K. Archaeological research at the Duzbay-V site in 2024 // Madeni mura. 2024. №4 (107). 40-53 p. (in Rus.)

DOI: <https://doi.org/10.47500/2024.v20.i4.03>

Сведения об авторах:

1. **Абильмаликов К.К.**, магистр истории, Ново-Троицкая ОШ, Костанай.
ORCID:0000-0001-6863-9888
2. **Дей Д.Б.**, Центр исследований, реставрации и охраны историко-культурного наследия Костанайской области, Костанай, Казахстан.
3. **Құрманиязов И.С.** PhD, Кызылординский университет им. Қорқыт Ата, Кызылорда, Казахстан
ORCID:0000-0001-8737-2218
4. **Жакупова А.К.**, Ново-Троицкая ОШ, Костанай.

Авторлар туралы мәлімет:

1. **Абильмаликов К.К.**, тарих магистрі, Ново-Троицкая орта мектебі, Қостанай, Қазақстан.
ORCID: 0000-0001-6863-9888
2. **Дей Д.Б.**, Қостанай облысының тарихи-мәдени мұраны зерттеу, реставрациялау және қорғау орталығы, Қостанай, Қазақстан.
3. **Құрманиязов И.С.**, PhD, Қорқыт Ата атындағы Қызылорда университеті, Кызылорда, Қазақстан.
ORCID:0000-0001-8737-2218
4. **Жакупова А.К.**, Ново-Троицкая орта мектебі, Қостанай, Қазақстан.

Information about authors:

1. **Abilmalikov K.K.**, Master of History, Novo-Troitskaya Secondary School, Kostanay, Kazakhstan.
ORCID: 0000-0001-6863-9888
2. **Dey D.B.**, Center for Research, Restoration and Protection of Historical and Cultural Heritage of Kostanay Region, Kostanay, Kazakhstan.
3. **Kurmaniyazov I.S.**, PhD, Korkyt Ata Kyzylorda University, Kyzylorda, Kazakhstan.
ORCID: 0000-0001-8737-2218
4. **Zhakupova A.K.**, Novo-Troitskaya Secondary School, Kostanay, Kazakhstan.

ГРНТИ 03.61.91

Самедова С.Т.

Институт истории и этнологии им. А.А. Бакиханова,

Национальная Академия Наук Азербайджана

Баку, Азербайджан

e-mail: sevasamadova@mail.ru

ИЗ ИСТОРИИ КЕРАМИКИ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТОВ НАРОДОВ ЮЖНОКАВКАЗСКОГО РЕГИОНА В ДРЕВНОСТИ

Аннотация. Из мировой археологической практики известно, что среди предметов материальной культуры керамика составляет значительное большинство. Не исключением в этом плане является и Южный Кавказ, изобилующий находками многообразных керамических предметов, начиная с эпохи неолита. Среди находок материальной культуры античной Албании и Иберии гончарные изделия также являются самыми массовыми. Классифицируя их, учёные выделяют хозяйственно-бытовую, строительную, религиозно-обрядовую, декоративно-миниатюрную керамику. В статье рассматриваются продукты гончарного производства по типам и формам, орнаментам в контексте этнокультурных связей в регионе.

Главным составляющим в преамбуле данного исследования с точки зрения используемой методологии является сравнительный анализ письменных источников, артефактов и наблюдений. Методологически данное исследование не сфокусировано на керамике массового производства в каком-либо определённом географическом районе региона, и не на типологической классификации и назначению утвари, а на основе импортируемых и экспортируемых керамических сосудов, производимых местными гончарами. Целью исследования является отражение той части керамики в региональном масштабе, которая была завезена пришлыми этносами в ходе миграции, внутренних торговых или других сношений, а также эксклюзивную керамику, возможно попавшую в инородную среду в результате брачных связей, подарков и трофеев.

Ключевые слова: Кавказская Албания, Дагестан, Грузия, Иберия, Колхида, керамика

Для цитирования: Самедова С.Т. Из истории керамики и этнокультурных контактов народов южнокавказского региона в древности // Мәдени мұра. 2024. №4 (107). 54-76 с.(рус.)

DOI: <https://doi.org/10.47500/2024.v20.i4.04>

Введение

Керамическая индустрия имеет древнейшую историю и эволюционное развитие. Можно сказать, что первым искусственным промыслом, созданным человеком является гончарство. Указанный вид промысла возник на Востоке (Китай, Япония) и появился он в связи с необходимостью создания посуды для приёма пищи.

Ретроспективно интерес вызывают хозяйственно-бытовые предметы из высоченных твёрдых пород камня (в Мингячевире азербайджанскими археологами были выявлены древние каменные посуды, инкрустированные серебром-авт.), на смену которым пришли более лёгкие утвари из чистой глины, а затем появилась несколько прочная керамика, которую начали снабжать различного рода природными компонентами. Далее, совершенствуя керамику, люди научились обжигать сырцовые изделия в печах, придавая им в зависимости от степени и продолжительности обжига, жёлтые, терракотовые, красные калории.

Актуальность исследования. На своём пути развития керамика имела свои этапы расцвета и падения, но так и не исчезла из жизни людей. Сегодня в XXI в. керамика всё ещё не теряет своей актуальности и продолжает свою историю в предметах художественно-декоративного характера, в наборах кухонной и столовой утвари, фарфоре, фаянсе, разнообразных строительных материалах и т.д. В давнем прошлом люди хорошо знали свойства керамики: в таких посудах не образовывается накипь, она выдерживает низкие и высокие температуры. И самое главное, пищу в керамических сосудах можно хранить в течение длительного времени; еда, приготовленная в таких посудах,

долго сохраняет свои полезные свойства.

До появления металлических изделий, керамические предметы, сыгравшие неоценимую роль в жизнедеятельности древних людей, и в первую очередь, в хозяйственно-бытовой сфере, послужили прототипами некоторым появившимся на свет металлическим сосудам. Об этом свидетельствуют обнаруженные в античном пласте Азербайджана керамические сосуды, позже нашедшие свои металлические аналоги. К примеру, керамические сита, подсвечники «чыраги», ведёрки, сосуды для благовоний и знахарства, подойники (типа медных «сернидж») и т.д. (Azərbaycan etnoqrafiyası, 1988: 407). В больших и средних глиняных сосудах люди содержали всевозможные злаки (пшено, ячмень, просо и т.д.), сыпучие продукты (ореховые плоды, муку), в кувшинах с узкими горлышками хранили жидкости (воду, вино). Средних объёмов кувшины с широкими горлами и со сферическими туловами, снабжённые ручками или без видимо были предназначены для готовки и хранения в них животноводческо-молочных продуктов. К средним сосудам хозяйственного назначения также относились подойники, молочники, большие чаши (возможно, для дойки мелкого рогатого скота) и разнотипные кувшины. Археологически в регионе также были зафиксированы чайники, чашки, миски, сковороды, котлы и т.д. Этнографически до недавнего времени в некоторых высокогорных районах Азербайджана население в средних кувшинах под землёй, в специально утрамбованных ямах, хранило продукты на запас, в том числе вяленое (сушёное) мясо.

Птолемей перечисляет множество

городов в Албании, Иберии и Колхиде (V,11,8) (Латышев, ВДИ, 1948, № 2:235), потому нетрудно представить в них развитые ремесленные центры и бойкую торговлю, в том числе, гончарными изделиями. В сёлах гончары преимущественно производили сосуды для хозяйственных и бытовых нужд, а городские ремесленники главным образом ориентировались на рынок, потому их изделия несколько отличались качеством и изяществом. Более интенсивно велись контакты в приграничных городах и поселениях, в особенности в тех, которые лежали на главных торговых стезях по линии Великого Шёлкового пути.

В позднеантичный период ряд политических событий повлияли на форму производства керамических изделий: они перестали выглядеть изящными и украшенными. Исследователи этот факт объясняют тем, что население обоих государств готовилось к войне против Рима, потому в этот сложный момент истории приоритетным представлялось производство железных оружий. Начавшаяся римская экспансия, в целом, сильно ударила по экономике Албании и Иберии, важную составную часть которой занимала керамическое производство. В это время, как отражают артефакты, здесь наблюдался спад гончарного производства.

Середина I вв. до н.э. считается периодом относительного политико-экономического упадка и в центральной Колхиде, что сказалось и на местном керамическом производстве. В это время исчезли многие поселения и богатые захоронения. Но уже к концу II в. до н.э. на здешних руинах были возведены новые здания, большие строительные комплексы были

украшены коринфскими капителями, эллинистическими статуями из бронзы. Вани вновь стал городом-святилищем (Лордкипанидзе, 1978: 63; Апакидзе, 1968: 84).

Материалы и методы исследования

Хозяйственно - бытовые традиции того или иного народа издавна связаны с повседневной деятельностью людей. Безусловно, в каждом отдельном случае экономический уклад жизни людей формировался на основе природных ресурсов, на этой основе веками создавалась материальная база этноса. Множественно выявленных археологами интереснейших бытовых предметов древности позволяют нам воссоздать общую картину культурной и социально-политической жизни общества. В ретроспективе, культурные традиции и духовное состояние античного общества находились в тесной связи с созидательной деятельностью людей, материальная культура не находилась в рудиментарном состоянии, совершенствуясь, она видоизменялась. Любой окружающий нас предмет может стать источником всевозможных сведений. Обнаружив артефакт, нас интересует в нём собственно материал изготовления (керамическое, металлическое, либо стеклянное изделие и т.д), далее исследуется генезис, предназначение, состав материала, художественный декор и т.д. Так, по технике изготовления керамики и наличествующим на ней оттискам можно изучить маршруты торговых путей. Древние греки ставили на амфоры товарный знак. Албанцы, иберы, колхи, население древнего Дагестана также накладывали клейма на сосуды.

В сочинениях античных авторов встречаются сведения, формирующие в наших представлениях общую картину плюралистического древнего мира. Так, концептуально культурную специфику античной эпохи можно определить исключительно по керамике, по ней можно охарактеризовать социальные слои и даже, как известно, событийные явления в жизни общества. Издавна производимые людьми бытовые предметы служат для удовлетворения конкретных, подчас ежедневных, жизненных потребностей. В результате современных археологических изысканий тенденциозно число памятников материальной культуры в регионе возрастает, тем самым все больше появляется возможность изучения древности на повседневном уровне. Сказанное позволяет глубже изучить общественные процессы и явления на фоне исторической жизни древних сообществ. Такой парадигматический анализ приемлем в изучении народоведения древности.

Нередко в новых условиях импортные керамические изделия приобретали некоторые местные черты; часто процесс модификации в них происходил с учётом художественного декора, нежели по форме. Так появлялись сосуды-подражания. Качество и другие показатели керамики, в основном, зависели от добавляемых в глиняное тесто новых укрепляющих природных компонентов, то есть от состава глиняного теста. Однако отличить керамику можно было бы по технике его исполнения (ручная лепка, применение ручного и гончарного круга, степень лощения, этапы обжига и т.д.).

Степень изученности проблемы

Заданная к изысканию научная тема проводится впервые, правда в некоторых сравнительных контекстах фрагментарно она рассматривалась грузинскими, азербайджанскими, дагестанскими и др. учёными. Исследование базируется на региональных археологических и этнологических материалах, в статье присутствуют ссылки на некоторые письменные источники. Библиографическое исследование основано на фундаментальных трудах группы азербайджанских археологов и этнографов – Дж. Халилова, И.А. Бабаева, Ф.Л. Османова, О.Ш. Исмизаде, А. Бадалова, С.М. Агамалиевой и др., среди грузинских учёных – А.А. Апакидзе, О. Лордкипанидзе, Г.К. Ниорадзе, Г. Меликишвили и др. В статью привлечены исследования казахстанских, дагестанских и др. учёных.

Анализ

Общая характеристика керамики южнокавказского региона. На огромном южнокавказском пространстве выявленные археологами керамические утвари хозяйственного и бытового назначения имели ряд сходств по форме и оттенкам. Исторически формирование этнокерамики происходило по месту обитания и окружающему его природному миру. В каждом отдельном случае сложившиеся на протяжении долгих веков мировоззренческие взгляды этносов визуально находили отражение, прежде всего в орнаментировке сосудов, в их элементах на предметах материальной культуры, которые могли

несколько разниться. Среди массового керамического материала бытовали сосуды, выделявшиеся по цвету глины, раскраски обкладков (облицовке), конфигурации, специфической росписи, цветовым комбинациям. Ниже в качестве примера приводится тип чернолощёного сосуда с розовой обкладкой, такие сосуды были выявлены на территории Грузии и Азербайджана, розовые же сосуды были зафиксированы в Северном и Западном Азербайджане.

В целом, в эпоху античности встречались как изящные сосуды (оригиналы, привозные) и сосуды-подражания (местные), близкие по совершенству подлинникам, что свидетельствует о процессе аккомодации и синтезе южнокавказских культур. В целом, в региональном диапазоне керамика отличалась собственно художественно-декоративным выражением древних гончаров, степенью размаха орнаментации, расположением декора на сосуде, типами пластических налепов, нередко простотой форм или полным отсутствием иллюстраций. К предметам керамики художественно-прикладного характера относятся миниатюрные посуды, служившие, видимо, украшением жилища, а также – идольчики, используемые во время ритуальных служб, зооморфные и антропоморфные игрушки, походные ёмкости для воды – фляги, керамические модельные жилища на колёсах (кибитки), сахарницы, курильницы (Самедова, 2018: 373). Среди ритуальных сосудов особо следует отметить керамику с зооморфными признаками, столь характерными для античной эпохи, когда тотемизм прочно вошёл в жизнь населения региона, в целом, в культовый уклад южнокавказских

народов. Важное историко-культовое значение имели некоторые расписные сосуды, утвари с произвольными налёпами астральных светил, цифровые символика и родовые знаки. Особую ценность представляют керамические сосуды с эпиграфическими данными, типа мингячвирского светильника с албанской надписью (Алиев, 1992: 5).

Типологически в ассортименте керамических сосудов наблюдалась керамика, характерная исключительно для античной эпохи, многие из них являлись образцами эллинистической культуры. К примеру, изящные вазы на трёх ножках, фляги, кубки, кувшины – ойнахойи ойнохоя, Энохоя, ойнохоя – трёхлепестковые венчики для разлива вина с ситечками (др.-греч. οἶνοχόη, от др.-греч. οἶνος – вино, χεω – лью). Большие сосуды, маслбойки, молочники, сосуды для омовения и т.д., получившие широкое хождение, имели, как правило, местное происхождение.

Большие хозяйственные сосуды как фактор древних этнических связей в регионе, и за его пределами. Гончарное ремесло развивалось, как в городах, так и в сельских местностях. Керамической утварью широко пользовались в земледелии, скотоводстве, ремесле, в целом, в хозяйственно-бытовой жизни. Так в виноделии гончары применяли специальные большие кувшины, предназначенные для получения и хранения вина в погребах: в заранее вырытую яму погружали большой кувшин, при этом верхний ободок кувшина должен был выступать из-под земли.

К первой группе древних хозяйственных сосудов относятся большие сосуды-кувшины, в Азербайджане их именуют как «кюп» (возможно, слово «кувшин» исходно

от слова «кюп» (шин), то есть имеет тюркский генезис), в Грузии крупные винные сосуды именуют как «квевер»; в отличие от кюпа они имеют форму яйца или лимона. Большой сосуд на территории Армения (до 1918 г. - Западный Азербайджан) назывался «карас», имел форму эллипса, в нём также готовили и хранили вино. Карас, как и греческий пифос и кюп, и в отличие от квевери, был снабжён ручками (БСЭ, т.11).

В Западном Туркестане (в Центральной Азии - Казахстане, Средней Азии (Узбекистане, Киргизии) издавна получил распространение большой сосуд под общей этимологией «Хум» (Макисова, 1968:46), несущий функции вышерассматриваемых крупных кувшинов. В Дагестане большой сосуд также называют Хум. В Древней Греции большие сосуды для вина именовали «пифосом», в Древнем Риме – «долием». Их находили в Месопотамии (Ирак), Средиземноморье - Сирии, Ливане, Малой Азии (Анталья, Турция) и в Южном Кавказе. Повсюду, где они имели место быть, их чуть повреждённые варианты, непригодные уже для хозяйства, использовали как погребальный памятник. В археологии Северного Азербайджана почти повсеместно была обозначена культура кувшинных погребений, об этом имеются специальные фундаментальные исследования. Здесь их наблюдалось больше, чем в Грузии и Западном Азербайджане. В изучаемое время, кувшинные погребения наблюдались в Дагестане и Южном Азербайджане.

Все древние большие кувшины, выявленные на огромном земном пространстве с различными конструкциями, начиная от Африки

(Египет), Центральной Америки, Японии, Азии, Малой Азии, Кавказа, Средиземноморья, до Древней Греции и Рима, также являлись погребальными памятниками, куда эксгумировали тела покойников. Сырцовые погребения, крупные кувшины из обожжённой керамики как погребальные памятники, служили своего рода защитой Земли от покойника. Такого рода сосуды со следами кремации не считаются погребальными памятниками. В общем, универсальность и практичность больших кувшинов, широкий ареал их распространения, востребованность в их в хозяйственной деятельности людей, а также в качестве погребальных памятников, отложили отпечаток на их культовой значимости и обрядности.

Ареал распространения больших кувшинов в регионе с различными названиями говорит не только о схожем экономическом укладе, но и о внутрирегиональных производственно-рыночных связях. Налаженное винное производство и его товарооборот, безусловно, способствовали появлению различного рода средних и малых винных керамических тар, нередко представленных в зооморфных формах (имеются современные стеклянные аналоги таких сосудов, к примеру, в форме утки) (Самедова, 2018: 664). Прототипами простым винным керамическим кувшинам послужили различного рода разливные стеклянные сосуды, в том числе, тип французского графина декантатор (от франц. *décanter* — «сцезивать, сливать»).

Итак, все рассматриваемые категории больших кувшинов «квевер», «кюп», карас, пифос, хум имеют древнейшую историю; в них собирали воду, производили и получали вино. Недавно в Габале археологами были

обнаружены большие винные погреба (Babayev, 2013: 367-374). И, как уже известно, в непригодном состоянии они служили погребальными памятниками, получившими в науке название «кувшинные погребения».

Квеври. Археоэтнологически подтверждено, что квеври в качестве ключевого компонента грузинского виноделия имеет древнейшую историю (6-5 тыс. до н.э.). Самые древние Квеври были найдены в южной части Марнеульского муниципалитета Грузии. Квеври второго тыс. до н. э. были найдены в пещерных городах Уплисхихе и Вардзия. В монастыре Алаверди в регионе Кахетия также хранятся квеври, происхождение которых датируется ранним средневековьем (VI-VII вв. н.э.). В целом, по форме квеври напоминает лимон. Он подходит для всех этапов виноделия – от ферментации до выдержки и хранения. После того, как квеври помещают под землю в винных погребах, называемых в Грузии марани, их больше не перемещают. Квеври имеют размер от 50 до 5000 литров, но наиболее популярными и удобными являются ёмкости от 1000 до 1500 литров.

Глиняный состав квеври, как кюпа и пифоса, должен быть весьма качественным, насыщен минералами, способствующими формированию аромата вина. В глине должен был содержаться известняк, помогающий защитить вино от бактерий. Квеври способны сохранять качество вина при стабильной температуре в течение всего года. Исторически квеври производили в Западной Грузии, Верхней Имерети и Кахети. Формовка квеври весьма трудоёмкий процесс, требует больших человеческих ресурсов и времени. Внутреннюю часть сосуда в качестве антибактериальных средств

обрабатывали воском и серой.

Формовка керамики и клейма на них как этнокультурный фактор

Наряду с сосудами, формованными на гончарном круге, в исследуемое время встречается и лепная посуда, большие сосуды также лепились руками, ленточным способом. Кроме того, часто изделия, сделанные на гончарном круге, требуют применение и ручной лепки, например, ручки на чашах или красивые прорези на светильниках совершают ручной лепкой

Выше говорилось о том, что греческие гончары ставили на пифос клейма. Говоря об этом, следует отметить, что гончары региона на изящно качественно выполненных работах оформляли оттисками, что позволяло различить, определить происхождение (местные подражания или привозные оригиналы – прим. авт.) товара и соответственно оценить их, проследить торговые маршруты изделий и рыночный спрос на них. Обнаруженные многочисленные глиняные печати и их фрагменты на гончарных изделиях, позволяет нам определить: продукция каких местных ремесленников пользовалась успехом во внутренних и внешних рынках. Итак, клеймо на античных сосудах – это товарный знак, который закреплял авторство, достоверность подлинного сосуда, оттиск на сосудах служил также мерилем экономических связей – импорта-экспорта, в целом, международного торгового обмена. Клеймо могло попасть в другую этническую среду как дарственный предмет. Греки часто ставили клейма на производимые ими амфоры. При раскопках значились оттиски (буллы) со следами свитка, верёвки, ткани, плетёных корзин и др. Наряду со

сказанным, печати являлись ещё и произведением искусства. Оттиски на сосуды наносили до обжига. Около 100 булл было найдено в античной столице Азербайджана – в Габале (Бабаев, 2010: 8-21). Большое число булл было обнаружено в Мингячевире, который являлся промышленным центром Кавказской Албании. Здесь встречались буллы с эллинскими изображениями богов, к примеру, «отдыхающий Геракл» и т.д. В целом, греки часто изображали на геммах своих любимых богов, в Персии же на них присутствовали зороастрийские сюжеты и божества. Видимо, так оно было и в античном Южном Кавказе, на геммах здесь изображались правители, местные, эллинские и восточные культовые божества.

Ручная лепка является проявлением этнокерамики, совершалась она за столом группой гончаров. Следующим этапом в развитии гончарного дела является применение ручного гончарного круга – это уже создание индивидуальных керамических изделий, одним или парой гончаров. Продукты ручного гончарного труда пользовались популярностью и ценились высоко, так как даже при частном производстве, они имели локальные черты. Говоря о технике создания керамики на Южном Кавказе, следует отметить одну важную особенность по части развития гончарного ремесла античной Албании, до сих пор представляющую загадку для исследователей. В то время, когда в Атропатене, Северном Кавказе, да и в других сопредельных странах гончары широко применяли способ формовки на ручном круге, в Центральной Албании, как это подтверждается артефактами, за некоторыми незначительными

исключениями в периферийных приграничных территориях, использовали способ формовки сосудов ручной лепки. Внешне такие сосуды не особенно уступают утварям, изготовленным на ручном гончарном круге. Интересно, что в Дагестане (территория, входившая в Албанское государство) также наблюдались весьма искусно исполненные изделия ручной лепки.

Археоматериалы Западной Грузии фиксируют факт изготовления большинства глиняных сосудов эпохи средней бронзы с помощью гончарного круга. Однако почти полное отсутствие среди археологических находок Восточной Грузии гончарных кругов учёные Грузии объясняют тем, что мастера использовали деревянные ручные гончарные круги, которые со временем подверглись аммонификации. Этнограф Азербайджана С.М. Агамалиева также придерживается этого мнения, отмечая, что среди артефактов не было или не сохранилось ни единого цельного или фрагмента экземпляра деревянного гончарного круга (Агамалиева, 1987: 32).

Единое направление в гончарной индустрии Иберии и Албании в плане географии эксплуатации идентичного традиционного орудия труда, в частности, возможно, и слабо вращающегося деревянного круга, в целом, отражает близкие этнотрадиции этих народов. Об этом говорят такие объективные факторы, как географическая близость, наличие контактных зон, обмен товарами и образование совместных мест сбыта производимых товаров, сложившаяся веками единая техника получения керамической продукции. Отсутствие ручного гончарного ремесла в

Центральной Албании, Дагестане, Восточной Иберии (тогда когда уже в Атропатене и в некоторых периферийных зонах Албании, в Центральной и Средней Азии, в целом на Востоке, пользовались гончарными кругами – прим.авт.) совершенная техника лепки от руки свидетельствуют о прочных традициях и сохранении консервативных принципов в керамическом производстве. Тут также важен вопрос передачи орудий труда по наследству, и по этой причине отсутствие (семейный, родовой реликт, трудно добываемое дорогостоящее орудие продолжало кормить семью, и потому его не укладывали в погребения) или присутствие их в могильниках (в связи с духовными представлениями-авт.). В могильниках Грузии чаще встречались погребения ремесленников, нежели в древних захоронениях Азербайджана, лишь в раннесредневековом пласте здесь было обнаружено погребение ткача (Vahidov, 1961: 68). Глиняный круг в едином экземпляре был прослежен в Грузии (Очерки истории Грузии, т I., 1989: 100). На местах древних поселений, по известной причине, также не был обнаружен ручной гончарный круг, выструганный из дерева. Но в целом, концептуально можно допустить следующую эволюцию гончарного ремесла в связи с формовкой: ручная лепка, ручные деревянные и глиняные круги (первоначально имели место каменные гончарные круги), после ручного гончарного круга появляется ножной гончарный круг. Ось и круг ручного гончарного труда первоначально были деревянными, что находит косвенное подтверждение детальным изучением ножного гончарного круга.

Древние гончары Албании и Иберии искусно владели техническими приёмами гончарного ремесла, им известны были способы добычи глины, процесс замесы глиняного теста, способы формовки – ручная лепка, формовка глины на ручном гончарном круге, процесс обжига и сушка керамических изделий. В изучаемое время в Атропатене и Западной Грузии использовали уже ножные гончарные круги. (Меликишвили, Лордкипанидзе, Очерки, 1989. Т.1: 68; Дж.Халилов, 1985: 170). Образцы древней керамики типологически аналогичные современным керамическим, металлическим и стеклянным образцам свидетельствуют об этническом наследии и живучести традиций в этом виде ремесла.

Древняя керамика в зависимости от цвета глины и степени обжига (три этапа обжига) представлена серолощёнными, чернолощёнными сосудами, коричневыми, желтоватыми и красными сосудами, терракотовыми (неполивными), глазурованными (поливными) сосудами, полихромными сосудами, нередко украшенными росписью охрой. Имели место и разноцветные ангобированные сосуды голубых, зелёных, небесных и других тонов. Для позднеантичного периода больше были характерны красноглиняные сосуды (три степени обжига, если глинистая жила земли имела красноватый оттенок, то достаточно было воспроизвести две ступени обжига – прим.авт.) в раннее средневековье эта тенденция усиливается. Результаты Оренкалинской археологической экспедиции подтверждают массовость выпечки таких сосудов, ученые объясняют это с усилением культа Солнца (Иессен, 1959:

6-8).

Внешне многие сосуды имели художественное оформление: расписаны различными геометрическими рисунками и растительными узорами, мастера-гончары на туловища, ручки и горлышки сосудов лепили различного рода стилизованные зооморфные формы, цельные фигурки животных, абстрактные объекты, украшали сосуды вырезными узорами. Наличивались также неукрашенные бытовые сосуды.

Керамика сыграла революционную роль в жизни человечества, она принесла и тем самым облегчила их жизнь наличием многочисленных бытовых и хозяйственных сосудов. Пиком его совершенства стал фаянс, появившийся впервые в Китае, фаянс был лёгким по весу, обладал на свету прозрачностью. Путь фаянса из Китая в Европу был долгим, потому он распродавался на ближайших путях, как правило, в восточных странах. Камнем преткновения в этом вопросе был факт пиратства в Средиземноморье; из истории Древнего мира известна борьба Помпея против пиратов, стремление развить и довести Шёлковый путь до Европы. Господство на этом пути было стратегически экономической целью Рима.

Можно сказать, что некоторые античные сосуды были идеальными в плане исполнения формы и декора, к примеру, широко распространённые по региону фляги, часто украшаемые солнечными элементами. Фляги безупречны по своему назначению и удобству, металлические их аналоги пользуются успехом и сегодня. На Южном Кавказе в ходе раскопок были найдены глиняные миниатюрные фляги, маленькие зооморфные фигурки

быков, собак, кошек, птиц (Ələkrərov, 2006: 130-136). Имеется предположение, что они являлись игрушками. Небольшие керамические кувшинчики с узкими горлышками использовали в качестве погремушек (Вахидов, 1961:98). Встречались также глиняные игрушки, представляющие модели жилья кочевников-скотоводов, то есть о глиняных кибитках. Особо развитой в науке темой являются терракотовые женские фигурки, имевшие культовое значение, воплощением Всемирной Матери Земли и ознаменованием периода матриархата в истории человечества. Фигурки матери и ребёнка были найдены на территории Западного Азербайджана и Грузии.

Гончарные круги. Итак, керамика в своём эволюционном развитии прошла три главных этапа: ручная лепка, лепка на ручном гончарном (деревянном, глиняном) круге, лепка на ножном гончарном круге (Агамалиева, 1987:31).

Керамические погребальные памятники – это сырцовые гробницы и кувшинные погребения. На территории Азербайджана погребальные памятники, сложенные из сырцовых кирпичей первых двух веков до нашего исчисления и в первые два века нашего летоисчисления были выявлены в Ханларском районе (Гуммель, 1940: 293-297). В Мингячевире и Мильской степи, Ялойлу-тепе встречались кувшинные погребения (высота кувшинов от 1,2- 2 м): в них имелись обожжённые глиняные кувшины различных размеров, нередко с остатками пищи и костей животных. Исследователи отмечают, что меньше всего керамики наблюдалось именно в кувшинных погребениях.

На территории Восточной Грузии известен лишь один гончарный круг из глины, найденный в III горизонте Ховле,

относящийся к VI в. до н. э. Изготовление керамики на глиняном круге в Грузии предполагают ещё в эпоху ранней бронзы (Очерки истории Грузии, т. I, 1989: 69). Период распространения серой и чёрной керамики в Албании и Грузии совпадает на V-III вв. до н. э. Имеется мнение, что в Грузии в V-III вв. глиняные и серые сосуды были сделаны на слабовращающемся гончарном круге. Стены таких сосудов были украшены канелюрами и имели лощёную поверхность.

Восточная Грузия издавна богата сырьём, необходимым для развития гончарного дела. Глина широко использовалась в эпоху поздней бронзы и раннего железа. Её применяли для изготовления разнообразной посуды, для облицовки деревянных конструкций жилищ и вообще для строительных целей, а также для возведения печей и жертвенников. Из глины создавались многочисленные статуэтки, буллы (печати) и другие обиходные предметы. Таким образом, керамическое производство в эпоху поздней бронзы и раннего железа являлось одним из важнейших отраслей ремесла, его продукция представляет собой один из основных компонентов определения археологических культур. К примеру, куро-аракскую культуру, получившую распространение на территории Ближнего Востока, Ирана, Южного Кавказа, Турции (Кавказской), характеризуют кувшины со сферическими ручками.

Каление. Большие кувшины обжигали в печах. Для обжига такого рода сосудов встречались печи сложной конструкции. Некоторые печи имели два яруса: нижний – для топки, верхний – для обжига изделий. Конструкция печей позволяла получить при

сжигании дров высокую температуру, под действием которой после обжига получались керамические изделия красного цвета (Ионе, 1949: 42-54). В Мингячевире были обнаружены 20 обжигательных печей античной эпохи, сконцентрированные на небольшом расстоянии друг от друга, что говорит о хорошо налаженном промышленном характере гончарного производства. Такие печи, возможно, существовали и в других больших городах Албании. В Джалилабаде (Аликмектепеси) были зафиксированы 14 печей (Бадалов, 2003:51)

Здесь промышленный гончарный центр был расположен вдали от населённых пунктов. Как известно, обжигательные печи были двухъярусными, как и в античной Грузии, сложены из сырцового кирпича с жаропроводными отверстиями. В верхнем ярусе обжигали керамику, нижняя часть являлась топочной. В больших печах обжигали и другие керамические предметы, в частности, строительную керамику – трубы, черепицы и т.д., погребальные кувшины, терракоты.

Древние печи Грузии. В Восточной Грузии известны всего два таких памятника. Первый – недалеко от с. Ховле, был исследован ремесленный участок гончаров, который, обслуживал поселение Ховле-Гора с нач. I тыс. до н. э. до IV в. до н. э.. На этом участке, занимавшем площадь более 1 га, были обнаружены гончарные печи трёх последовательных периодов, что дало возможность проследить эволюцию типов печей в течение шести веков. Древнейшие гончарные печи относятся к горизонтальному типу. Одна из них представляет собой помещение, наполовину углублённое в землю. При

её постройке использовался рваный камень и облицованный глиной деревянный каркас из плетёнки, некогда поддерживающий свод. Для топки печи была вырыта четырёхугольная яма-канал, по обеим сторонам которой на полках располагались сосуды, подготовленные для обжига. Днище печи (включая и канал) оштукатурено толстым слоем глиняного раствора, а подземные части стен выложены рваным камнем на глиняном растворе. Древнейшую группу печей Ховле Д. А. Хахутайшвили датирует IX-VIII вв. до н. э., вторую — VII-VI вв. и третью — V-IV вв. до н. э. (Хахутайшвили, 1960: 50). Тем не менее, памятники, связанные с собственно керамическим производством, почти не изучены. Однако наличие гончарных печей и их типы, техника сооружения могут пролить свет на этноконтакты на Южном Кавказе.

Второй памятник – это остатки керамической мастерской в Кахетии, на территории Хирсского виноградарского совхоза. Здесь на протяжении 280 м на различной глубине (от 0,25 до 2 м) при земляных работах обнаружено до 50 гончарных печей с соответствующим культурным слоем. Две из них раскопаны в центральной части участка. По конструкции и режиму работы хирсские печи идентичны вышеописанной печи из Ховле. Керамика, обнаруженная в хирсской печи, имеет большое сходство с глиняными изделиями квемокедской металлургической мастерской VI-V вв. до н. э. Здесь, однако, нет красноглиняной керамики, что указывает на её более древний характер.

Образцы поливной керамики античного времени обнаружены в крепости Гарни, а также в выявленной в Зангезуре гробнице I в. до н. э. Поливная

керамика, открытая при данных раскопках, довольно разнообразна, среди изделий встречаются чаши, миски, тарелки, фляги и сосуды типа небольших амфор. Небольшой кубок-молочник со светлой поливой найден в Гарни, а фляги с зеленовато-голубой поливой — в зангезурской гробнице I в. до н. э. Во многих помещениях на 1-м и 8-м холмах обнаружены печи. Большинство из них отличается от горнов и печей мастерских и имело хозяйственно-бытовое назначение. Любопытно, что в ряде случаев в качестве печей использованы карасы или большие сосуды, вышедшие из употребления, или обложены их черепками. Имелись также глиняные печи (Тер-Мартиросо, 1984: 80).

Покрyтия и орнаментация сосудов. Этнографически орнаментация сосудов, за исключением росписи, всегда проводилась по мокрой глине до или после формовки сосуда. В античной Грузии и Албании, керамика традиционно украшалась с помощью таких технических приёмов как резьбы, штамповки, лепки, лощения, задымления и т.д. Больше украшали геометрическими формами, хотя известно, что к концу поздней бронзы больше наблюдались изображения животных и сцен терзаний, людей и сцен из их жизни, людей с изображением рода деятельности, к примеру, жрицов, военных.

Серые и черные сосуды указывают на продолжение старых традиций, использования техники дымления. Сосуды серого обжига грубым черепком и резным орнаментом, которые широко распространяются в первой половине I тыс. до н. э. постепенно заменяются сосудами из мелкозернистой глины с полированным орнаментом (лущение

воском), меняется качество обжига и схема орнамента. Грузинские археологи отмечают неравномерность этого процесса. Так, «в отличие от памятников Кахети глиняные сосуды Шида-Картли, начиная с третьей ступени эпохи поздней бронзы и античности, сохраняют мелкозернистый черепок и полированный орнамент, наряду с которым уже появляются резной, тиснённый и рельефный орнаменты, порой подражающие архаичным мотивам» (Очерки истории Грузии, т. I., 1989).

В рассматриваемое время на территории Восточной Грузии встречаются глазурованные (поливные, окунали сосуды, красили) сосуды. В истории культуры глазурь (полив) тесно связывают с производством стекла. Производство стекла связано с производством керамики, в некоторых местах в песке содержался кварц, при обжиге глины образовывалось стекло. Глазуrowание сосудов известно в Египте, Месопотамии и Эламе с 4-3 тыс. до н. э. Затем эта техника широко распространилась в Передней Азии, и, что весьма интересно, здесь глазурью покрывали и кирпичи. Такой технический приём имеет место и в современном строительстве.

Для триалетской культуры (Грузия – Триалети – область Квемо-Картли; Армения (Ванадзор) (до 1935 года – Каракилис, «гара кился» – в переводе с азербайджанского в значениях «чёрная» или «большая» церковь; с 1935 по 1992 год – Кировакан, ныне Ванадзор – третий по величине, после Еревана и Гюмри, город Армении) характерны чернолощёная керамика на розовой «подкладке». Такая керамика ранее наблюдалась в куро-аракской археологической культуре (в Южном

Кавказе – Азербайджан, Грузия, Армения), фон украшен жёлтыми полосами и покрыт прозрачной глазурью.

В Восточной Грузии обнаружены и фрагменты глазурованных сосудов с черепком белого цвета. Два таких обломка, в частности, найдены на святилище Мели-Геле II (Очерки истории Грузии, т. I., 1989). Поверхность одного из них окрашена жёлтой краской и покрыта бесцветной прозрачной глазурью, второй сосуд украшен полосами зеленовато-синеватого и жёлтого цвета и также покрыт глазурью.

Древнейшие образцы глазурованной керамики обнаружены в других районах Южного Кавказа. Обнаруженная здесь глазурованная керамика, как правило, расписана вертикальными полосами, нанесёнными жёлтой и зеленовато-голубой краской, что указывает на один и тот же источник её происхождения. Хорошо известно, что точно так же расписанная керамика была широко распространена в Ассирии с XIII по VI в. до н. э., тогда как на Южном Кавказе она весьма редка и её привозной характер бесспорен (Очерки истории Грузии, т. I., 1989).

В Восточной Грузии на памятниках исследуемого периода до последнего времени не была найдена глиняная расписная посуда. Лишь в Кахети за последнее время были выявлены украшенные такой техникой сосуды, встречающиеся в погребениях первой и второй ступени эпохи поздней бронзы. Орнамент, главным образом в виде геометрических узоров (меандры, треугольники и т. д.), нанесён после обжига белой краской. Примечательно, что для синхронных памятников Западного Азербайджана также

характерна роспись сосудов, как белой краской, так и бирюзовой, белой и красной краской. Белый кружевной орнамент имел место и в Дагестане. А вот в Древней Греции белая краска употреблялась редко. Глиняная посуда XVI-XV вв. до н. э., найденная при раскопках близ Шамкира, представляла собой шар с тонким ободком, горловина отсутствовала, на корпусе сосуда имелась ручка. На сером сосуде белой краской имелось изображение солнца или колеса, солнца в круге, горы – волны, свастика, животное, похожее на лошадь. Белую краску издавна получали из природной извести (Очерки истории Грузии, т I., 1989).

При раскопках на территории Западного Азербайджана было обнаружено множество фрагментов поливной керамики, которые покрыты глазурью голубого, зеленовато-голубого или бирюзового цвета (Тер-Мартirosов, 1984: 68).

Западная Грузия. Колхида. Систематические археологические исследования (Хоштария, Лордкипанидзе, 1978), проводимые в Вани с 1947 года, выявили фрагменты керамики – округлой, хорошо обожжённой и отполированной на поверхности и терракотовые фигурки различных животных. Предполагается, что в этот период Вани был зарождающимся культовым центром, оказавшим значительное влияние на окружающие поселения. Терракотовые фигурки, как уже указывалось, в это же время имели место в большом количестве в Азербайджане (Ələkrərov, 2006: 130-136). В период Великой греческой колонизации, наряду с глиняными кувшинами местного производства, появляется привозная греческая керамика. Предполагается,

что на этом этапе Вани был центром политико-административной единицы царства Колхиды.

В связи с заданной к изучению темы, касательно этнокультурных контактов в регионе, привлекают внимание сообщающиеся сосуды. В Азербайджане были обнаружены три спаянных кувшина типа «Допу». В Дагестане также прослежены три спаянных больших кружек с ручками (Агларов, 1986: 44). В древней Шамахе, веками являвшийся винодельческим центром страны и региона, был найден средний сосуд, окружённый множеством чуть маленьких спаянных сосудов. В Грузии и на территории Арманийя (Западный Азербайджан) также были найдены спаянные сосуды. Так, в 1961 году А.А. Мартиросян при публикации спаренного расписного горшочка высказал предположение о возможной связи расписной керамики Арменийя с расписными сосудами из Цалки ахеменидского времени (Тер-Мартиросян, 1961: 143).

В Грузии был обнаружен древний сосуд «Марани» – единая композиция из нескольких сообщающихся сосудов, подобно сосуду из Шамахи. Форма их может быть весьма разнообразной, а вот значение было когда-то ритуальным: сосуд пускали по кругу на важных празднествах, вроде свадебного застолья. Не менее важно обратить внимание на художественное исполнение данной ритуальной посуды: 11 спаянных кувшинов, между ними располагалась птица с зелёными опереньями и выходящим наружу клювом, сосуд имеет один носик. Нижняя часть сосуда орнаментирована квадратиками и кругами зелёного цвета. Поверх сосудов проходит трубочка, образуя треугольник на каждой

стороне. В сосуде имеются несколько сосочков для выпивания жидкости. Оригинальность и функциональность этих находок в пределах региона – факт этнокультурных связей народов региона. В Дагестане были прослежены сдвоенные сообщающиеся сосуды, предположительно, для смешивания вина (Агларов, 1986: 44). В Азербайджане в исследуемом пласте встречались спаянные чаши с блюдами. Об этнокультурных контактах в регионе свидетельствуют следующие факты: на территории Западного Азербайджана и Грузии встречались фигурки богини с ребёнком, в Азербайджане в ходе раскопок древних пластов наблюдались также богини – терракотовые статуэтки, типы которых восходят к архаическим временам. Находки очажных поставок являются редкостью в регионе. Однако в Азербайджане встречались эксклюзивные очажные подставки на трёх ножках, на ручках одного из очагов имитированы закрученные рожки, образуя спираль. Очажные подставки лепились местными гончарами как сосуды-подражания. В Грузии (Мцхета) были найдены глиняные подковообразные очажные подставки, аналогичные мингячевирскому в Азербайджане.

Следы единой албанской культуры наблюдались на правом берегу (район Гарабага) и левобережье Куры (Гуткашен, Ялойлутепе), данная культура охватывает III-I вв. до н.э. и получила распространение в других местах региона. Новая, во многом эллинистическая, форма ялойлутепинской керамики, характеризуется серыми, черными, жёлтыми и красными вазами, фиалами, мисками и т.д. в 1937 г., данная обрисовалась и в долине р. Алазань,

в Восточной Грузии (Ниорадзе, 1940:16). Этот факт говорит о тесных торгово-экономических связях народов региона, возможно, родственной связи населения Кавказской Албании с древним населением этой части Грузии. Посуда Ялойлутепинской культуры была изготовлена вручную, без применения гончарного круга. Но, предположительно, чёрная керамика здесь, была изготовлена на слабо вращающемся гончарном кругу, то есть в ней прослежена слабая технология изготовления, потому она несколько отличается и «выделяется своей художественно-конструктивным оформлением». Одними из первых исследователей древней керамики по региону были А.А. Иессен, Т.С. Пассек, грузинский археолог Г.К. Ниорадзе, изучивший керамику Алазанской долины. Известный азербайджанский историк-археолог О.Ш. Исмизаде, посвятивший этому вопросу специальную монографию, связывал представленную к вниманию культуру кувшинных погребений со странами Передней Азии, Восточного Средиземноморья, частично с Малой Азии (Исмизаде, 1956: 97). В 50-х гг. прошлого века он вёл раскопки в местности Ялойлутепе. В результате археологических раскопок ареал распространения данной керамики увеличился. Такая же керамика встречается в кувшинных погребениях по всей территории античной Кавказской Албании. Регионально в Азербайджане она была представлена наибольшим числом.

На примере истории развития гончарного дела в древнем Азербайджане, мы наблюдаем, что некоторые формы керамики эллинистического периода появились

здесь ещё в доалбанский период, то есть во времена господства Ахеменидской империи. Постепенно популярность новых эллинистических форм керамики взяла верх над предшествующими традиционными формами. В это время, как отражают артефакты, в гончарном производстве южнокавказских народов в результате воздействия античного мира, в лице греко-римской культуры, на ближневосточные страны и государства Передней Азии, происходил процесс аккультурации. В целом, следует отметить, что в кувшинных погребениях керамики наблюдалось меньше, чем в других типах погребальных памятников, в них больше находили украшения.

Главным очагом возникновения и формирования албанской культуры была центральная часть Кавказской Албании с её столичным городом – г. Габала, упомянутый античным географом Птолемеем (V, 11, 5). В Яойлутепе, близ Нухи.с.Нидж, имелись древние погребения (III-II вв. до н.э.), в которых находились керамические изделия сложных эллинских форм: вазы на высоких ножках, кувшины с сильно вытянутыми желобчатыми носиками, снабжённые ситечками для процеживания жидкостей и др. Вышеперечисленные формы керамики свойственны для всей Кавказской Албании эллинистической эпохи, что указывает на единство культуры в зоне их распространения, включая обе стороны реки Кура.

Для исследуемой эпохи новоявленные формы керамики, в комплексе, послужили показателем не только внешних контактов региона с зарубежьем, но и фактом внутренних экономических связей. В плане характеристики южнокавказской керамики эпохи эллинизма

наблюдается общая типологическая тенденция керамики – ойнохой, вазы и трёхножки, фиалы и т.д. Среди керамического ассортимента наблюдались как оригиналы, так и сосуды-подражания, иногда с применением местных художественных приёмов и композиций. В целом, такого рода сосуды могли отличаться по форме, технике изготовления и художественном оформлении. Локальные местные условия, вековые традиции в гончарном производстве сыграли свою особую роль в получении своеобразной керамики. Именно этот факт в каждом отдельном случае делал местную керамику отличительной. К примеру, чернолощённая керамика, характерная для районов севернее Куры, особенно для памятников Габалы, Ахсу и Исмаиллы, отличалась от других чернолощенных сосудов региона технологией их изготовления (Эминли, 2012: URL). Выше предполагалось создание их на слабо вращающемся гончарном кругу, а не способом ручной лепки, как многие керамические утвари в Восточной Иберии и Кавказской Албании. В.Н. Левиатов по данному поводу пишет: «ремесло уже стало выделяться. Серо и черноглиняные сосуды сделаны на слабо вращающемся гончарном кругу. Их стенки часто украшены канелюрами. Большинство сосудов имеет лощёную поверхность» (Левиатов; 1950: 65-95). Лощение совершали специальным гладким камнем. Другим примером могут служить ойнохой, которые отличались тем, что могли иметь различную длину слива, но часто снабжались сетчатой перегородкой. Если некоторые кувшины в своих формах, в одном из районов керамического производства, выглядели изящно, то в других районах

сходные по типу сосуды имели несколько грубое исполнение (Эминли, 2012: URL).

Разновидности сосудов с шарообразным корпусом. Шарообразные сосуды с несколькими (3-4) петлеобразными ручками на их плечике и одной вертикально прикреплённой рукой, реже двумя большими ручками массово встречаются в Ширване и отсутствуют в синхронных памятниках других районов. Эти сосуды археологами выделены в локальную группу, называемую «ширванским типом» (Халилов, 1985: 114). В сказанном аспекте следует отметить локальность сферических сосудов без ручек из античного пласта Шамахи (Халилов, 1985: 114). Сложившиеся парадигмы по поводу появления единичных чужеродных редкостных находок-оригиналов можно объяснить дарственными, брачными, трофейными обстоятельствами. А вот сосуды-подражания, как и монеты-подражания, могли появиться на основе ввоза некоторого числа оригиналов и возрастающего спроса на них среди населения. Керамика и металл способствовали оживлению торговых сношений внутри региона.

Полученные результаты

На примере продуктов гончарного производства – самой многочисленной группы материальной культуры, определена степень контактности народов Южного Кавказа в лице его главных аборигенов – албанцев и иберов. Так, на территории Азербайджана серолощённые сосуды встречались ещё в эпоху бронзы. На одном из таких сосудов имелось изображение солнца – колеса, волнообразные треугольники – горы. В Дагестане наблюдались серые сосуды с вырезными кружевными линиями.

Серые сосуды, украшенные с вырезными рисунками с использованием извести, локально имели место и в Грузии.

В исследуемое время на территории Западного Азербайджана и Грузии наблюдались сосуды, на бежевом фоне которых имелись разукрашенные красные орнаменты в виде геометрических волн (символика воды), сплошных треугольников (символика гор) и т.д. В IV-первой половине III в. до н. э. в материальной культуре древней Грузии наблюдаются заметные изменения: «Традиционная колхидская керамика уступает место особенным грушевидным кувшинам с красной краской на светлом фоне, знакомым по восточной Грузии – древней Иберии. Греческое влияние становится более заметным не только в золотых изделиях, но и в керамике. Имеется мнение, что эти изменения могли бы быть также отражением проникновения в Колхиду населения из Иберии, которое в то время «пережило урбанизацию, формирование государства и вражескую экспансию» (Очерки истории Грузии, 1989. Т.1).

Заключение

Вышеприведённые примеры из области истории гончарного производства, типологии и генезиса керамики, распространения некоторых из них в различных, порой отдалённых друг от друга частях южнокавказского региона, свидетельствуют о тесных межэтнокультурных связях. В регионе получили распространение сосуды-подражания, создаваемые местными мастерами-гончарами, полностью или частично имитировавшие оригиналы.

Незначительные модификации традиционных форм керамики и появление их на новых

отдалённых торговых площадках, предметы керамики, с разнящимися орнаментами, но композиционно обладавшие единой формой и стилем, служат подтверждением этнокультурных контактов в регионе. В каждом отдельном случае эти новоявления в гончарном производстве были больше ориентированы на рынок, что способствовало не только экономическому росту населения, но и тесным этническим контактам внутри региона. Торговые вопросы непосредственно были связаны с этнокультурными отношениями. Так, археологи Грузии отмечают малое количество выявленных фляг на их территории, в то время, как на территории Западного и Северного Азербайджана, их было найдено в достаточном количестве.

Маршрут Великого Шёлкового Пути отражает прямое прохождение его к Понтийскому морю. Транспортные керамические фляги

были главным атрибутом торговцев и путешественников, проходивших по сухопутным путям. Возможно, именно этим объясняется тот факт, что древних фляг в Северном и Западном Азербайджане было больше выявлено, чем в древней Грузии. В древности корабли и суда снабжали бочками, в которых содержали провизии и воду, и потому в этом случае не было необходимости носить при себе керамическую флягу. Розовая керамика в Западном и Северном Азербайджане, серые сосуды с розовыми ободками в Грузии и Азербайджане, спаянные, сообщающиеся сосуды для застолья из Грузии и Азербайджана (Шамаха) композиционно сходны, расходятся в некоторых деталях декора. Спаянные сосуды типа допу, а также наличие в раскопках сообщающихся сосудов на территории Западного Азербайджана и Дагестана, говорят о тесных внутренних контактах этносов, проживающих на Южном Кавказе.

Литература

1. Azərbaycan etnoqrafiyası, 1988. Bakı: Azərnəşr. 155 с.
2. Агамалиева С.М., 1987. Гончарство Азербайджана (историко-этно-графическое исследование). Баку: Элм. 133 с.
3. Агларов М.А., 1986. Обряды и культы древнего и средневекового населения Азербайджана. Махачкала. 83 с.
4. Алиев К.Г., 1992. Античная Кавказская Албания. Баку: Азернешр. 237 с.
5. Апакидзе А.М., 1968. Города древней Грузии. Тбилиси: Мецниереба. 296 с.
6. Бабаев. И.А., 1990. Города Кавказской Албании в IV н.э. - III в н.э. Баку: Элм. 236 с.
7. Бабаев И.А., 2010. Древние печати Азербайджана // Археология. № 1 (43). С. 18-21
8. Бадалов А.Г., 2003. Гончарное ремесло Азербайджана периода I-III вв. Баку: Элм. 186 с.
9. Гуммель Я.И., 1940. Сырцовые гробницы Азербайджана и их датировка // СА. №6 С. 293-297.
10. Джейхун Э., 2012. Локальные варианты в керамике Кавказской Албании

эллинистической эпохи. [Электронный ресурс] URL: <http://arxeoloq.az/?p=705>. (Дата обращения: 19.11.2024).

11. Исмизаде О.Ш., 1961. Глиняный светильник из холма Каратепе // ДАН Азерб. ССР, т. XVII. № 4. Баку. С.349-351.

12. Ионе Г.И., 1959. Гончарные печи древнего Мингечявира // КСИИМК. Вып.24. С.42-54

13. Иессен А.А., 1963. Кавказ и Древний Восток в IV и III тысячелетиях до нашей эры // МИА, № 167. С. 6-8.

14. Латышев В.В., 1948. Клавдий Птолемей. Географическое жизнеописание. ВДИ, № 2. 235 с.

15. Левиатов В.Н., 1950. Азербайджан с V в. до н.э. по III в. н.э. // Известия АН Азерб. ССР. Баку. № 1. С.65-95.

16. Лордкипанидзе О., 1978. Город-храм Колхиды: (История археол. раскопок в Вани). Москва: Наука. 79 с.

17. Мартirosов А.А., 1961. Город Тейшебаини: По раскопкам 1947-1958 гг. Ереван: Изд-во АН Арм.ССР. 158 с.

18. Макисмова А.Г., Мерциев М.И., Вйнберг Б.И., Левина Л.М., 1968. Древности Чардары. АН Казахстана, Институт истории, археологии и этнографии им. Валиханова. Алма-Ата: Наука. 261 с.

19. Ниорадзе Г.К., 1941. Раскопки в Алазанской долине // Известия Азерб.ФАН СССР. Тбилиси. 95 с.

20. Очерки истории Грузии, 1989. Т. 1: Грузия с древнейших времен до IV в. н. э. В 8 т. Тбилиси: Мецниереба. 508 с.

21. Рзаев Н.И., 1961. Зооморфные сосуды – особый вид художественной керамики Кавказской Албании // Известия АН Азерб. ССР. Серия общественных наук. № 7, С. 93-101

22. Самедова С.Т., 2018. Этнография древнего Азербайджана (IV в. до н.э.-III в.н.э.). 170 с.

23. Тер-Мартirosов Ф.И., 1984. Керамика эллинистической Армении как исторический источник. ВОН. N27.С.68-84.

24. Халилов Дж. А., 1985. Материальная культура Кавказской Албании (IV в. до н.э.- III в. н.э.). Баку: Элм. 236 с.

25. Хахутайшвили Д. А., 1960. Ремесленное производство в Ховле. Тбилиси.

26. Ələkrərov A.İ., 2006. Goyun-qoç figurlu abidələri, onların yayılma arealı // Azərbaycan arxeologiya və etnoqrafiya. Bakı. № 2. С.130-136.

27. Vahidov P.M., 1961. Mingəcevirr III-VIII əsirlərdə (Arxeoloji qazıntı materialları əsasında). Bakı. Azərbaycan Elmlər Nəşriyyatı. 160 с.

References

1. Azərbaycan etnoqrafiyası [Ethnography of Azerbaijan], 1988. Bakı: Azərnəşr. 155 p. [in Azerbaijani]

2. Agamalieva S.M., 1987. Goncharstvo Azerbaidzhana (istoriko-etno-graficheskoe issledovanie) [Pottery of Azerbaijan (historical and ethnographic research)]. Baku: Elm. 133 p. [in Russian]

3. Aglarov M.A., 1986. Obriady i kulty drevnego i srednevekovogo naseleniia Azerbaidzhana [Rituals and cults of the ancient and medieval population of Azerbaijan]. Makhachkala. 83 p. [in Russian]
4. Aliev K.G., 1992. Antichnaia Kavkazskaia Albaniia [Ancient Caucasian Albania]. Baku: Azerneshr. 237 h. [in Russian]
5. Apakidze A.M., 1968. Goroda drevnei Gruzii [Cities of Ancient Georgia]. Tbilisi: Metsniereba. 296 p.
6. Babaev. I.A., 1990. Goroda Kavkazskoi Albanii v IV v.n.e. - III v.n.e. [Cities of Caucasian Albania in 4-3cc. AD] Baku: Elm. 236 p. [in Russian]
7. Babaev I.A., 2010. Drevnie pechaty Azerbaidzhana [Ancient seals of Azerbaijan]// Arkheologiya. № 1 (43). Pp 18-21. [in Russian]
8. Badalov A.G., 2003. Goncharnoe remeslo Azerbaidzhana perioda (I-III vv.) [Pottery of Azerbaijan in the period of the I-III centuries.]. Baku: Elm. 186 p. [in Russian]
9. Gummel Ia.I., 1940. Syrtsovye grobnitsy Azerbaidzhana i ikh datirovka [The raw tombs of Azerbaijan and their dating] // CA. №6 Pp. 293-297. [in Russian]
10. Dzheikhun E., 2012. Lokalnye varianty v keramike Kavkazskoi Albanii ellinisticheskoi epokhi [Local variants in the ceramics of Caucasian Albania of the Hellenistic era]. [E-source]. URL: <http://arxeoloq.az/?p=705>. (Date of access: 11/19/2024) [in Russian]
11. Ismizade O.Sh., 1961. Glinianyi svetilnik iz kholma Karatepe [Clay lamp from Kara Tepe hill] // DAN Azerb. SSR, Vol. XVII. Baku. № 4, Pp.349-351. [in Russian]
12. Ione G.I., 1959. Goncharnye pechi drevnego Mingechiavira [Pottery kilns of ancient Mingechaur] // KSIIMK. Iss.24. Pp. 42-54. [in Russian]
13. Iessen A.A., 1963. Kavkaz i Drevnij Vostok v IV i III tysjacheletiyah do nashey ery [The Caucasus and the Ancient East in the IV and III millennia BC] // MIA. № 167. Pp. 6-8. [in Russian]
14. Latyshev V.V., 1948. Klavdii Ptolemei. Geograficheskoe zhizneopisanie [Claudius Ptolemy. Geographical biography]. VDI, № 2. 235 p. [in Russian]
15. Leviatov V.N., 1950. Azerbaidzhan s V v. do n.e. po III v. n.e. [Azerbaijan from 5 c.BC till 3 c. AD] // Izvestiya AN Azerb. SSR. Baku. № 1. Pp.65-95. [in Russian]
16. Lordkipanidze O., 1978. Gorod-khram Kolkhidy: (Istoriia arkheol. raskopok v Vani) [The temple city of Colchis: (History of archaeological excavations in Vani)]. Moskva: Nauka. 79 p. [in Russian]
17. Martirosov A.A., 1961. Gorod Teishebaini: Po raskopkam 1947-1958 gg. [The city of Teishebaini: According to the excavations of 1947-1958.] Erevan: Izd-vo AN Arm.SSR. 158 p. [in Russian]
18. Makismova A.G., Mershchiev M.I, Vinberg B.I., Levina L.M., 1968. Drevnosti Chardary [Antiquities of Chardara]. AN Kazakhstana, Institut istorii, arkheologii i etnografii im. Valikhanova. Alma-Ata: Nauka. 261 p. [in Russian]
19. Nioradze G.K., 1941. Raskopki v Alazanskoi doline [Excavations in the Alazani Valley] // Izvestiya Azerb.FAN SSSR. Tbilisi 95 p. [in Russian]
20. Ocherki istorii Gruzii, 1989. Vol. 1: Gruzii s drevneishikh vremen do IV v. n. e. [Georgia from ancient time till 4 c. AD]. In 8 vol. Tbilisi: Metsniereba. 508 p.[in Russian]
21. Rzaev N.I., 1961. Zoomorfnye sosudy – osobyi vid khudozhestvennoi keramiki Kavkazskoi Albanii [Zoomorphic vessels are a special type of artistic ceramics of Caucasian

Albania]// Izvestiia AN Azerb. SSR. Serii obshchestvennykh nauk. № 7. Pp. 93-101. [in Russian]

22. Samedova S.T., 2018. Etnografiia drevnego Azerbaidzhana (IV v.do n.e.-III v.n.e.) [Ethnography of ancient Azerbaijan (IV century BC-III century AD)]. 170 p. [in Russian]

23. Ter-Martirosov F.I., 1984. Keramika ellinisticheskoi Armenii kak istoricheskii istochnik [Ceramics of Hellenistic Armenia as a historical source]. VON. N27. Pp.68-84. [in Russian]

24. Khalilov Dzh. A., 1985. Materialnaia kultura Kavkazskoi Albanii (IV v. do n.e.- III v. n.e.) [The material culture of Caucasian Albania (IV century BC- III century AD)]. Baku: Elm. 236 p. [in Russian]

25. Khakhutaishvili D. A., 1960. Remeslennoe proizvodstvo v Khovle [Handicraft production in the Khovla]. Tbilisi. [in Russian]

26. Ələkpərov A.İ., 2006. Goyun-qoç figurlu abidələri, onların yayılma arealı // Azərbaycan arxeologiya və etnoqrafiya [Monuments with Goyun-Aries figures, their distribution area]. Bakı. № 2. Pp.130-136. [in Azerbaijani]

27. Vahidov R.M., 1961. Mingəcevirr III-VIII əsirlərdə (Arxeoloji qazıntı materialları əsasında) [In Prisoners Of War III-VIII (on the basis of archaeological excavation materials)]. Bakı. Azərbaycan Elmlər Nəşriyyatı. 160 p. [in Azerbaijani]

Самедова С.Т.

А.А. Бакиханов атындағы Тарих және этнология институты

Әзербайжан Ұлттық ғылым академиясы

Баку, Әзербайжан

e-mail: sevasamadova@mail.ru

ОҢТҮСТІК КАВКАЗ АЙМАҒЫ ХАЛЫҚТАРЫНЫҢ ЕЖЕЛГІ ДӘУІРДЕГІ КЕРАМИКАСЫ ЖӘНЕ ЭТНОМӘДЕНИ БАЙЛАНЫСТАРЫНЫҢ ТАРИХЫ

Аңдатпа. Дүниежүзілік археологиялық тәжірибе көрсеткендей материалдық мәдениет объектілерінің ішінде қыш бұйымдар айтарлықтай басым бөлігін құрайды. Осы тұрғыдан алғанда неолит дәуіріне жататын әртүрлі керамикалық заттар табылған Оңтүстік Кавказда айтарлықтай ерекшелік кездеспейді. Ежелгі Албания мен Иберияның материалдық мәдениет олжаларының ішінде қыш бұйымдары да ең көп таралғандары болып табылады. Оларды жіктей отырып, ғалымдар шаруашылық-тұрмыстық, құрылыстық, діни-ғұрыптық, сәндік және миниатюралық керамикалық бұйымдар деп топтасырады. Мақалада аймақтағы этномәдени байланыстар контекстінде қыш өндірісінің өнімдері типтері, формалары және ою-өрнектері бойынша қарастырылған.

Ғылыми ақалада қолданылған әдіснамалық тұрғыдан ең маңыздысы – жазбаша дереккөздер, артефактілер мен бақылаулардың салыстырмалы

талдауы. Әдіснамалық тұрғыдан алғанда, бұл зерттеу аймақтың белгілі бір географиялық бөлігіндегі жаппай өндірілетін керамикаға немесе ыдыстардың типологиялық жіктелуін ғана қамтып қоймай, жергілікті шеберлер шығарған импортталған және экспортталған керамикалық ыдыстар негізінде қарастырылған. Зерттеудің мақсаты – аймақтық деңгейде миграция, ішкі сауда немесе басқа да қарым-қатынастар нәтижесінде әртүрлі этностар әкелген керамика түрлерін, сондай-ақ неке байланыстары, сыйлық немесе олжа арқылы бөтен ортаға түскен эксклюзивті керамика үлгілерін көрсету болып табылады.

Кілт сөздер: Кавказ Албаниясы, Дағыстан, Грузия, Иберия, Колхида, керамика.

Дәйексөз үшін: Самедова С.Т. Оңтүстік Кавказ аймағы халықтарының ежелгі дәуірдегі керамикасы және этномәдени байланыстарының тарихы // Мәдени мұра. 2024. №4 (107).54-76 б.(Орыс.)

DOI: <https://doi.org/10.47500/2024.v20.i4.04>

Samadova S.T.

Institute of History and Ethnology named after A.A. Bakikhanov
National Academy of Sciences of Azerbaijan
Baku, Azerbaijan
e-mail: sevasamadova@mail.ru

FROM THE HISTORY OF CERAMICS AND ETHNOCULTURAL CONTACTS OF THE PEOPLES OF THE SOUTH CAUCASUS REGION IN ANTIQUITY

Abstract: According to global archaeological practice, ceramics constitute a significant majority among the artifacts of material culture. The South Caucasus, abundant in diverse ceramic artifacts dating back to the Neolithic period, is no exception. Among the material culture findings of ancient Albania and Iberia, pottery also represents the most numerous category. Researchers classify these items into household, construction, religious-ritual, and decorative-miniature ceramics. This article examines the products of pottery production by types, forms, and ornaments within the context of ethnocultural connections in the region.

A key methodological component of this research is the comparative analysis of written sources, artifacts, and observations. Methodologically, the study does not focus on mass-produced ceramics from any specific geographic area of the region or on the typological classification and functions of utensils. Instead, it centers on imported and exported ceramic vessels produced by local potters. The aim of the study is to highlight the segment of ceramics that entered the region as a result of migration, internal trade, or other interactions, as well as exclusive ceramics that may have entered foreign environments through marital connections, gifts, or trophies.

Keywords: Caucasian Albania, Dagestan, Georgia, Iberia, Colchis, ceramics.

For citation: Samedova S.T. From the History of Ceramics and Ethnocultural Contacts of the Peoples of the South Caucasus Region in Antiquity // Madeni mura. 2024. №4 (107). 54-76 p. (in Rus.)

DOI: <https://doi.org/10.47500/2024.v20.i4.04>

Сведения об авторе:

Самедова Севда Тофик кызы, PhD, доцент, ведущий научный сотрудник Института истории и этнологии им. А.А. Бакиханова, Национальная Академия Наук Азербайджана, Баку, Азербайджан.

Автор туралы мәлімет:

Самедова Севда Тофик кызы, PhD, доцент А.А. Бакиханов атындағы Тарих және этнология институтының жетекші ғылыми қызметкері, Әзербайжан Ұлттық ғылым академиясы, Баку, Әзербайжан.

Information about author:

Samedova Sevda, PhD, associate professor, Leading Researcher, Institute of History and Ethnology named after. A.A. Bakikhanov, National Academy of Sciences of Azerbaijan, Baku, Azerbaijan.

Музей ісі / Museology / Музейное дело

<https://doi.org/10.47500/2024.v20.i4.05>

IRSTI 13.51.11

Gizzatov S.M.¹, *Ospanova A.K.¹, Sultanova A.K.², Iskakov K.A.²

¹National Museum of the Republic of Kazakhstan
Astana, Kazakhstan

²L.N. Gumilyov Eurasian National University
Astana Kazakhstan

e-mail: ospanova_akmaral@mail.ru

MUSEUM MARKETING IN KAZAKHSTAN: PRIORITIES AND DEVELOPMENT METHODS

Abstract. The function of museums, except preserving cultural heritage, is playing educational, communication, and tourism center. The development of IT, the changing societal needs, and increasing competition force museums to incorporate marketing methods into their activities. Article analyzes the cultural and social roles of museums and examines the characteristics and development methods of modern global museum marketing. The main aim is identifying the features, content, methods, and effectiveness of museum marketing, and analyzing marketing tools to increasing the visibility of museums and implementing cultural and social mission.

The study uses theoretical and comparative analysis, as well as content analysis methods. Based on the theoretical research method, a review of domestic and international works of museum marketing was conducted. This method allowed for the systematization of theoretical aspects of museum marketing. The comparative analysis method was used to identify the effective aspects of marketing practices by comparing the marketing experiences of Kazakhstani and world museums. The article identifies the main priorities of museum activities and provides several specific recommendations aimed at increasing their competitiveness. The article emphasizes modern strategies and practical tools of museum marketing. The experience of the National Museum of RK is considered as the research object.

Keywords: National Museum of the Republic of Kazakhstan, museum marketing, museum work, culture, new technology.

For citation: Gizzatov S.M, Ospanova A.K, Sultanova A.K, Iskakov K.A. Museum marketing in Kazakhstan: priorities and development methods // Madeni mura. 2024. №4 (107). 77-88 p. (in Eng.)

DOI: <https://doi.org/10.47500/2024.v20.i4.05>

Introduction

Since Kazakhstan gained independence, significant reforms have been carried out in the museum sector, with restructuring efforts implemented to modernize museum services. During the Soviet era, museum development and continuity were funded by the state, serving as a primary tool for fostering patriotism. At that time, museums offered free services and were not seen as a potential source of tourism. However, the dissolution of the USSR in 1990 brought substantial changes. Due to a decline in socio-economic conditions, the number of visitors to museums sharply decreased, and museums became merely places to preserve ancient historical artifacts.

During this challenging period, museums faced two major issues. The first was to preserve traditional culture without changes, and the second was to resist these changes while seeking new paths or directions.

Today, museums are not only places to preserve cultural heritage but also serve as significant centers for education, communication, and tourism. The COVID-19 pandemic in 2021 provided new momentum and changes for the museum industry. With rapid technological advancements and societal shifts, museums now have broader responsibilities. These include introducing historical artifacts to the public, engaging youth with history, and encouraging their interest in visiting museums.

The development of information technology, changing societal needs, and increased competition have highlighted the necessity of integrating marketing methods into museum operations.

The primary aim of this study is to identify the features, methods, and effectiveness of modern museum

marketing, and to explore marketing tools that enhance the popularity of museums while supporting their cultural and social missions. Additionally, the study seeks to analyze the marketing practices of museums in Kazakhstan.

One of the key challenges modern museums face is not only attracting visitors but also encouraging them to return. One effective way to achieve this is through museum marketing. Museum marketing is aimed at preserving the social and cultural significance of museums by identifying visitor needs and satisfying their interests.

Key Approaches in Museum Marketing:

1. Audience Research. Museum marketing requires an in-depth study of the interests and needs of specific target groups. This data allows museums to develop services and offers tailored to various visitor segments.

2. Digital Communication. By effectively utilizing digital technologies and social media, museums can establish close relationships with visitors. Digital communication serves as a powerful tool for engaging and informing audiences through online platforms.

3. Encouraging Repeat Visits. Regularly updating exhibitions and organizing interactive and cultural-educational programs play a crucial role in creating a memorable experience for visitors and encouraging them to return.

Modern museum marketing has become a vital tool for ensuring both the financial sustainability of museums and the fulfillment of their cultural and educational missions. Museum marketing involves a set of strategies and methods designed to promote museum activities, increase visitor numbers, and effectively implement their social and cultural

objectives.

This field not only addresses the scientific, historical, and cultural responsibilities of museums but also focuses on ensuring their financial independence and enhancing their role in society. The application of marketing methods in museums facilitates effective communication with visitors, attracts new audiences, and supports the implementation of culturally and socially significant projects. Despite limited resources, museums in the Commonwealth of Independent States (CIS) countries, including small towns in Russia, are effectively using marketing tools to establish unique brands and expand their audience. (Trjasyuchkina, 2022: 509).

Materials and Methods

The study employed theoretical and comparative analysis methods, as well as content analysis. Through the theoretical research method, literature and articles on the scientific directions of museum marketing were analyzed. The comparative analysis method was used to examine the marketing practices of museums in Kazakhstan and abroad. This research aimed to determine the effectiveness of museum marketing and its role in achieving cultural and social missions. Using content analysis, the websites, social media content, and promotional materials of museums were examined, helping to evaluate the level of marketing tools employed.

The object of the study was the National Museum of the Republic of Kazakhstan. The research focused on the museum's marketing activities, its interaction with society, and its cultural and social role, drawing on the marketing practices of the National Museum of the Republic of

Kazakhstan. The findings of the study aim to identify effective methods of museum marketing and demonstrate their role in enhancing the museum's popularity.

To investigate the theoretical and practical aspects of museum marketing, the study analyzed scientific works and articles, marketing research, and regulatory documents related to museum operations. For a deeper exploration of the theoretical basis, sources were divided into three groups:

1. Scientific Articles. The first group included articles on the topic, such as K.D. Trjasyuchkina's "Features of Marketing in Museums of Small Russian Cities" (Trjasyuchkina, 2022), E.G. Plytnik's "Features of Museum Marketing in Modern Conditions. Vitebsk" (Plytnik, 2014), and K.Y. Mostovaya's "The Development of Museums in the Modern World" (Mostovaya, 2020). These articles analyze the dynamics of modern museum development, exploring their societal role, importance in education and cultural preservation, and the impact of globalization and digitization on museum operations. The works also propose innovative solutions and strategies for modern museums to adapt to new demands.

2. Legislation and Regulations. The second group reviewed laws and regulations aimed at improving museum operations, such as the "Law on Culture" of the Republic of Kazakhstan (2006), which serves as the primary legislative act governing the development of museums and cultural institutions. This law provides insights into the functions, social and cultural significance of museums, and directions for their development. It outlines the state policy in the cultural sector, the diverse activities of museums, and their prospects for growth.

3. Museum Data and Materials. The third group consisted of official materials from the National Museum of the Republic of Kazakhstan, including its website, promotional and PR materials, annual reports, and statistical data. These were analyzed using qualitative and quantitative methods.

Among the key works reviewed were Trjasyuchkina's study (2022), which examines the marketing features of small-town museums in Russia, and E.G. Plytnik's analysis (2014) of museum marketing in modern conditions. K.Y. Mostovaya (2020) focused on the growth dynamics of museums and the challenges they face in a globalized, digital era. The articles emphasized the importance of innovative strategies and solutions for museum adaptation.

Additionally, E. Prosekova's "The Development of Museums in Modern Market Conditions" (Prosekova, 2020) analyzed the economic dependencies of museums, their financial stability, and methods to increase visitor numbers using marketing strategies. Prosekova highlighted the measures necessary for ensuring the income and long-term development of museums in a market economy.

S.A. Klimov's "Marketing and Advertising Tools in Modern Museums" (Klimov, 2020) and A. Stepanenko's "Museums Avoid Using Basic Tools in Marketing Activities" (Stepanenko, 2019) explored the role of marketing and advertising in contemporary museums. They provided insights into effective marketing strategies and advertising tools, emphasizing the importance of modern information technologies in expanding and engaging audiences. The authors noted that museums often fail to fully utilize their potential in marketing

and advertising and stressed the positive impact of simple yet effective tools.

The studies and literature analyzed offered an in-depth examination of the current state of museums, their position in a market economy, and the role of marketing strategies in the cultural sector. The research underscored the importance of increasing social responsibility, attracting new audiences, and ensuring financial stability through innovative methods. These findings contribute to a comprehensive understanding of museum development in contemporary conditions.

Results and Discussions

The 21st century can be called the century of marketing. In a market economy, marketing has become a crucial factor, influencing various fields of society. Marketing (from the English «marketing» – market, sales, trade) is a system for organizing and managing the production, sales, and trade activities of an enterprise (firm, association, etc.). The foundations of marketing science were laid by American professor Philip Kotler. He structured the subject of marketing, defined its key concepts, developed the main ideas, and proposed their implementation methods.

Today, marketing extends beyond the economic sector, penetrating cultural life as well. Museums, initially established as non-profit organizations aimed at disseminating knowledge and culture, are now compelled to adopt marketing practices. One such example is museum marketing. Scholars have introduced the specific term «museum marketing» which has become an integral part of modern museum operations (Plytnik, 2014).

Museum marketing is a branch of marketing aimed at revitalizing museum activities and satisfying the needs of

visitors.

As noted earlier, during the Soviet era, museums were entirely state-controlled and centrally funded. However, since gaining independence, Kazakhstan has introduced several changes to the museum sector. In today's market economy, museums have been allowed to generate additional income, increasing the demand for museum marketing.

The integration of digital technologies and global changes has influenced people's worldviews and perspectives. Therefore, museums must keep pace with the times, consider their visitors' preferences, and work to meet their demands.

Currently, Kazakhstan's legal framework provides specific provisions for implementing museum marketing. For instance, Article 4 of the «Law on Culture» of the Republic of Kazakhstan states:

"State museums and museum-reserves established in the organizational and legal form of state institutions are entitled to provide fee-based services for goods (works, services) unrelated to their primary activities. The fees are not mandatory and are determined by agreement with individuals or legal entities. Revenue from such goods (works, services) is used in accordance with the budget legislation of the Republic of Kazakhstan" (Law on Culture, 2006: URL).

Additionally, Article 5 of the same law stipulates that state museums and museum-reserves are entitled to:

1. Create and process copies of materials of all types, formats, and standards;
2. Provide internet services based on agreements with communication operators;
3. Conduct photo and video shoots;
4. Sell souvenirs and printed materials;

5. Distribute educational and methodological publications and other literature published by the museums or museum-reserves;

6. Process museum collection materials and compile information and references about museum objects, collections, and privately owned items and collections (Law on Culture, 2006: URL).

These provisions demonstrate that the country's museums are given significant opportunities to effectively promote our history and culture while generating additional income.

Compared to commercial organizations, museums can attract resources in two ways:

1. Directly. Museums can increase their budgets by selling goods and services directly to consumers. For example, renting out museum halls for filming movies or music videos can generate revenue and promote the museum to the public. A notable example is the Louvre Museum in France, which allowed the filming of the famous movie «The Da Vinci Code». The film grossed \$147 million in just three days outside the United States (Mostovaya, 2020:28). Similarly, in 2020, the National Museum of the Republic of Kazakhstan hosted the production of «Qazaq: History of the Golden Man», directed by three-time Oscar winner Oliver Stone.

2. Indirectly. This method involves attracting external funding, grants, sponsorships, private donations, and other non-budgetary resources (Prosekova, 2020:59). For example, the National Museum of the Republic of Kazakhstan's Research Institute of Cultural Heritage has successfully secured grants from the Ministry of Education and Science and the Ministry of Culture and Sports of Kazakhstan. These funds have facilitated

the implementation of socially significant cultural programs and projects, as well as the acquisition of valuable historical artifacts for the museum's collection.

Museum marketing generally encompasses two strategic directions:

1. Promoting the museum's role in society. The primary strategic goal is to widely promote national values, the history, culture, and traditions of the people in a modern format, and highlight the museum's activities, exhibits, and artifacts.

2. Advertising the museum's specific goods and services. Museums must not only promote their activities but also showcase their products and capabilities through various marketing strategies (Klimov, 2020:61).

Currently, museums can offer the following goods and services:

1. Organizing exhibitions, expositions, and other cultural events;
2. Preparing books, catalogs, brochures, and other printed products;
3. Producing video films;
4. Publishing periodicals (newspapers, magazines, etc.);
5. Creating souvenirs and gifts;
6. Renting out parts of their premises (halls, equipment, etc.).

In today's world, it is crucial for museums to keep pace with the times and revitalize their work by leveraging new technologies and opportunities. Therefore, particular attention should be paid to the following modern methods of conducting museum marketing:

1. Establishing connections with patrons, sponsors, and collectors interested in the country's history and culture. It is well-known that many of the world's most famous museums initially began with private collections and later achieved significant recognition. For

instance, leading museums such as the British Museum and the Tretyakov Gallery started by collecting private individuals' collections. Similarly, the National Museum of the Republic of Kazakhstan proudly features the private collection of prominent statesman and public figure Imangali Tasmagambetov. This collection includes approximately 1,380 valuable artifacts, such as archaeological relics, jewelry, equestrian equipment, and more.

2. Creating a unique museum brand. For example, the mention of the National Museum of Kazakhstan immediately brings to mind the "Golden Man", a Scythian warrior discovered in the Issyk burial mound. Within the framework of the international project «The Procession of the Golden Man through the World Museums» this precious artifact was showcased in 13 countries, including China, Russia, South Korea, Turkey, Greece, North Macedonia, Malaysia, India, Belarus, and Uzbekistan, from 2017 to 2020, attracting over 2 million visitors. As a result, this project won the «People's Favorite» national award in the «Project of the Year» category.

3. Organizing free and paid courses and clubs. For instance, the National Museum of Kazakhstan established a Coordination and Methodological Center for the Development of Museums in Kazakhstan, which conducts training seminars and webinars for museum staff across the country. Additionally, clubs such as «Craftsmanship» and «Fine Arts» are organized for schoolchildren.

Modern technology and methodologies are essential for educating children, even in the museum sector, which has its own specialized direction called museum pedagogy. While traditional approaches prohibited physical interaction with exhibits, advanced museums worldwide

now allow visitors to engage directly with historical artifacts. Consequently, guest feedback and suggestions are vital for effective museum marketing (Stepanenko, 2019:28). For example, the My Kazakhstan cultural and educational exhibition project, launched at the National Museum of Kazakhstan, helps young children and teenagers enhance their knowledge through modern technologies. A newly designed hall featuring themes like The Nature of Kazakhstan, Geography of Kazakhstan, The Great Silk Road, and Archaeological Monuments of Kazakhstan has already received positive feedback.

4. Attracting visitors through mass media, official websites, social networks, and other communication tools. Social media, in particular, plays a significant role today. Most people have become accustomed to accessing information and providing feedback via platforms like Facebook and Instagram. Therefore, it is necessary to train specialists such as SMM experts and PR managers for the museum sector. For example, the Media Relations department at the National Museum of Kazakhstan currently employs young specialists with degrees in Public Relations (PR).

Thus, employing marketing methods and techniques is vital for revitalizing museums and boosting their development. This, in turn, provides excellent opportunities to promote the country's history and culture while contributing to the growth of the tourism sector.

Conclusion

The research highlights significant aspects of modern museum marketing and its effectiveness in enhancing the cultural and social role of museums. Advances in information technology

and societal changes compel museums to adopt innovative marketing methods, improving their operations and boosting competitiveness. The study examined the marketing activities of both Kazakhstani and international museums. It was found that marketing strategies in most Kazakhstani museums are still underdeveloped. In contrast, advanced countries employ innovative methods, such as virtual tours, interactive exhibitions, and special events, to increase visitor numbers and attract audiences.

Modern museum marketing goes beyond disseminating information or preserving cultural heritage; it also involves strengthening public engagement, increasing popularity, and attracting visitors through comprehensive approaches. Marketing strategies and methods serve as effective tools for achieving these goals.

The research examined the marketing practices of the National Museum of Kazakhstan, identifying successful experiences and effective methods. Using marketing tools aligned with the museum's priorities and its social and cultural mission contributes to the sustainable development of museums and strengthens their role in society.

The specific measures and strategies proposed in the article aim to improve the effectiveness of museum marketing, expand museum audiences, and enhance services. These concepts can be beneficial for the National Museum of Kazakhstan and other cultural institutions.

Overall, modern museum marketing is a vital component of the cultural sector, acting as an effective tool to fulfill museums' social responsibilities and promote cultural heritage. Developing museum marketing and implementing innovative methods open significant

opportunities to strengthen museums' roles in society and increase their popularity.

Several recommendations can be made to enhance the marketing system of the National Museum of Kazakhstan. These recommendations aim to boost the museum's competitiveness, increase its popularity, and effectively fulfill its cultural and social mission. Key recommendations include:

1. Enhancing digital marketing. With the development of information technologies and the widespread use of the internet, digital tools should be actively utilized in museum marketing strategies. Improving the museum's official website and social media content can enhance visibility and audience engagement. Virtual tours, online exhibitions, and interactive content (posts, Q&A sessions, contests) on social platforms can help expand the museum's audience.

2. Collaboration between the museum and the tourism sector. Partnerships with travel agencies, hotels, and tour operators can increase the museum's popularity. Visiting the museum should become an integral part of tourist itineraries. Creating tourist packages and special offers (e.g., group tickets, family discounts) can also boost the museum's revenue.

3. Strengthening visitor engagement. Establishing close relationships with visitors is crucial. Collecting feedback, conducting surveys, and maintaining regular communication through email newsletters or dedicated apps would be effective. Additionally, creating special clubs or membership programs offering discounts and privileges to visitors can enhance engagement.

4. Developing educational and social programs. A museum should not only hold exhibitions but also offer educational services. While this area is well-developed at the National Museum of Kazakhstan, organizing diverse masterclasses, seminars, lectures, and cultural events can further fulfill its cultural mission and attract more visitors. Social programs and inclusive initiatives (e.g., special programs for people with disabilities) demonstrate the museum's commitment to social responsibility.

5. Conducting marketing research. Regular marketing research is essential for analyzing the museum's current status and understanding visitors' needs. Such studies help identify the museum's strengths and weaknesses, visitors' interests, and areas for improvement.

6. Strengthening advertising and PR activities. Effective advertising and PR strategies are needed to promote all museum events and updates. Close collaboration with public organizations, cultural ministries, and other key institutions can enhance the museum's reputation. Media campaigns highlighting the societal importance of the museum's work are also essential.

7. Applying creative marketing methods. Promoting museum exhibitions and special events creatively is crucial. This can involve engaging popular bloggers and influencers, organizing advertising campaigns, or hosting themed photo or video contests.

The above recommendations are expected to contribute to the improvement of the National Museum of Kazakhstan's marketing system and strengthen its societal role.

References

1. Law of the Republic of Kazakhstan on Culture, 2006. [E-source]. URL: https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z060000207_ (Date of Access: 15.12.2024) [in Russian]
2. Klimov S.A., 2020. Instrumenty marketinga i reklamy v sovremennykh muzeiakh [Marketing and Advertising Tools in Modern Museums]. Muzey. №2. Pp. 60-68. [in Russian]
3. Mostovaia K.Yu., 2020. Razvitie muzeiev v sovremennom mire [Development of Museums in the Modern World]. Muzey. №2. Pp. 22-28. [in Russian]
4. Prosekova E., 2020. Razvitie muzeiev v sovremennykh rynochnykh usloviiakh [Development of Museums in Modern Market Conditions]. Muzey. №2. Pp. 56-61. [in Russian]
5. Plytnik E.H., 2014. Osobennosti muzeinogo marketinga v sovremennykh usloviiakh [Features of Museum Marketing in Modern Conditions]. Vitebsk: VGU imeni P.M. Masherova. URL: <https://rep.vsu.by/bitstream/123456789/5402/5/351-352.pdf> [in Russian]
6. Stepanenko A., 2019. Muzei izbegaiut prostieishikh instrumentov v marketingovoi deiatel'nosti [Museums Avoid the Simplest Tools in Marketing Activities]. Muzey. №6. Pp. 26-28. [in Russian]
7. Triasuchkina K.D., 2022. Osobennosti marketinga muzeiev malykh gorodov Rossii [Features of Museum Marketing in Small Towns of Russia] // Istoriko-kul'turnoe nasledie v institutsional'nom izmerenii: materialy II Uralskogo istoriko-arhivnogo fora, posviashchennogo 30-letiiu podgotovki dokumentovedov i 20-letiiu podgotovki specialistov v sfere turizma i gostepriimstva v Uralskom federal'nom universitete. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Uralskogo universiteta. Pp. 508-515. [E-source]. URL: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/119733> (Date of Access: 15.12.2024) [in Russian]

Гиззатов С.М.¹, *Оспанова А.К.¹, Султанова А.К.² Искаков К.А.²

¹Қазақстан Республикасының Ұлттық музейі

Астана, Қазақстан

²Л. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті

Астана, Қазақстан

*e-mail: ospanova_akmaral@mail.ru

ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ МУЗЕЙ МАРКЕТИНГІ: БАСЫМДЫҚТАРЫ МЕН ДАМУ ӘДІСТЕРІ

Аңдатпа. Қазіргі таңда музей қызметі тек мәдени мұраны сақтаумен шектелмей, білім беру, коммуникация және туризм орталығы ретінде де маңызды рөл атқарады. Ақпараттық технологиялардың дамуы мен қоғам қажеттіліктерінің күн сайын өзгеруі және бәсекелестіктің артуы музейлерді өз қызметтеріне маркетингтік әдістерді енгізуге мәжбүр етуде. Осы негізде жазылған ғылыми мақалада музейлердің мәдени және әлеуметтік рөліне талдау жасалынып, қазіргі заманғы әлемдік музей маркетингінің ерекшеліктері мен даму әдістері қарастырылады. Зерттеудің негізгі мақсаты: қазіргі заманғы музей маркетингінің ерекшеліктерін, оның мазмұнын, әдістерін және тиімділігін анықтау арқылы музейлердің танымалдығын арттыру және олардың мәдени-әлеуметтік миссиясын тиімді жүзеге асыруға ықпал ететін маркетингтік құралдарға талдау жасау болып табылады.

Зерттеуде теориялық және салыстырмалы талдау және контент талдау әдістері басшылыққа алынған. Теориялық зерттеу әдісі негізінде музей маркетингінің ғылыми бағыттары туралы жазылған отандық және шетелдік еңбектер мен мақалаларға талдау жұмысы жүргізілді. Бұл әдіс музей маркетингінің теориялық аспектілерін жүйелеуге мүмкіндік берді. Салыстырмалы талдау әдісі негізінде Қазақстандық және шетел музейлерінің маркетингтік тәжірибелерін салыстыру арқылы тиімді жақтарын анықтау жүзеге асырылды. Мақалада музей қызметінің негізгі басымдықтарын айқындап, олардың бәсекеге қабілеттілігін арттыруға бағытталған бірнеше нақты ұсыныстар келтірілген. Музей маркетингінің заманауи стратегиялары мен практикалық құралдарына баса назар аударылған. Зерттеу объектісі ретінде ҚР Ұлттық музейінің тәжірибесі қарастырылды.

Кілт сөздер: ҚР Ұлттық музейі, музей маркетингі, музей ісі, мәдениет, жаңа технология.

Дәйексөз үшін: Гиззатов С.М., Оспанова А.К., Султанова А.К., Искаков К.А. Қазақстандағы музей маркетингі: басымдықтары мен даму әдістері // Мәдени мұра. 2024. №4 (107). 77-88 б.(ағыл.)

DOI: <https://doi.org/10.47500/2024.v20.i4.05>

Гиззатов С.М.¹, *Оспанова А.К.¹, Султанова А.К.², Исаков К.А.²

¹ Национальный музей Республики Казахстан
Астана, Казахстан

² Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева
Астана, Казахстан

*e-mail: ospanova_akmaral@mail.ru

МУЗЕЙНЫЙ МАРКЕТИНГ В КАЗАХСТАНЕ: ПРИОРИТЕТЫ И МЕТОДЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация. В настоящее время деятельность музеев не ограничивается только сохранением культурного наследия, но также играет важную роль как образовательный, коммуникационный и туристический центр. Развитие информационных технологий, изменения общественных потребностей и усиление конкуренции вынуждают музеи внедрять маркетинговые методы в свою деятельность. В данной научной статье, написанной на этой основе, проводится анализ культурной и социальной роли музеев, рассматриваются особенности и методы развития современного мирового музейного маркетинга. Цель исследования: определить особенности, содержание, методы и эффективность современного музейного маркетинга, а также провести анализ маркетинговых инструментов, способствующих увеличению популярности музеев и эффективной реализации их культурно-социальной миссии.

В исследовании использовались методы теоретического, сравнительного и контент-анализа. На основе теоретического метода был проведен анализ отечественных и зарубежных трудов и статей о научных подходах к музейному маркетингу. Это позволило систематизировать теоретические аспекты музейного маркетинга. Сравнительный анализ применялся для выявления эффективных сторон маркетингового опыта казахстанских и зарубежных музеев. В статье выделяются основные приоритеты музейной деятельности, приводятся конкретные рекомендации, направленные на повышение их конкурентоспособности. Особое внимание уделено современным стратегиям музейного маркетинга и практическим инструментам. В качестве объекта исследования рассмотрен опыт Национального музея РК.

Ключевые слова: Национальный музей РК, музейный маркетинг, музейное дело, культура, новые технологии.

Для цитирования: Гиззатов С.М, Оспанова А.К, Султанова А.К, Исаков К.А. Музейный маркетинг в Казахстане: приоритеты и методы развития // Мадени мұра. 2024. №4 (107). 77-88 с.(анг.)

DOI: <https://doi.org/10.47500/2024.v20.i4.05>

Information about authors:

1. Gizzatov Sayalbek, Candidate of Historical Sciences, National Museum of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan.

ORCID: 0000-0002-9784-1812

2. Ospanova Akmaral, PhD, Researcher, National Museum of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan.

ORCID: 0000-0003-2436-7109

3. Sultanova Ayagoz, Doctoral student, L. N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan.

ORCID: 0000-0003-2506-0192

4. Isakov Kuanysh, Doctoral student, L. N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan.

ORCID: 0000-0003-2409-8068

Авторлар туралы мәлімет:

1. Гиззатов Саялбек Махамбетұлы, тарих ғылымдарының кандидаты, Қазақстан Республикасының Ұлттық музейі, Астана, Қазақстан.

ORCID: 0000-0002-9784-1812

2. Оспанова Ақмарал Кенжеахметқызы, PhD доктор, ғылыми қызметкер, Қазақстан Республикасының Ұлттық музейі, Астана, Қазақстан.

ORCID: 0000-0003-2436-7109

3. Султанова Аягөз Канатовна, PhD докторант, Л. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана Қазақстан.

ORCID: 0000-0003-2506-0192

4. Искаков Қуаныш Алдабергенұлы, PhD докторант, Л. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана Қазақстан.

ORCID: 0000-0003-2409-8068

Сведения об авторах:

1. Гиззатов Саялбек Махамбетович, кандидат исторических наук, Национальный музей Республики Казахстан, Астана, Казахстан.

ORCID: 0000-0002-9784-1812

2. Оспанова Акмарал Кенжеахметовна, PhD, научный сотрудник, Национальный музей Республики Казахстан, Астана, Казахстан.

ORCID: 0000-0003-2436-7109

3. Султанова Аягөз Канатовна, докторант, Евразийский национальный университет имени Л. Гумилева, Астана, Казахстан.

ORCID: 0000-0003-2506-0192

4. Искаков Куаныш Алдабергенович, докторант, Евразийский национальный университет имени Л. Гумилева, Астана, Казахстан.

ORCID: 0000-0003-2409-8068

Этнология / Ethnology / Этнология

ГРНТИ 03.25.

<https://doi.org/10.47500/2024.v20.i4.06>

*Атдаев С.Дж.¹, Атдаева О.Г.²

¹Институт Истории и археологии АН Туркменистана
г. Ашхабад, Туркменистан

²Туркменский государственный институт экономики и управления
г. Ашхабад, Туркменистан

*e-mail: serdar63atdayev@gmail.com

ОГНЕСТРЕЛЬНОЕ ОРУЖИЕ ТУРКМЕН (ПО МАТЕРИАЛАМ XIX В.)

Аннотация. Предметом данной работы явился такой малоизученный вопрос в туркменской историографии как огнестрельное оружие у туркмен. Цель нашего исследования – детальное аналитическое описание огнестрельного оружия у туркмен в XIX в. на основе антропологического подхода и сравнительно-исторического метода имеющихся наработок историографии вопроса. Многочисленные источники и данные периодики того времени послужили основной базой при написания данной работы. Авторами использованы антропологический подход и сравнительно-исторический метод, тщательный анализ источниковедческого материала и данных прессы.

Приведенная классификация ручного огнестрельного оружия и некоторых видов артиллерии показала большое разнообразие имеющегося оружейного арсенала у туркмен. Старое фитильное оружие, давно отжившее свой век в развитой Европе, продолжало длительное время активно применяться в жизни туркмен. На вооружение у туркмен была и артиллерия. Это были пушки, переносные мелкокалиберные зембуреки, а также крепостные ружья-фальконеты. Военное дело имело значимое положение в туркменском обществе, а опытные мастера-оружейники пользовались большим почетом и уважением в обществе. Туркменские оружейники умело адаптировали импортное оружие, занимаясь ее переделкой, подгоняя под местные традиции более современное русское и европейское оружие. Однако, местное производство оружия было весьма ограничено, а потому активно завозилось из соседних стран: России, Хивы, Бухары и Ирана.

Ключевые слова: огнестрельное оружие, мастера-оружейники, оружейные принадлежности, Туркменистан, Российская империя, военные баталии, охота.

Для цитирования: Атдаев С.Дж., Атдаева О.Г. Огнестрельное оружие туркмен (по материалам XIX в.) // Мадени мұра. 2024. №4 (107). 89-123 с.(рус.)

DOI: <https://doi.org/10.47500/2024.v20.i4.06>

*Старый, верный друг мультук,
Не печалься дню забвенья.
Ты не скор ружья Бердана,
Но с историей народной.*
С. А.

Введение

У туркмен традиционным оружием длительное время, вплоть до начала XX в., оставались луки, стрелы, сабли и пики, то есть весь комплект холодного оружия. Огнестрельное оружие появляется с середины XVIII в. в очень ограниченном количестве. Строжайший контроль со стороны европейских стран и России препятствовал проникновению новых видов оружия на территорию Центральной Азии. Поставляемое путем переговоров оружие представляло собой старые образцы фитильного и кремневого образцов. Туркменам, совершавшим частые набеги-аламаны на сопредельные территории, удавалось получать единичные экземпляры оружия. Безусловно оружие поступало в край и путем торговых операций, но стоило оно очень дорого. Ружья и пистолеты со временем портились или приходили в негодность. Местные мастера-оружейники научились ремонтировать оружие и заменять его отдельные детали. Техническая и моральная отсталость старого оружия особо сильно проявилась в ходе 1-й и 2-й Ахалтекинских экспедиций. Русская армия, модернизированная современной артиллерией и винтовками последних образцов, намного превосходила имеющееся у туркмен устаревшее оружие, что в итоге и решило исход сражения в пользу первых. В исторической литературе закрепилось мнение, что туркмены сражались лишь с

холодным оружием, а в моменты обороны крепости и с переделанными из ножиц подручными средствами. Верно, в основе своей так и было. Но огнестрельное оружие все же имелось, правда очень старого образца и в ограниченном количестве. Авторы данного исследования попытались детально осветить данный вопрос и представить реальную картину использования огнестрельного оружия туркменами в XIX в.

Материалы и методы исследования

История огнестрельного оружия туркмен – тема неизученная, а потому представляется весьма актуальной для исследования. Некоторую информацию о ружьях и мастерах оружейного дела можно почерпнуть в исследовании А.А. Долгова, А.О. Сопиева (Долгов, 2022; Сопиев, 2017). Терминология, связанная с огнестрельным оружием, была составлена Ч. Гараджаевым (Garaǵaýew, 1989). Сравнительные данные об огнестрельном вооружении народов Центральной Азии имеются в работах Д.Ю. Милосердова.

Необходимый материал об огнестрельном оружии туркмен встречается в ряде туркменских источников. Среди них следует отметить «Книгу рассказов о битве текинцев», Материалы по истории туркмен и Туркмении (Абду-с-Саттар Казы, 1914; МИТТ, 1938).

Ценными представляются записки

свидетелей той эпохи: К.К. Абазы, М. Алиханов-Аварского, Арминия Вамбери, М.И. Венюкова, М.Н. Галкина, П.И. Гладышева, Е.И. Бланкенагеля, Бенуа-Мешэна, П. Лессара, Е. Маркова, К. Бодэ, А. Бёрнса, Н. Муравьева, Г.С. Карелина, Быкова, Г. Блоквиля (Абаза, 1902; Алиханов-Аварский, 1904, 1899, 1883; Арминий Вамбери, 2013; Венюков, 1871; Галкин, 1868; Гладышев, 1883; Замечания майора, 1858; Записка барона, 1883; Лессар, 1884, 1883; Россия в Средней Азии, 1901; О туркменских поколениях, 1847; Путешествие в Бухару, 1849; Путешествие в Туркмению и Хиву, 1822; Путешествия Г.С. Карелина, 1883; Теке-Мерва, 1879; Четырнадцать месяцев, 1866).

Весьма полезна информация непосредственных участников боевых батальонов: Н.И. Гродекова, Н.Н. Каразина, А.Н. Куропаткина, А.А. Майера, Н.Н. Сполатбога, В.А. Барановского, (Гродеков, 1883-1884; Каразин, 1874; Куропаткин, 1885; Майер, 1886; Покорение Ахал-Теке, 1884; Туган-Мирза-Барановский, 1881).

Много материалов хранят документы архивов (Из истории отношения, 1939; Присоединение Туркмении, 1960; Россия и Туркмения, 1946). Некоторые детали указаны в периодической печати той поры (Всемирная иллюстрация, 1873; Кавказ, 1883; Всемирный путешественник, 1867, 1870).

Хорошим дополнением стали работы на иностранных языках: *À travers l'Asie Centrale*, 1885; *England and Russia in Central Asia*, 1879; Kennedy R.J., Kennedy B.W., 1890; *Russia's Railway Advance*, 1890; *The Country of the Tekke Turkomans*, 1881; *The Merv Oasis*, 1883; *Through the heart of Asia*, 1889.

Для объективного пред-

ставления материала использован антропологический подход и сравнительно-исторический метод имеющихся наработок историографии вопроса. Тщательный анализ источниковедческого материала и данных прессы той поры послужил основной базой для нашего исследования. Для решения поставленной перед задачами был применен комплексный метод исследования, когда сравнительный анализ источников помог выявить необходимую информацию и в дальнейшем ее верно интерпретировать.

Анализ и результаты

Огнестрельное оружие у туркмен в XIX в. было разнообразным, представляя различные виды фитильного, кремневого и, в небольшом количестве, нарезного образца. В большом количестве нарезное оружие стало появляться в крае в ходе ахалтекинских экспедиций. Традиционно считается, что туркмены имели 2 типа ружей: фитильное «гара тупен» и нарезное «хырлы тупен». Подобное упрощенное представление о видах огнестрельного оружия прочно осело в сознании народа и продолжает функционировать по сегодняшний день. Проведенное исследование показало, что арсенал огнестрельного оружия туркмен в XIX в. был намного разнообразным и представлял более широкий видовой спектр.

О первом появлении ружей у туркмен сообщает российский капитан Г. Тебелев. В 1741 г. он встретил на Мангышлаке группу туркменских охотников с ружьями. Позже об этом же писал и капитан В. Копытовский (Из истории отношения, 1939: 212,

215). В. Даль утверждал, что в 1829 г. на Каспии к его посудине приблизилась лодка, на которой было 12 туркмен с самопалами, т. е. фитильными ружьями (Даль, 1838: 81).

Огнестрельным оружием были вооружены и туркмены, проживавшие на окраинах Хивинского ханства. Капитан А.С. Стеткевич отмечал, что почти каждый туркмен имел ружье, которое по состоянию было «никуда негодное» (Стеткевич, 1892: 208). По данным барона К. Бодэ, ёмуты могли выставить до 7 000 конницы, из которых 1 200 человек были вооружены огнестрельным оружием (Бодэ, 1847: 228). В основном это были фитильные ружья (Замечания майора, 1858: 11). Некоторые имели дуствольные ружья и пистолеты (Брегель, 1961: 316, 324). В Бухаре ружье имели немногие из туркмен (Путешествие в Бухару, 1848, Ч.2: 357). Оружие было фитильным (Записки о Бухарском ханстве, 1983: 72).

Корреспондент британской газеты «Daily News» Эдмонд О' Донован писал, что туркмены в окрестностях Чикишляра имели старые мушкеты образца 1853 г., а в Мерве устаревшим ружьем владел каждый шестой воин (The Merv Oasis, 1883, vol. 1: 150; vol. 2: 4). По замечанию Д. Будджера, среди туркменских племен наилучшее орудие имелось у теке (England and Russia, 1879: 224). П.М. Лессар отмечал, что если к текинцам Мерва и попало несколько берданок во время войны с Россией, то у сарыков скорострельного оружие вовсе не было (Лессар, 1884: 164). Ружьем «хырли» чаще пользовались для охоты на крупных животных.

Русские винтовки, как короткие, так и длинные, выставлялись на продажу каждый базарный день по цене четыре

фунта стерлингов за штуку (The Merv Oasis, vol. 2, 1883: 328). Газета «Правительственный вестник» за 14 июля 1884 г. писала, что «порядочное ружье нельзя было купить дешевле 40 руб.», а такую сумму заплатить были в состоянии немногие (Долгов, 2022: 72). Даже фитильные или кремнёвые ружья стоили недешево.

Завоз огнестрельного оружия. Огнестрельное оружие завозилось из Хивы и Персии (Туган-Мирза-Барановский, 1881: 71). Особо славилась нарезные ружья из Хазараспа (Арминий Вамбери, 2003: 294). Донован в Мешхеде имел беседу с посланником от Махтум-Кули-хана (колено Векиль), от которого он узнал, что оружие закупалось в Афганистане и Бухаре (The Merv Oasis, 1883, vol. 2: 4). Оружие приобреталось и в Иране (Галкин, 1868: 47). Более усовершенствованные ружья поступали в Мерв из Герата и Мешхеда (Семенов, 1909: 61).

Из рапорта капитана А. Быкова от 23 августа 1879 г. следует, что туркмены Мерва имели связи с Пешаваром: «Ежегодно человек 30-60 старшин ездят туда, получают там подарки и инструкции. Оттуда же получается оружие» (Присоединение Туркмении, 1960: 434). Быков уточняет, что «Текинцы Мерва ежегодно совершенно свободно проходят через Герат в Пешавар и обратно и привозят оттуда оружие» (Теке-Мерва, 1879: 6). В телеграмме от 13 мая 1881 г. майор Н.Н. Сполатбог писал, что в Серахс прибыли 32 английских оружейных мастеров, готовых для мервцев приготовить порох, снаряды, исправить и переделать оружие (Присоединение Туркмении, 1960: 531-532).

Однако П.М. Лессар всячески

отвергал подобные разговоры. Он писал, что «слух о доставке оружия в Мерв появляется не впервые: а между тем, чем вооружены мервцы, видели все бывшие в оазисе: огнестрельного оружия вообще очень мало: есть берданки, а преимущественно плохие, старые азиатские ружья, которые конечно идут не из Англии; никто до сих пор еще не видал в Мерве ни одного английского ружья» (Лессар, 1883: 74).

Хищение огнестрельного оружия у противника. Еще одним способом приобретения оружия был разбойничий налет аламан. В таких набегах удавалось привозить немалое количество разнообразного оружия. Ситуация приобрела немного иной характер, когда противник оказывался на территории самих туркмен. Тогда это были ночные вылазки с нападением на часовых. Примечательно сообщение французского военного топографа Гулибеф де Блоквиля, который с другими участниками персидской армии в 1861 г. оказался в туркменском плену. Блоквиль отмечал, что дерзость туркменцев доходила до того, что они по ночам нападали на заснувших часовых и уносили с поста несколько дюжин ружей (Четырнадцать месяцев, 1866: 74). Это была излюбленная тактика туркмен. К примеру, она применялась в сер. XIX во время осады Келеджара хорасанским правителем Мирза-Хайдаром (Гродеков, т. 1, 1883: 38; Покорение Ахал-Теке, 1884: 23). Вылазки были и при штурме Гёк-тепе 28 августа 1879 г. (Гродеков, т. 1, 1883: 162-163). Они повторились при обороне Янги-гала 21 декабря 1880 г. и при осаде Гёк-тепе в 1880-1881 гг. ((Шеманский, 2003: 265, 294, 300). Этот прием был использован и Гаджар-ханом, когда он 3 марта 1884 г.

попытался организовать из крепости Говшут-Хан-гала ночную вылазку на отряд генерала А.В. Комарова (Присоединение Туркмении, 1960: 719; Семенов, 1909: 113). Подобные вылазки упомянуты и Д. Будджером (England and Russia, 1879: 242).

В ходе 1-й и 2-й ахалтекинских экспедиций были зафиксированы случаи продажи оружия русскими солдатами (Гродеков, 1883, т. 2: 153; Терентьев, 1906: 25, 97). Одновременно с этим в русский лагерь все чаще стали наведываться туркменские эмиссары. Одну группу из 10 жителей села Нохур задержали и отправили в Бами, а 16 июня 1880 г. 2 человека были расстреляны, а 3 высланы в Баку. Один из нохурлинцев по фамилии Сарыханов при попытке бегства был застрелен. Это обстоятельство стало причиной организации со стороны родственников убитого неудачного покушения на генерала, которое произошло в ночь на 14 августа 1880 г. После рекогносцировочного выезда М.Д. Скобелева в район Гёк-тепе и боевых столкновений близ крепости 6-7 июля 1880 г., отряд вернулся в Бами, где был организован военный парад с награждением отличившихся бойцов. Торжество происходило вечером. Когда генерал произносил речь, раздался выстрел, и пуля просвистела возле его головы (Гродеков, т. 2, 1883: 96-99, 206).

В Чекишляре туркмены, пользуясь отсутствием требуемого надзора в русских лагерях, похищали патроны и сбывали их за Атрек или зарывали в песках, чтобы впоследствии воспользоваться ими. Кроме того, они похищали и заряды от артиллерийских снарядов. 14 октября 1880 г. были похищены 18 000 патронов

и 200 зарядов. По этому случаю М.Д. Скобелев счел необходимым послать ёмутским казиям и старшинам следующую прокламацию: «Все пойманные в воровстве патронов... будут расстреляны без всякого снисхождения» (Гродеков, т. 3, 1883: 32-33).

Г. Бонвало писал, что туркмены крали винтовки прямо из-под носа русских часовых (Through the heart of Asia, 1889: 213). В.П. Мельницкий отмечал, что в Бендесене туркменам достались 17 ящиков с патронами, которые были зарыты. Эти патроны были отрыты текинцами и позже употреблены в дело (В.П., 1881: 824). Подобные случаи были в Бами (Гродеков, т. 2, 1883: 156; Черняк, 1889: 412; Шеманский, 1912: 16) и Бёрме (Гродеков, т. 3, 1883: 45). Особо частыми стали ночные вылазки при обороне Гёк-тепе (В.П., 1881: 840).

Винтовки Бердана, захваченные туркменами в ходе Гёк-тепинской обороны в 1879 г. После первого штурма крепости Гёк-тепе в 1879 г., отряды генерала Н.П. Ломакина вынуждены были отступить, потеряв большое количество оружия. В.П. Мельницкий отмечал, что текинцы быстро научились употреблять берданки и освоились с патронами, доставшимся им в Бендесене (В.П., 1881: 824). Количество винтовок, оказавшихся в руках туркмен, установить трудно, так как источники дают разную информацию.

М.А. Терентьев пишет, что в руках текинцев оказалось до 600 винтовок Бердана (Терентьев, 1906, т. 3: 24). Донован, при встрече в Кучане с посланником Махтум-Кули-хана Дурды-беем, узнал, что в Гёк-тепе было более 2 000 заряжающихся с

казенной части винтовок, взятых у русских в разных ситуациях. (The Merv Oasis, vol. 1, 1883: 464). Бенуа-Мешэн подчеркивает, что в Мерве туркмены имели около 2 000 берданок, частью отнятых у генерала Ломакина или украденных и отбитых в разное время у караванов. Патроны они получали из Петро-Александровска. Позже Бенуа-Мешэн, ссылаясь на информацию одного купца, приводит цифру в 1 200 берданок, находящихся в крепости, и еще несколько единиц подобного оружия в оазисе (Записка барона, 1883: 129).

Н.И. Гродеков писал: «После поражения наших войск под Гёк-тепе в 1879 г. массы текинцев стали появляться на Аму-Дарье, в Хивинском и Бухарском ханствах. Они громко говорили на базарах и в кочевьях о своей победе и в доказательство ее показывали ружья, отбитые у русских. Они являлись и к хивинскому хану и подарили ему несколько винтовок револьверов со словами: «нам не надо их; у нас русского оружия очень много и будет еще больше». 27 сентября 1880 г. Н.И. Гродеков прибыл в Ширван, где вскоре участвовал на охоте с Эмир-Гусейн-ханом. Здесь он видел ружья разных систем, в том числе берданки, проданные текинцами эмиру Кучана (Гродеков, т. 2, 1883: 32; т. 4, 1884: 156).

Количество огнестрельного оружия в Гёк-тепе в 1880-1881 гг. О наличии оружия у текинцев можно судить по событиям, развернувшимся в 1880-1881 гг. под Гёк-тепе. По данным А.Н. Куропаткина защитники имели около 5 000 ружей, из них 500 скорострельных и массу пистолетов. Позже, Куропаткина приводит цифру в 600 скорострельных ружей, что стоило русским потеряв 1 000 человек убитыми

и ранеными (Куропаткин, 1885: 59, 149). А.Д. Шеманский отмечал, что из 10 000 бойцов только половина имела старые ружья, и только часовые были обеспечены берданками. Количество скорострельных винтовок оценивается им в 600 единиц (Шеманский, 2003: 265, 301). Н.Г. Гродеков наряду со старыми ружьями, также упоминает 600 скорострельных винтовок (Гродеков, т. 3, 183: 150).

Холодное оружие, пашки и пики имелись у всех защитников (Куропаткин, 1899: 149). Остальные были вынуждены обороняться подручными средствами. Безоружные выходили в бой с деревянными шестами, на конце которых привязывались обломанные ножицы, образуя нечто в роде пики (Шаховский, 1885: 407).

Так как при обороне Гёк-тепе участвовало до 7 000 туркмен из Мерва, то часть трофейных винтовок оказалась у них на руках. Бенуа-Мешэн, говоря о берданках в Мерве, приводит цифру, по всей видимости завышенную, в 2 000 берданок (Записка барона, 1883: 129).

Типы ружей. Ружья у туркмен было весьма разнообразным. Можно было встретить длинные фитильные и кремневые азиатского ружья, русские гладкоствольные ружья, попавшие из Астрахани, тульские и английские охотничьи одностволки «екениль» и двустволки «гоша», старые карабины и даже карабины Лефосе. Как писалось в журнале «Военный сборник» «у туркмен не образовалось привычки и доверия предпочтительно к той или другой системе оружия» (Туркмены иомудского племени, 1872: 78).

Гладкоствольное фитильное ружье туркмены обычно называли – «гара тупен» (черное ружье), а нарезное – «хырлы тупен» (винтовое ружье).

Термин «мультик» был присущ для обозначения всех видов ружей. Имелись также и кремневые пистолеты. Иногда в ходу были ружья с укороченным стволом – «чешни», которые носились на поясе (Путешествие в Бухару, 1849, ч. 3: 93).

Винтовое ружье хырлы имело длинный и тяжелый ствол с металлическими сошниками, которые откидывались и втыкались в землю для упора. При отсутствии сошников ружье могли поставить на большой нож – «пычак», рукоятка которого традиционно изготавливалась в виде развилки бараньих рогов.

Рис. 1. Охотник с ружьем хырлы. Рисунок А. Долгова.

Fig. 1. Hunter with a hyrly gun. Drawing by A. Dolgov.

Фитильные ружья поступали из Бухары и Хивы (Живописная Россия, 1885: 122; Арминий Вамбери, 2003: 69, 73). Наместником на речии они назывались «шемхал, шамхал» (Абду-с-Саттар, 1914: 0138). Н.В. Чарыков отмечал, что стрелки «шемхалчи» представляли собой пограничную стражу (Чарыков, 1884: 141). В хивинских источниках говорится о намерении организовать для туркменской плотины Човдур-ярган охрану, посадив там 10 шемхалчи, а также 10 сарбазов и 10 стрелков из туркменского племени Човдур. Там же сообщается, о просьбе поставить караулу на канале Лаузан шемхалы и снаряжение Човдуру Дост-Махтуму (Брегель, 1960: 330-331). В некоторых источниках шемхалы были неверно переведены как фальконеты (МИТТ, 1938: 386, 390, 473, 477, 492).

В «Военно-статистическом сборнике» за 1868 г. говорится, что: «Туркмены ружей имеют мало и то с фитилем, длинные и тяжелые. Стреляют из них с присошек, или лежа, довольно метко» (Военно-статистический сборник 1868: 85). Г.С. Карелин отмечал, что у туркмен «Ружья без замков с фитилями» (Путешествия Г.С. Карелина, 1883: 432). П.И. Гладышев указывал, что эти длинные одноствольные ружья для устойчивости имели сошки (Гладышев, 1883: 118). По описанию Н.Н. Каразина мультук с подсошкой имел фитильный крючок. Пули, вылетевшие из подобного оружия, летели не точно и «совсем не туда, куда хотелось» (Каразин, 1874: 235). Другие же источники сообщают, что туркмены приноровились к фитильным ружьям и стреляли «довольно метко» (Туркмения и Хива, 1870: 112). Один из участников Хивинского похода 1873 г.

отмечал, что у туркмен: «ружья были гладкоствольные, преимущественно капсюльные двустволки тульской фабрикации. Между одностволками встречались кремневые и даже фитильные ружья (Хивинская экспедиция, 1874: 14-15).

В Гёк-тепе у текинцев были очень плохие ружья всевозможных времен и всевозможных систем – от фитильных ружей до берданок, карабинов Лефаше или охотничьих двустволок (Гродеков, т. 1, 1883: 57). Большинство же защитников крепости были вооружены обыкновенными азиатскими курковыми ружьями (Туган-Мирза-Барановский, 1881: 115). П.О. Бобровский писал, что «у текинцев за спиной тяжелые старинные ружья, часто фитильные, с приделанной у дула на шарнире подставкой, с которой они стреляют даже с близкого расстояния» (Ахал-Текинская экспедиция, 1898: 275). Тяжелые азиатские ружья на сошках, были способные поражать цель с 2 000 шагов (Шеманский, 2003: 265).

Генерал В.И. Маркозов писал, что у туркмен дальнобойных ружей почти не было. Вооружение у них было весьма плохо и до чрезвычайности разнообразно. Они выезжали в бой с охотничьими двух и одностволками самых низких достоинств, преимущественно английского производства XVIII в., а также ружьями тульской работы. «Пули текинцев редко доносились до 400 или 500 шагов от места выстрела, и свинец их большею частью долетал случайно и всегда обессиленным. Их совершенно ошеломлял наш более чем вдвое далекий боевой ружейный огонь. Огню же артиллерийскому они никогда и не пытались даже

противостоять. Наилучшие и наиболее далекого боя ружья, имевшиеся у некоторых туркмен, принадлежали производству соседней персидской провинции Хорасана и ханств Средней Азии, но оружие это было очень дорого, а потому и редко. Кроме того, оно было необыкновенно тяжело и для стрельбы из него требовалась сошка, что, конечно, давало возможность пользоваться этим оружием только лишь спешившись... У них и до сих пор нередко встречаются еще ружья с фитильным приспособлением для воспламенения заряда (Старый красновонец, 1889: 43-44).

К.К. Абаза отмечал, что туркмены имели разные образцы ружья «начиная с фитильных и кончая охотничьей двустволкой» (Абаза, 1902: 264). Донован подчеркивал, что туркмены имели в основном гладкоствольные ружья (The Merv Oasis, vol. 1, 1883: 91, 178, 161, 209, 267, 288, 290). Будучи в Астрабаде Донован подметил, что: «ни в Персии, ни у туркмен, даже в самых отдаленных районах, не встречается замок кремневого ружья. Они неизменно капсюльные. Замки со всей очевидностью точно скопированы с европейской модели (The Merv Oasis, vol. 1, 1883: 173). Туган-Мирза-Барановский писал, что полное вооружение текинского воина состоит из ружья, по преимуществу обыкновенного куркового азиатского, с приделанной к нему откидной рогатиной, служащей подставкой для ружья и одного или двух пистолетов (Туган-Мирза-Барановский, 1881: 67).

Оружие очень ценилось туркменами и часто вывешивалось по стенам кибиток (Туган-Мирза-Барановский, 1881: 61). Один старый русский мушкет Донован видел, когда гостил в Гюмюш-

тепе (The Merv Oasis, vol. 1, 1883: 209). То же самое он наблюдал и в Мерве. Один из родственников Аман-Нияз-хана (колени Сычмаз, род Гараахмет) пригласил Донована в просторном доме, где на стене красовался фитильный мушкет. Он был очень грубой конструкции и просто украшал дом, поскольку имеющееся у них «современное оружие имеет ударные замки, а кремневые замки уже не применяются» (The Merv Oasis, vol. 2, 1883: 310).

В ходе Ахалтекинской экспедиции русские солдаты были вооружены ружьями систем: Бердана, Крынка, Карля, 7-милинейными и Литтихскими (Гродеков, т. 4, 1884: 123). После ряда столкновений с туркменскими отрядами, некоторые из этих ружей остались в руках последних. Донован, во время своей поездки по Лютфабаду, видел у местных жителей игольчатую нарезную винтовку Шасспо, а также несколько крупнокалиберных ружей, похожих на короткие дробовики (The Merv Oasis, vol. 2, 1883: 59). В. Шаховский писал, что у текинцев на руках было много трофейных ружей. Это были берданки, а также ружья бельгийской и других системы (Шаховский, 1885: 407). 23 декабря 1880 г. в одном из боев под Гёк-тепер русскими отрядами были отбиты у текинцев много ружей обратно, особенно бельгийских, принесенных мервцами на подкрепление (Шаховский, 1885: 398), а также винтовки Бердана и Крынка (Гродеков, т. 4, 1884: 36).

После 1881 г. огнестрельное оружие позволялось носить только членам туркменской милиции. В Ахале эти ополчения находились под командованием подполковника князя Бебутова и были вооружены ружьями

системы Крик (Ржевуский, 1884, №7: 149). Состоящие в расположении полковника Навроцкого туркменские джигиты в Красноводске имели ружьям системы Крынка (Гродеков, т. 2, 1883: 227). По сообщению Дж. Добсона, губернатор Мерва М. Алиханов держал под ружьем 300 туркмен. Каждый из них получил винтовку Бердана (Russia's Railway Advance, 1890: 301-302).

М. Алиханов писал, что всего в Мерве текинцы могли иметь до 20 000 единиц разнородных ружей, между которыми 300 скорострелок, преимущественно системы Бердана, до 4 000 дустволок, большей частью тульских. Ударные ружья, переделанные местными мастерами, преобладали над фитильными: «Все это оружие сильно уступало российскому» (Алиханов-Аварский, 1883: 55).

Пешие воины в Мерве были вооружены ударными ружьями длиной 1 3/4 аршина (1 аршин = 0,71 м. С.А.) с деревянными у конца ствола рогатками. Конные джигиты имели ружья 1 1/4 аршина длины без рогаток и дустволки. Пули у ружей были круглыми (Присоединение Туркмении, 1960: 612). В оазисе можно было встретить дустволки качественной работы. Мервский глава Гаджар-хан (колени Сычмаз, род Топаз) всегда носил за спиной дорожную дустволку (Алиханов-Аварский, 1904, №10: 448). Очень красивое дуствольное ружье английского производства имел Аман-Нияз-хан (The Merv Oasis, vol. 2, 1883: 234). Покупка и продажа игольчатых ружей бердановского образца и патронов к ним происходила в Мерве, куда их завозили местные торговцы из Хивы (Присоединение Туркмении, 1960: 672).

Скорострельное оружие очень

ценилось туркменами, так как они осознавали его мощь и превосходство. П.М. Лессар вспоминал, что сопровождавший его афганец Маммед-Аллам однажды сбежал из лагеря, прихватив лошадь и ружье. Было предложена награда в 100 рублей за возвращение краденного. Сначала охотников среди туркмен салыров нашлось много, но когда они узнали, что афганец увез скорострельное ружье, то все отказались. Одно только название «созон» останавливало туркмена (Лессар, 1884: 178). Созон или «сузени» означало игольчатое скорострельное ружье.

П.М. Лессар отмечал, что вооружение мервцев было плохим. Хорошее ружье в Мешхеде стоило около 40 рублей, а потому оно встречалось только у ханов. Ружья вообще были большой редкостью. Люди, сопровождавшие караван Лессара, имели при себе всего лишь шашки, ножи, старые пистолеты и ружья (Лессар, 1884: 190, 200).

Пистолеты. Помимо ружей туркмены часто пользовались пистолетами. Они были ударными и кремневыми персидской работы. Некоторые воины имели при себе по 2-3 пистолета. Пули у пистолетов были круглыми (Присоединение Туркмении, 1960: 612). Носили пистолеты на поясе или на седлах (Туркмены иомудского племени, 1872: 79; Гродеков, т. 1, 1883: 57). Назывались пистолеты у туркмен «сапанча» (Абду-с-Саттар Казы, 1914: с. 0136) или «пиштей» (Garajaýew, 1989: 41).

Дорогой пистолет или револьвер был обязательным атрибутом вооружения хана или сердара. В описании М. Алиханова Гаджар-хан всегда имел при себе два пистолета

(Алиханов-Аварский, 1904, №10: 448). Особо ценился револьвер. Донован вспоминал, что Аман-Нияз-хан, кроме двух огромных кавалерийских пистолетов в кобурах, имел за поясом револьвер-кольт старинного образца (The Merv Oasis, vol. 2, 1883: 234). Известно, что письма от Ходжа-Кули-хана (колено Бег) Скобелеву доставлял Ак-Мурад-батыр (племенное подразделение Тогтамыш), за что получил от генерала в подарок револьвер (Алиханов-Аварский, №9, 1904: 99).

В конце 1883 г., продвигаясь к Мерву, отряд М. Алиханова остановился в доме Сары-Батыр-хана (колено Багши), где столкнулся ночью с группой людей, подстрекаемая Гаджар-ханом. Однако Сары-Батыр-хан со своими людьми сумел предупредить это столкновение. В знак благодарности М. Алиханов подарил Сары-Батыр-хану один из своих револьверов (Алиханов-Аварский, 1904: №9: 105-106).

Махтум-Кули-хан в 1880 г., во время посещения Мешхеда, принял в подарок от Аббас-хана револьвер (Покорение Ахал-Теке, 1884: 9). Также Махтум-Кули-хан получил от Донована в подарок револьвер «Смит и Вессон», а также бинокль и массивный золотой перстень с голубым овальным камнем, с гравировкой полного имени и звания хана (The Merv Oasis, vol. 2, 1883: 207). После падения Гёк-тепе 12 января 1881 г. Махтум-Кули-хан удаляется в Мерв. Когда хан сдается российским властям в 1882 г., у него отбирают револьвер и саблю. Оружие свое он получает обратно лишь 1883 г., в знак полного прощения (Россия и Туркмения, 1946: 222).

Способы стрельбы из ружья и тактические приемы. Многие ружья

у туркмен были старинного образца с вилкообразными подставками. В «Военно-статистическом сборнике» за 1868 г. говорится, что: «Туркмены ружей имеют мало и то с фитилем, длинные и тяжелые; стреляют из них с присошек, или лежа, довольно метко» (Военно-статистический сборник 1868: 85). А. Ржевуский отмечал, что «привычка стрелять с сошек так вкоренилась у текинцев, что даже к попавшим в их руки, во время экспедиции 1879 года, русским берданкам, в нескольких вершках от дула, приделана ими подставка (Ржевуский, № 10, 1884: 350).

Д. Будджер писал, что оружие туркмен устарело и было бесполезно для современной войны. Быстро повторяющихся залпы русских винтовок, наносили разрушения в рядах туркмен за сотни метров. Туркмены пытались компенсировать эту ситуацию, выбрав ночное время в качестве момента для своих атак (England and Russia, 1879: 242). По замечанию А.Д. Шеманского, туркмены активно перенимали лучшие приемы русской армии, и стали также активно применять ружейную стрельбу залпами (Шеманский, 2003: 301).

О методе стрельбы и тактике туркмен можно судить по рассказу А. Быкова. Им описана тактика боя текинцев с бухарцами. Заключается она в том, что при численном перевесе туркменские конные сразу бросались в бой. Однако, если бухарцев оказывалось больше, то туркмены понемногу отступали и наводили противников на скрытую за барханами свою пехоту, «которая одним ружейным огнем не только наносит весьма значительный урон нукерам, но почти всегда заставляет их поспешно подобрать раненых и убитых и бежать

назад, а тут то всадники бросаются на отступающих, стараясь захватить их в плен, или зарубить» (Теке-Мерва, 1879: 10-11).

Способы ношения огнестрельного оружия. Блоквиль писал, что обыкновенно туркмены носили ружье за плечом, а пистолет затыкали за пояс (Четырнадцать месяцев, 1866: 276). В работе «Наши соседи в Средней Азии» говорится, что «Туркмены обыкновенно имеют при себе ружье, которое они носят привешенным к левому плечу, подавши приклад назад и выдвинув наружу ствол, приходящий против левого локтя; кроме того, они пристегивают к поясу... пистолет» (Наши соседи, 1873: 59). То же самое отмечалось в журнале «Нива», где говорится, что ружья туркмены «носят привешенными к левому плечу, прикладом назад, а стволом вперед» (Нива, 1873: 820).

При встрече путников в дороге, оружие оставалось в отдельном месте. Г. Мозер писал, во время путешествия они встретили группу текинцев из Кызыл-Арвата. Г. Мозер с друзьями вошли в лагерь текинцев, «оставив свое оружие, как принято при принятии гостеприимства» (*À travers l'Asie Centrale*, 1885: 306).

Сдача туркменами огнестрельного оружия российским властям после присоединения края. Российское военное командование всячески препятствовало попаданию своих ружей туркменам, одновременно уничтожая захваченное у противника оружие. К примеру, в одном из боев 11 сентября 1880 г. под Гара-Сенгиром, русский отряд Славочинского, захватив оружие у текинцев, тут же намеренно импортил их (Гродеков, т. 3, 1883: 41).

После захвата Гёк-тепе 12 января

местное население обязано было сдать все свое оружие. Большая группа текинцев в количестве 15 000 человек, возвратившись из песков, сдала: 295 азиатских ружей, 46 пистолетов, 11 берданок, 1 винтовку Крынка, а также 606 шашек, 2 пики, 1 штык. 27 января вернулось еще 8 000 человек, живущих между Кызыл-Арватом и Гёк-тепе, которые сдали: 1 200 ружей разных систем, около 500 берданок и более 2 000 шашек. Туркменские шашки немедленно были перекованы в серпы для сбора сена (Гродеков, т. 4, 1884: 25, 36).

Туркмены оружие свое сдавали с большой неохотой. По старой традиции, когда приходилось признавать временное господство ханов Хивы, Бухары или Персии, туркмены обязывались платить определенные налоги, выставлять своих воинов для караульной и военной службы, однако оружие никогда не сдавали. Требование, предъявленное российскими властями, было для туркмен неожиданным и трудно выполнимым. Однако, под нажимом, им пришлось попрощаться со своим огнестрельным оружием. Иногда им удавалось обходить условие этого требования, и они тайно переправляли свое оружие в приграничные с Персией районы проживания туркмен. А.М. Никольский вспоминает, что в своей поездке по Иране он встретился в Нардыне с ханами туркменского племени гёклен. Они «все были вооружены винтовками и ножами, некоторые имели русские пехотные берданки работы Ижевского завода 1878 года, попавшие сюда от текинцев» (Поездка, 1886: 33).

Сдача оружия происходила и в Мерве. Н.И. Гродеков отмечал,

что «текинцев Мерва больше всего смущало то, что одним из условий мира с русскими, должна быть выдача орудий, которые составляли их славу и гордость» (Гродеков, т. 4, 1884: 90). М.Д. Скобелев вел активную переписку Ходжа-Кули-ханом, Халтык-баем и Сары-беком. Мервские ханы выражали готовность служить русскому государю, «только бы от них не требовали выдачи оружия и пушек» (Гродеков, т. 4, 1884: 97).

Правительство Закаспийской области следило чтобы оружие не поступало из Хивы, Бухары, Афганистана или Персии. К примеру, согласно русско-иранской конвенции от 9 декабря 1881 г. о разграничении к востоку от Каспийского моря, иранских шах обязался запрещать вывоз из своих пределов всякого оружия и военных принадлежностей, дабы «оружие не проникало также к туркменам, живущим на персидской территории». В свою очередь, российское правительство обязалось не допускать вывоза оружия и военной принадлежности из пределов России к туркменам, живущим на персидской территории (Присоединение Туркмении, 1960: 604).

Порох (дяри). Порох держали в пороховнице, привязанной к поясу (Туркмены иомудского племени, 1872: 79; Гродеков, т. 1, 1883: 57). Пороховница у туркмен называлась «дяри гуты». Изготавливалась она из кожи и имела вид колбы с искривленным горлышком. Наиболее распространенной была пороховницы с плоской формой, нижняя часть которой изготавливалась из кожи, а верхняя горловина имела костяную или деревянную основу. Были также пороховницы круглой, квадратной, либо многогранной форм.

У пороховницы имелся мерный рожок «темек, ёлчек» (Сопиев, 2017: 2016, 217). Г. Мозер писал, что туркмены несут порох в крохотном роге (A travers l'Asie Centrale, 1885: 296). Часто пороховницы выделялись из тыквы.

Очень ценился английский порох, который привозили из Персии. (Туркмены иомудского племени, 1872: 79). Завозился также порох персидского производства, однако он сильно уступал английскому. О плохом качестве персидского пороха писал Г.С. Карелин, отмечая, что он «дурной, бессильный, от сырости расплывается» (Путешествия Г.С. Карелина, 1883: 258). Завоз пороха из Персии был в небольших объемах (Гродеков, т. 1, 1883: 57). Порох продавали в Астрабаде. Им торговали и в Гургене, несмотря на строгий запрет отпускания его туркменам (The Merv Oasis, vol. 1, 1883: 171, 176). К лету 1880 г. текинцы стали уже свободно ездить в Персию и закупать порох в большом количестве (Покорение Ахал-Теке, 1884: 9, 11). Порох можно было привезти из Мешхеда, Герата или Бухары (The Merv Oasis, vol. 2, 1883: 148, 149). Порох получали и их Хивы, правда очень плохого качества (Туган-Мирза-Барановский, 1881: 71; Туркмены иомудского племени, 1872: 79). Он был низкого качества и быстро перетирается в мякоть (Гродеков, т. 1, 1883: 57). Порох можно было получить и из России (Живописная Россия, 1885: 17). По сообщению Н. Муравьева, российский порох ценился выше и «туркмены с удовольствием принимали в качестве подарка от русских порох (Путешествие в Туркмению и Хиву, 1822: 23, 126).

Н. Муравьев отмечал, что туркменские мастера и сами

занимались изготовлением пороха, но в незначительном количестве (Путешествие в Туркмению и Хиву, 1822: 25). Порох, производимый текинцами и ёмутами, был слабого свойства (Туркмены иомудского племени, 1872: 79; Гродеков, т. 1, 1883: 57; Путешествие в Туркмению и Хиву, 1822: 25, 37). М.Н. Галкин писал, что «туркмены делают для себя порох, но порох их очень дурен, что и сами туркмены вполне сознают, смотря с завистью на наш полированный» (Галкин, 1868: 47; Наши соседи, 1873: 34).

По сообщению Н.И. Гродекова, в Ахалском селении Багир имелись большие ступы, в которых приготавлился порох (Гродеков, т. 1, 1883: 57). Эти ступы лично осматривал майор Н.Н. Сполатбог и нашел их в совершенной исправности (Покорение Ахал-Теке, 1884: 11). Подполковник Ч.Э. Стюарт указывал, что у текинцев есть пороховые мельницы, работающие на водяной тяге, которые производят очень хороший порох (The Country of the Tekke, 1881: 535).

Порох производился также и в Мерве (Алиханов-Аварский, 1883: 55). Однако качеством он был также плох. Посланник Махтум-Кули-хана Дурдыбей сообщал Доновану, что мервский порох, а также привозной из Бухары и Афганистана подходил только «для засыпки крупными порциями в длинный мушкет. Для пистолетов же он был бесполезен» (The Merv Oasis, vol. 2, 1883: 5).

В газете «Всемирная иллюстрация» сообщалось, что порох для орудий «очень дурного качества, делается в окрестностях Куня-Ургенча» (Из Средней Азии, 1873: 235). Ученый В. Успенский, в своих исследованиях по

северным районам Туркменистана в 20-х годах XX в., писал, что будучи около исторического памятника Тюрабек-ханым, он обратил внимание на то, что близ памятника было нарыто много ям. Оказалось, что из этих ям местные жители брали землю и, вываривая ее, получали порох (Успенский, Беляев, 1979: 185). Порох этот назывался «черным». Сырьем для него служила земля старых кладбищ, которая часто возгоралась. Мастера пороховых дел рыли на старых кладбищах большие, но неглубокие котлованы и утрамбовывали его дно. После того, как сточные воды весенних дождей заполняли эти котлованы, нужно было выждать их полного испарения. Затем со дна снимали оставшийся жирный остаток и собирали в отдельные сосуды. Осадок обрабатывали в мастерской и получали черный порох (Халимов, 1991: 131).

Туркмены мастера приготавливали порох из селитроносной земли в смеси с серой. Пропорция состава была следующей: 6 частей селитры, 1 серы и 11/2 угля (Путешествия Г.С. Карелина, 1883: 432).

Сера (кюкюрт). Залежи серы имелись во многих регионах Закаспийской области. Газета «Кавказ» писала, что в области были открыты обширные залежи серы (Кавказ, 1883). Об этом сообщали и другие источники, отмечая, что сера в изобилии имелась в Асхабадском и Красноводском уездах (Сведения о Закаспийской области, 1892: 170-171). Сообщалось также, что сера имелась и в горах (Россия в Средней Азии, 1901: 245). От местности Бала-Ишем шла небольшая узкоколейная веточка железной дороги к Нефтяной горе. Разработка серы была приостановлена, так как дело

это оказалось маловыгодным (Россия в Средней Азии, 1901: 194).

М.Н. Галкин отмечал, что туркмены серу брали из окрестностей Кара-Бугаз (Галкин, 1868: 47), у колодца Кюкюрт (Туркмения и Хива, 1870: 111). М.И. Венюков также писал, что сера находится вблизи залива Кара-Бугаз, у колодцев Кюкюрт, откуда туркмены брали ее на выделку пороха (Венюков, 1871: 22). Донован упоминал о Кюкюрт-Дагы или Серная Гора, хотя указывал, что значительных залежей там не было (The Merv Oasis, 1883: 82).

Встречалась сера и у колодца Ших (Очерк Закаспийской области, 1885: 107). Согласно статистическим отчетам В.П. Мельницкого, месторождения серы имелись в 70 км от Красноводска, вблизи соленого озера Кюкюрт-Ата и на пути из Гёк-тепе в Хиву у колодцев Ших в 200 км от Гёк-тепе. Самородки серы у колодцев Ших были «прекрасного качества, содержат до 95 % чистого минерала, количество серы, валяющейся на поверхности почвы, очень велико» (Статистические данные, 1888: 108). Данные И. Яворского также показывали, что едва ли не самое богатое во всей Азии месторождение серы находилось в середине Туркменской пустыни, около колодцев Ших. По вычислению, открывшего эти залежи горного инженера Коншина, в одном из холмов, содержащих серную породу (песчаник, известняк и конгломерат), содержится до 500 000 000 пудов (1 пуд = 16,38 кг.) чистой серы; а таких холмов находится в названном месте несколько. Порода содержит 62% чистой серы (Яворский, 1889: 162).

Н.И. Гродеков отмечал, что серу ахальцы добывали в песчаных барханах между Хивой и Ахалом, на местности, называемой Кырк-Чулба

(Гродеков, т. 1, 1883: 57). Об этом же писал Н.Н. Сполатбог (Покорение Ахал-Теке, 1884: 11). Сернистую воду содержало Бахарденское подземное озеро Кёв-ата (Россия, 1913: 179). Сера имелась также в 75 км от Гёк-тепе (Russia's Railway Advance, 1890: 327). Г. Бонвало будучи в одном из мест Мерва писал, что там ничего «кроме запаха серы нет и что рядом находится залежи сульфата» (Through the heart of Asia. 1889: 177).

Селитра (дузлайджы). По сведениям письменных источников, в Закаспийской области имелись залежи селитры в достаточном количестве (Сведения о Закаспийской области, 1892: 170). Селитра располагалась в различных уголках пустынь и гор (Russia's Railway Advance, 1890: 327).

Отмечалось, что месторождения селитры в различных местностях Ахалтекинського уезда весьма богаты (Статистические данные, 1888: 109). Н.И. Гродеков указывал, что селитру доставляли из развалин Нисы и в песках около Аннау (Гродеков, т. 1, 1883: 57). По данным Н.Н. Сполатбога, селитру добывали близ селения Багир, в местности древнейших развалин, называемых Новая Ниса, и песках около Анну. Попадалась селитра и в других местах (Покорение Ахал-Теке, 1884: 11). Донован отмечал, что в Мерве, среди развалин Хосров-тепе видны шахты для добычи селитры, которой особенно богата глина в покинутых селениях. Расположенная рядом речка была сильно насыщена селитрой и другими солями (The Merv Oasis, vol. 2, 1883: 75, 444).

Ученый В. Успенский писал, что почва близ памятника Тюрабек-ханым содержала большой процент селитры (Успенский, Беляев, 1979: 185).

М.И. Иванин указывал, что селитру вываривают из земли в окрестностях Куня-Ургенча и в некоторых солончаках (Иванин, 1873: 27). Иногда селитру закупали. По данным М.И. Венюкова селитра доставлялась из Ирана (Венюков, 1871: 22). М.Н. Галкин отмечал, что туркмены селитру брали в Астрабаде (Галкин, 1868: 47).

Патроны, пули, гильзы, пистоны и капсюли. Патроны, как и оружие, были в основе своей привозными. Пули, пистоны, капсюли, мелкую дробь и свинец привозили из Ирана (Покорение Ахал-Теке, 1884: 9; Гродеков, т. 1, 1883: 57, т.2, 1883: 147; Туган-Мирза-Барановский, 1881: 71). Центрами таких продаж были Астрабад и Гюрген. Капсюли завозились также из Мешада и Герата (The Merv Oasis, vol. 1, 1883: 171, 176; vol. 2, 1883: 421).

Другим средоточием продаж был Мерв (Покорение Ахал-Теке, 1884: 11). В Мерв свинец привозили из Бухары и Ирана, но в недостаточном количестве, так как для приготовления пуль местные мастера продолжали использовать чугун и медь (Алиханов-Аварский, 1883: 55).

Свинец и кремень завозили из России (Живописная Россия, 1885: 17; Путешествие в Туркмению и Хиву, 1822: 23, 126). Часть патронов приобреталась в русских военных лагерях. Бенуа-Мешэн писал, что мервские туркмены патроны получали из Петро-Александровска в достаточном количестве (Записка барона, 1883: 129). М.А. Терентьев отмечал факт продажи патронов русскими солдатами (Терентьев, 1906: 25). В марте 1883 г продажу русских патронов в Мерве видел ашхабадский старшина стражников-ферраджиев Паша-сердар Вели-Мурат-оглы

(племенное подразделение Тогтамыш). Их продавали торговцы из Хивы (Тихомиров, 1960: 112, прим. 68).

Патроны содержались в патронташе «хатар, хазыр». Однако пули для гладкоствольных ружей помещали в специальные мешочки, которые подвешивали на поясе (Туркмены иомудского племени, 1872: 79; Гродеков, т. 1, 1883: 57). По сведениям Г. Мозера пули хранились в кожаных сумках, прикрепленных к ремню (À travers l'Asie Centrale, 1885: 296).

Местные мастера пули «гюлле, кунбул, нявек, ок, сурп, тир» для гладкоствольных ружей отливали из свинца «гуршун, гунт, которые имели шаровидную форму, диаметром в 10-15 мм и весом в 11-14 гр (Сопиев, 2017: 214). Тем же способом отливались пули жаканы «джакан» и картечь для нарезных ружей-хырлы (Долгов, 2022: 84).

Матрицы-пулелейки «галып» для отливки пуль вырезались из камня. Для этого использовали минерал стеатит, легкий в обработке и обладающий огнеупорными свойствами. Позже стали использовать пулелейки из латуни промышленного производства Англии и России (Сопиев, 2017: 214-216). Иногда пулелейки изготавливали из глины, а для дроби использовались кусочки свинца, меди, железа и чугуна. Для пыжей туркмены использовали кусочки кошмы. При нехватке свинца пули отливали из местной железной руды (Алиханов-Аварский 1899: 263).

О качестве местных пуль можно судить по высказываниям М. Алиханова, который отмечал, что они «не имели идеальной формы, что сказывалось в дальнейшем при выстреле» (Алиханов-Аварский 1899:

263). Свинцовые пули заворачивали в бумагу и расщепляли накрест «что причиняло очень неприятные раны (The Merv Oasis, vol. 1, 1883: 91).

В Хивинской кампании 1873 г. против русской армии использовались пули с дробленным стеклом, запаянные в свинец. Такие пули имели большие поражающие свойства. М. Алиханов отмечает, что однажды ему принесли пулю, состоявшую из толченого стекла, обернутого в свинцовую оболочку: «Подобные пули были в большом ходу у всех туркмен» (Алиханов-Аварский, 1899: 263).

Так как металл был в дефиците, то пули часто откапывали на полях сражений (The Merv Oasis, vol. 1, 1883: 149). По сведениям Н.И. Гродекова, в ходе Гёктепинского сражения туркмены днем были заняты собиранием русских пуль, упавших на площадь внутри крепости (Гродеков, т. 3, 1883: 253, 268). А. Черняк отмечал, что в момент перемирия 6 января 1881 г., текинцы продолжали собирать впившиеся в стены крепости пули (Черняк, 1889: 460).

Собирали и гильзы. Русская разведка показала, что текинцы имеют в большом числе оружие дальнего боя, для которого они усердно собирали наши пустые ружейные гильзы (Гродеков, т. 3, 1883: 158; Шеманский, 2003: 288).

Изготовление и переделка огнестрельного оружия местными мастерами. Длительное использование оружия требовало соответствующего ухода. Его обслуживание и ремонт выполняли местные мастера-оружейники. Более богатые люди, желая видеть свое оружие вычурным, заказывали на нем всевозможные вставки и другие элементы

декорирования. Материалом для инкрустации обычно служили детали из серебра. Иногда для украшения использовали кости крупного рогатого скота.

Деятельность местных мастеров, однако, этим не ограничивалась. Наиболее опытные из них брались за изготовление и переделку огнестрельного оружия. Железная часть ствола - «нил», курок - «гулак, мяше», боёк - «чакмак, мис ярян» и другие детали делались мастерами-кузнецами. Деревянные части оружия: приклады ружей и рукоятки пистолетов, плотники готовили из прочного дерева.

Производились также ружья-дробовики и нарезные ружья «хырлы». Для получения цилиндрической формы ствола ружья кузнецы-оружейники пользовались штампом-обжимом в целях. Архивные данные и «Военный сборник» сообщает нам, что мервские оружейные мастера даже делали берданки по образцу российских (Долгов, 2022: 72-73, 75, 125, 140, 281-282).

В.П. Мельницкий писал: «Текинцы прекрасные оружейники. Их ружья настолько хороши, что первое время текинцы недурно отстреливались от наших берданок. Искусство и смекалка племени выказались весьма ярко в том успехе, с каким они научились употреблять берданки, попавшие к ним после отбития штурма, и освоились с патронами, доставшимся им в Бендесене» (В.П., 1881: 824).

Туган-Мирза-Барановский также отмечал, что текинские оружейники «недурно справляются с выделкой ружей (Туган-Мирза-Барановский, 1881: 72).

М. Алиханов писал, что в Мерве

имелись ударные ружья, переделанные местными мастерами (Алиханов-Аварский, 1883: 55). Согласно заметкам Бенуа-Мешэна, мервцы сами изготовили несколько берданок, однако отказались от этого, в виду трудности делать нарезки и боевые пружины (Записка барона, 1883: 129). По заверению Н.И. Гродекова «почти каждый текинец – оружейник, хотя изделия их по внешней отделке весьма плохи, но тем не менее теперь есть оружейники, приготавливающие нарезные стволы и умеющие сделать затвор в казенной части на манер бердановского. Текинцы также отлично приспособились переснаряжать патроны к винтовкам Бердана» (Гродеков, т. 1, 1883: 76).

Туркменские мастера умели довольно искусно переделывать кремневые ружья в ударные (Наши соседи, 1873: 53; Четырнадцать месяцев, 1866: 273). Донован отмечал, что видел старый русский мушкет, имеющий на затворной пластинке дату «1851», который был снабжен современным ударным замком (The Merv Oasis, vol. 1, 1883: 209).

А. Ржевуский отмечал, что к берданкам, попавшим в руки текинцев во время экспедиции 1879 года, были приделаны подставки (Ржевуский, № 10, 1884: 350). А.М. Никольский отмечал, что туркмены для уменьшения тяжести обстругивают берданкам ложе и придают им вид казачьих (Поездка, 1886: 33). Берданку с переделанной на туркменский манер ложей и с двумя подсошками для стрельбы видел также А.А. Майер (Майер, 1886: 123).

Ружье считалось дорогим и почетным подарком. Согласно записям А. Самойловича «Песнь на падение Гёк-тепе» была сложена поэтом Мискин-

Клычем (1845-1905) для текинца из Кызыл-Арвата по имени Уста-Мурад Бакы-Чепинин-оглы. В благодарность за песнь Уста-Мурад подарил поэту своё нарезное ружье «хырлы-тупен» (Самойлович: Ф. 671. Дело 112. Л. 14.).

Артиллерия у туркмен. На вооружение у туркмен имелись несколько образцов артиллерии. Орудия в основном представляли собой трофейный характер. Самыми крупными являлись пушки «топ». Меньшими по размеру были малокалиберные артиллерийские установки «зембуреки» или «зенбуреки». Далее шли крепостные ружья-фальконеты «джезаир».

В ходе Серахской битвы 1855 г., была разгромлено хивинское войско Мухаммед-Эмина. Тогда в руках туркмен оказалось 19 пушек, 24 фальконета, много мушкетов и другого оружия (МИТТ: 264, 309). После Гарагалинской битвы с армией персидского шаха Насреддина в 1858 г. в руках туркмен оказалась пушка, позже задействованная во время защиты крепости Гёк-тепе в 1880-1881 гг. В 1861 г. произошла битва с отрядами каджаров из Ирана. Тогда жители Мерва отбили у неприятеля 33 пушки (Атдаев, 2024: 7).

Туркмены очень ценили мощь артиллерии. После падения крепости Гёк-тепе в 1881 г. М.Д. Скобелев не раз получал письма из Мерва, в которых ханы выражали готовность служить русскому государю, но просили оставить у себя пушки (Гродеков, Т. 4, 1884: 97).

Пушки. Описывая Гёк-тепинское сражение 1881 г., Н.И. Гродекова отмечал, что защитники крепости имели одно медное орудие 6-ти фунтового калибра (Гродеков, т. 3, 1883:

150, 258, 267). Эти данные приводил и А.Н. Куропаткин (Куропаткин, 1899: 149). В. Шаховский писал, что у «текинцев было орудие, называемое «четверть-пудовый единорог», конструкции и литья начала 19 в. Оно было в старину отнято у персиян на одном из аламанов. Лафет и колеса сделаны уже текинцами, ибо старые давно потрескались и рассыпались от жаров оазиса (Шаховский, 1885: 407). Туркмены использовали его активно при обороне крепости Гёк-тепе (*À travers l'Asie Centrale*, 1885: 315).

Русские офицеры с гордостью группами фотографировались на фоне трофейной пушки (В. В-в., 1887: 284). Вместе с пушкой в крепости имелись 2 зембурека, которые после падения укрепления были захвачены (Абаза, 1902: 304). Ю.А. Лоссовский отмечал, что все 3 орудия позже были помещены в местном музее на станции Гёк-тепе (Лоссовский, 1900: 181).

По представлениям туркмен мощь 1-й пушки равнялась силе 1 000 бойцов. В ходе боев при взрыве снаряда от картечи умирало до 100 человек разом (Марков, 1892: 64). Видя силу русской артиллерии туркмены задались целью завладеть ими. Захват оружия производился при помощи часто используемого и проверенного временем тактического приема – ночных вылазок из крепости. В ночных операциях участвовали молодые воины, совершавшие внезапное нападение на противника. Следом шли женщины и подростки, подбиравшие оружие, патроны и иное трофейное снаряжение. Примечательно, что во главе групп, собиравших оружие, стояли смелые и опытные женщины, возможно жены ханов и сердаров. 30 декабря 1880 г. русскими войсками

была отбита одна из таких ночных атак. Наутро солдаты обнаружили среди трупов тело женщины, принявшей на себя роль предводителя (Азотов, 1893: 1019).

Ранее, во время ночной вылазки 28 декабря 1880 г. текинцы овладели 8 пушками (3 мортиры, 4 горных и 1 полевое 4-фунтовое), но увезли с собой только одно горное с 2 зарядными ящиками (Шеманский, 2003: 265, 294; Терентьев, 1906: 166). Были взяты также несколько снарядов. Орудие, которое было взято при вылазке 30 декабря 1880 г., не имело замка. Однако, текинцы приноровились и сделали из него около 10 выстрелов. В ходе 3-й ночной вылазки 4 января 1881 г. текинцы унесли один ракетный станок с ракетой (Шеманский, 2003: 300).

Туркмены собирали неразорвавшиеся гранаты, исправляли их и готовили для своего орудия (Покорение Ахал-Теке, 1884: 12). Они научились использовать русские гранаты, отливая по их образцу сплошные снаряды. Они оборачивали их свинцом и стреляли из захваченных русских горных орудий (Терентьев, 1906: 184). Еще ранее, в Чекишляре, туркменам удалось похитить 200 зарядов от артиллерийских снарядов. (Гродеков, т. 3, 1883: 32-33; Шаховский, 1885: 407).

В Мерве имелось достаточное количество орудия, учитывая трофеи Серахской битвы 1855 г. (19 пушек и 24 фальконета) и каджарского сражения 1861 г. (33 пушки). Многие из них находились в соседних селах, таких как Солтаниз (Россия и Туркмения, 1946: 227). Два орудия находились у дома Кара-Кули-хана (колени Бег), одно из которых было английской системы (Записка о дороге, 1883:

194). По данным М. Алиханова, непосредственно в крепости Говшут-Хан-гала располагалось 42 орудия, 2 мортиры и несколько фальконетов (Алиханов-Аварский, 1904, № 10: 453). Лафеты многих орудий находились в плачевном состоянии.

Рис. 2. Пушки в Мерве.
Fig. 2. Cannons in Merv.

Мервцы были очень заинтересованы в развитии своего артиллерийского арсенала. Посланник Махтум-Кули-хана Дурды-бей при первой встрече с Донованом в Кучане интересовался могли бы англичане послать им несколько своих пушек (The Merv Oasis, vol. 2, 1883: 5). Гаджар-хан и Аман-Нияз-хан, не раз обращались к Доновану относительно ремонта орудий. Ханы имели план создания собственной артиллерии и предлагали Доновану услуги местных мастеров. Познав силу и мощь современного

русского орудия, они намеревались переделать имеющиеся старые бронзовые орудия, заряжавшиеся с дула, на новые, в которые снаряды доставлялись бы с задней части. Пушки можно было установить на новые деревянные колеса. Ханы просили Донована нарисовать местным мастерам план современного орудия в разрезе. Выдвигались планы строительства большой фабрики в Мерве, где командование будущей батареей легло бы на Донована в должности главного артиллериста. Сам же Донован с досадой отмечал, что многие орудия имели дефекты, а артиллерийские ядра он не раз встречал на базарах, где местные купцы использовали их в качестве гирь для весов (The Merv Oasis, vol. 2, 1883: 147, 153-154).

В мае 1881 г. глава Утамышей Аман-Нияз-хан и глава Тогтамышей Баба-хан сместили Гаджар-хана, взяв управление Мервом в свои руки. В честь данного события с утра до полудня с крепости и за ее пределами гремела артиллерийская канонада (The Merv Oasis, vol. 2, 1883: 274). Этот эпизод описан и хорунджию Соколовым, когда в честь избрания Баба-хана из одного 12 фунтового орудия были произведены выстрелы (Записка о дороге, 1883: 193).

В 1884 г. Мерв был присоединен к России мирным путем. Однако одна группа во главе с Гаджар-ханом все-же попыталась оказать сопротивление. При подходе войск генерала А.В. Комарова стены Говшут-хан-галы были произведены пушечные выстрелы, которые больше играли роль сигнала, призывая местное население оказать сопротивление неприятелю. Вскоре крепость пала, а «все персидские,

бухарские и хивинские пушки» были захвачены в качестве трофея (Шеманский, 2003: 325).

В начале XX в. крепость Говшутхан-гала была снесена, а пушки могли быть перенесены в Мургабское имение. Из 8 пушек, захваченных в ходе столкновения под Кушкой с афганцами в 1885 г., 4 были установлены у обелиска артиллеристам в Ашхабаде (Kennedy R.J., Kennedy B.W., 1890: 82), а остальные хранились в Мерве в музейном уголке дома М. Алиханова (Russia's Railway Advance, 1890: 288) и позже также были свезены в Мургабское имение. Уже в советское время часть этих бронзовых орудий была переплавлена для статуи вождя мирового пролетариата В. И. Ленина, установленной 7 октября 1927 г. в одном из скверов города Ашхабада (Атдаев, 2024: 9).

Зембуреки. Сведения о зембуреках весьма скромны. Описывая Гёк-тепинское сражение 1881 г., Н.И. Гродеков отмечал, что защитники крепости имели 2 чугунных зембурика на станках (Гродеков, т. 3, 1883: 150, 258, 267). Об этом же сообщали А.Н. Куропаткин (Куропаткин, 1899: 149) и К.К. Абаза (Абаза, 1902: 304).

Крепостные ружья. Особой частью легкой артиллерии туркмен были крепостные ружья - фальконеты. Туркменский ученый Ч. Гараджаев, анализируя народные дестаны, писал на орудие, называемое «джезаир» или «джезаил». Исследователь предположил, что это одно из разновидностей пушки (Garaǰaǰew, 1989: 40). Однако в дестанах говорится о 1000 единиц такого орудия, что вряд ли было допустимо в ту пору. По-нашему мнению, здесь речь идет о фальконетах. В соседнем Афганистане крепостные

ружья назывались похожим термином «джазаль» (искаженное «джезайль») или «салышкан» (Милосердов, 2023: 383). П.И. Демезон отмечал, что ружья в Бухару завозились из Афганистана (Записки о Бухарском ханстве, 1983: 80). Далее они поступали к туркменам. Фальконеты имели калибр от 1 до 2 дюймов. Пули для них использовались чугунные, редко свинцовые (Милосердов, 2023: 383).

Рис. 3. Защитник крепости с фальконетом.

Fig. 3. Fortress defender with a falconet.

По сообщению Туган-Мирза-Барановского в Гёк-тепе по стенам располагались большие крепостные ружья самых оригинальных систем (Туган-Мирза-Барановский, 1881: 67-68, 115). А.Д. Шеманский, указывает о тяжелых ружьях на сошках. Подобные фальконеты использовались и при обороне крепости Еген-Батыр 6

июля 1880 г. (Шеманский, 2003: 265, 276). Хотя, в некоторых местах своего повествования эти ружья А.Д. Шеманский почему-то называет зембуреками (Шеманский, 2003: 265, 282). В некоторых современных работах фальконеты также были неверно обозначены как зембурики (Брегель, 1960: 330).

В. Шаховский писал, что у текинцев было очень много коротких и длинных крепостных ружей большого калибра, заряжаемых с дула и с кремневыми замками (Шаховский, 1885: 407). Интересно замечание Н.Н. Сполатбога, который указывал, что мервцы дали в помощь защитникам Гёк-тепе 50 «мултуков большого калибра» (Покорение Ахал-теке, 1884: 11). Подробное описание фальконетам дает Н.Н. Каразин. Он отмечает, что ружье это тяжелое, безобразное и неповоротливое (Каразин, 1874: 234).

Заключение

Огнестрельное оружие у туркмен было весьма разнообразным. Осознав его мощь и силу туркмены старались всевозможными силами приобрести его из соседних стран: России, Хивы, Бухары и Ирана. Незначительные экземпляры попадали к туркменам путем караванной торговли, но большая их часть представляла собой трофейный вариант, который поступала в ходе набегов на соседние регионы. В основе своей это были старые фитильные и кремневые азиатские ружья, русские гладкоствольные тульские ружья из Астрахани,

английские охотничьи двустволки, а также старые карабины и пистолеты. Особо ценились скорострельные винтовки систем Бердана, Шасспо, Крынка и Крик.

Туркменские оружейники сумели адаптировать импортное оружие, занимаясь ее переделкой и подгоняя под местные традиционные варианты. Местные мастера производили гладкоствольные ружья, но также научились изготавливать ружья с винтовым нарезом ствола «хырлы». Местные умельцы даже собирали винтовки системы Бердана, копируя их с российских образцов.

На вооружение у туркмен была и артиллерия. Это были пушки, переносные мелкокалиберные зембурики, а также крепостные ружья-фальконеты. В крепости Гёк-тепе имелось одно медное орудие 6-ти фунтового калибра и 2 зембурика. В ходе боя туркменам удалось завладеть одним русским горным орудием, которое они тут же применили при помощи своего оружейника.

В Мерве артиллерия была представлена более широко. Здесь было более 40 пушек, несколько мортир и фальконетов. Пушки были в плохом состоянии и использовались больше для салютов в случае каких-либо знаменательных событий. Местные ханы живо интересовались у английского журналиста Донована относительно приобретения современных английских орудий и даже вынашивали планы по строительству в оазисе артиллерийского завода.

Литература

1. А. В-в., 1887. Поездка в Асхабад. // Наблюдатель. № 12. С. 272-291.
2. Абаза К.К., 1902. Завоевание Туркестана. Рассказы из военной истории, очерки природы, быта и нравов туземцев в общедоступном изложении. СПб: Типография М.М. Стасюлевича. 310 с.
3. Абду-с-Саттар Казы, 1914. Книга рассказов о битвах текинцев: туркменская историческая поэма XIX века. СПб.: Императорская АН. 82 с.
4. Азотов Г., 1893. Воспоминания об экспедиции в Ахал-Теке 1879-1881 гг. // Разведчик. № 166. 14 декабря. С. 1019-1021.
5. Алиханов-Аварский М., 1904. Закаспийские воспоминания. 1881-1885 // Вестник Европы. СПб. № 9. С. 73-125; № 10. С. 445-495.
6. Алиханов-Аварский М., 1899. Поход в Хиву (Кавказских отрядов) 1873. Степь и оазис. СПб: Паровая Скоропечатня Я.И. Либермана. 320 с.
7. Алиханов-Аварский М., 1883. Мервский оазис и дороги, ведущие к нему. СПб: Типография и хромофотография А. Траншеля. 108 с.
8. Арминий Вамбери, 2003. Путешествие по Средней Азии. М.: Восточная литература. 319 с.
9. Атдаев С. Дж., 2024. Судьба туркменского военачальника 19 века Говшут-хана в аспекте источниковедческих изысканий // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». Т. 24, № 3. С. 6-15. DOI: 10.14529/ssh240301.
10. Ахал-Текинская экспедиция 1879 года (в Ахал-Текинский оазис), 1898. // История 13-го лейб-гренадерского эриванского его Величества полка за 250 лет. 1642-1892. Ч. 5. СПб: Типография В.С. Балашев и К. С. 269-296.
11. Брегель Ю.Э., 1961. Хорезмские туркмены в XIX в. М.: Издательство восточной литературы. 442 с.
12. Венюков М.И., 1871. Военный сборник. СПб. Т. 88. Одиннадцатый участок. Туркменский. Отд. 1. С. 5-50. [Электронный ресурс]. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000578895> (Дата обращения: 14 сентября 2024).
13. Военно-статистический сборник, 1868. Вып. 3. СПб: Печатано в Военной Типографии. 228 с.
14. В.П., 1881. Завоевание Ахал-текинского оазиса. (Исторический очерк) // Исторический вестник. № 8. С. 821-861.
15. Галкин М.Н., 1868. Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. СПб: Изд-е Я.А. Исакова. 336 с.
16. Гладышев П.И., 1883. Заметки об Атеке и Кара-Куме // Изв. Кавказ.отд. РГО. Тифлис. Т. 8. № 1. С. 109-127.
17. Гродеков Н.И., 1883-1884. Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880-1881 гг. Т. 1-4. СПб: В тип. В. Балашова. 1036 с.
18. Даль В., 1838. Рассказ хивинского пленника Фёдора Фёдорова Грушина // Лит. прибавл. к «Рус. инвалиду». СПб. 20 янв. (№ 5). С. 81-86.
19. Долгов А.А., 2022. Туркменские традиционные ремёсла. Металлообрабатывающие и деревообрабатывающие производства. М.: Старый сад. 424 с.
20. Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом,

племенном, экономическом и бытовом значении. Русская Средняя Азия, 1885. СПб. М.: Изд-во товар-ва М.О. Вольф. Т. X. 234 с.

21.Замечания майора Бланкеннагеля, впоследствии поездки его из Оренбурга в Хиву в 1793-94 годах, 1858. СПб: тип. Морск. м-ва. 32 с.

22.Записка барона Бенуа-Мешэн о Мервских туркменах 1883 г., 1883. // СМА. Вып. 6. СПб.: Военная типография. С. 122-131.

23.Записка о дороге из Асхабада в Мерв хорунжия 1-й конной батареи Терского казачьего войска Соколова 1882 г., 1883. // СМА. Вып. 6. СПб: Военная типография. С. 156-199.

24.Записки о Бухарском ханстве (отчеты П.И. Демезона и И.В. Виткевича), 1983. М.: Главная редакция восточной литературы. 149 с.

25.Иванов М.И., 1873. Хива и река Аму-дарья. СПб: Общественная польза. 64 с.

26.Из истории отношения России с туркменами в XVIII в. (Документы 1741-1778 гг.), 1939. // Красный Архив. № 2(93). С. 209-255.

27.Из Средней Азии. Хива, город, страна и народ, 1873. // Всемирная иллюстрация. № 15 (223). С. 234-235.

28.Кавказ, 1883. 8 мая 1883 г.

29.Каразин Н., 1874. Оружие и доспехи наших противников в средней Азии // Нива. № 15. С. 233-235.

30.Куропаткин А.Н., 1899. Завоевание Туркмении (Поход в Ахал-теке в 1880-1881 гг.). С очерком военных действий в Средней Азии с 1839 по 1876 г. СПб. 224 с.

31.Куропаткин А.Н., 1885. Очерк движения русских войск в Средней Азии // Русский инвалид. № 90. С. 49-59.

32.Лессар П.М., 1884. Заметки о Закаспийском крае и соседних странах (Поездка в Персию, Южную Туркмению, Мерв, Чарджуй и Хиву) // Записки Кавказского отдела Императорского русского исторического общества, Книга XIII. С. 161-211.

33.Лессар П.М., 1883. Мервские ханы. Положение Мерва и Атека в конце 1882 года // СМА. Вып. VI. СПб. С. 62-82.

34.Лоссовский Ю.А., 1900. Кавказские стрелки за Каспием // Разведчик. № 488. С. 179-181.

35.Майер А.А., 1886. Наброски и очерки Ахал-текинской экспедиции 1880-1881. (из воспоминаний раненного). Кронштадт: кронштадтский вестник. 261 с.

36.Марков Е.Л., 1892. В Туркмении (Путевые очерки) // Русское обозрение. № 5. С. 47-109.

37.Милосердов Д.Ю., 2023. Традиционное огнестрельное оружие в ханствах Средней Азии XIX – начала XX вв. // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды XI Международной научно-практической конференции. Часть 2. СПб: ВИМАИВ и ВС. С. 377-392.

38.МИТТ, 1938. Материала по истории туркмен и Туркмении. М-Л.: Академия наук СССР, Т. 2. 700 с.

39.Наши соседи в Средней Азии. Кн. I. Хива и Туркмения, 1873.. СПб: Типография общества "Общественная польза". 138 с.

40.Нива. 1873. № 52. С. 820, 826.

41.О туркменских поколениях: ямудах и гокланах. Барона К. Бодэ, 1847. // Записки Русского географического общества. Кн. 2. СПб: При типографии

императорской академии наук. С. 203-234.

42.Очерк Закаспийской области Генер. Шт. ген.-майора Мейера. 1885 г., 1885. // СМА. Вып. 15. С. 102-139.

43.Поездка в северо-восточную Персию и Закаспийскую область. А.М. Никольского, 1886. СПб: Типография императорской академии наук. 57 с.

44.Покорение Ахал-Теке: (Из записок полковника Сполатбога), 1884. Тифлис: Б. и. 25 с.

45.Присоединение Туркмении к России (сборник архивных документов), 1960. Ашхабад. 824 с.

46.Путешествие в Бухару: рассказ о плавании по Инду от моря до Лагора с подарками великобританского короля и отчет о путешествии из Индии в Кабул, Татарию и Персию, предпринятом по предписанию высшего правительства Индии в 1831, 1832 и 1833 годах лейтенантом Ост-Индской компанейской службы, Александром Борнсом, членом Королевского общества, 1848. М.: Издание И.В. Голубкова. В Университетской типографии. Часть 2. 502 с.; 1849. Часть 3. 628 с.

47.Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819-1820 годах, гвардейского генерального штаба капитана Николая Муравьева, посланного в сии страны для переговоров, 1822. М: Типогр-я Августа Семена. Часть 1. 179 с.

48.Путешествия Г.С. Карелина по Каспийскому морю, 1883. // Зап. имп. Рус. геогр. об-ва по общ. Географии. Т. 10. СПб: Тип. Имп. Акад. наук. 497 с.

49.Ржевуский А., 1884. От Тифлиса до Денгиль-тепе // Военный сборник. № 7. С. 132-153; № 10. С. 329-350.

50.Россия. Полное географическое описание нашего отечества: Настольная и дорожная книга для русских людей, 1913. Т. 19. Туркестанский край. 861 с.

51. Россия в Средней Азии. Очерки путешествия по Закавказью, Туркмении, Бухаре, Самаркандской, Ташкентской и Ферганской областям, Каспийскому морю и Волге Евгения Маркова, 1901. В 2-х томах и 6 частях. С-Петербург: Типография М.М. Стасюлевича. Том 1-й. 545 с.

52.Россия и Туркмения в XIX веке. К вхождению Туркмении в состав России, 1946. Ашхабад: Туркмен. гос. изд-во. 327 с.

53.Сведения о Закаспийской области, 1892. // Военный сборник. № 11. С. 160-173.

54.Семенов А.А., 1909. Очерки из истории присоединения вольной Туркмении (1881–1885 гг.). Ташкент. 1909. 122 с.

55.Сопиев А.О., 2017. Ружейный пояс туркменского воина-охотника. // Лавровский сборник. Материалы XL Среднеазиатско-Кавказских чтений 2016 г. Этнология, история, археология, культурология. СПб: МАЭ РАН. С. 210-219.

56.Старый красновонец, 1889. Красноводский отряд, его жизнь и служба со дня высадки на восточный берег Каспийского моря по 1873 г. включительно // Военный сборник. № 12. С. 29-51.

57.Стеткевич А.С., 1892. Очерки Хивинского оазиса // Военный сборник. № 3. С. 184-212.

58.Статистические данные о Закаспийской области, по сведениям собранных в 1886 г. Г.-Ш. Полковником Мельницким, 1888. // СМА. СПб: Военная типография. С. 104-125.

59. Теке-Мерва. Расспросы капитана 3-го Западно-Сибирского линейного батальона Быкова, 1879. (Отдельный оттиск). Ташкент. 28 с.
60. Терентьев М.А., 1906. История завоевания Средней Азии. СПб.: Типолитография В.В. Комарова. Т. III. 496 с.
61. Туган-Мирза-Барановский В.А., 1881. Русские в Ахал-Теке. 1879 г. СПб: тип. В.В. Комарова. 176 с.
62. Туркмения и Хива, 1870. // Всемирный путешественник. № 7. С. 109-112.
63. Туркмены иомудского племени, 1872. // Военный сборник. № 1. С. 65-88.
64. Успенский В., Беляев В., 1979. Туркменская музыка. Т. 1. Ашхабад: Туркменистан. 384 с.
65. Халимов Н.Б., 1991. Памятники Ургенча (сооружения, надписи и легенды). Ашхабад: Туркменистан. 136 с.
66. Хивинская экспедиция 1873 года. Записки очевидца сапёра Е. Саранцова, 1874. СПб: тип. Ф. Сущинского. 186 с.
67. Чарыков Н.В., 1884. Описание поездки по берегам р. Теджен-Герируда // СМА. Вып. 13. СПб: Военная типография. С. 138-170.
68. Черняк А., 1889. Заметки об экспедиции генерала Скобелева в Ахал-Теке (из записок саперного офицера) // Военный Сборник. Т. 190. С. 390-462.
69. Четырнадцать месяцев плена у туркменцев (записки Генриха Гулибефа де-Блоквиля), 1866. // Учено-литературное прибавление к Биржевым ведомостям. № 6-7 (июнь-июль). Отд. 2. Гл. 1-2. С. 51-77, Гл. 3. С. 258-281. [Электронный ресурс]. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000623499> (Дата обращения: 08.09.2024).
70. Шаховский В., 1885. Экспедиция против ахал-текинцев в 1879-1880-1881 гг. // Русская старина. Май. С. 377-410.
71. Шеманский А.Д., 2003. Ахалтекинская экспедиция 1880-1881 гг. // История русской армии 1850-1900 гг. СПб: Полигон. С. 254-352.
72. Шеманский А.Д., 1912. Скобелев и его мысли. 1879-81 гг. // Военно-исторический вестник. Кн. 2. С. 5-17.
73. Яворский И., 1889. Опыт медицинской географии и статистики Туркестана. Часть 1. Диссертация. СПб: Типография Департамента Уделов. 240 с.
74. *À travers l'Asie Centrale: la Steppe kirghize, le Turkestan russe, Boukhara, Khiva, le pays des Turcomans et la Perse impressions de voyage* par Henri Moser, 1885. Paris. E. Plon. Nourrit. 463 p.
75. *England and Russia in Central Asia*. By Demetrius Charkes Boulger, member of the Royal Asiatic Society, 1879. Vol. I. London. W. H. Allen & Co., 13 Waterloo Place. 348 p.
76. Kennedy R.J., Kennedy B.W., 1890. *A journey in Khorasan and Central Asia*. March and April 1890. London. Hatchards, Piccadilly. 101 p.
77. *Russia's Railway Advance into Central Asia; Notes of a Journey from St. Petersburg to Samarkand* by George Dobson, 1890. London: W. H. Allen & Co. 439 p.
78. *The Country of the Tekke Turkomans, and the Tejend and Murghab Rivers*. By Lieutenant-Colonel C. E. Stewart, 5th Punjab Infantry, 1881. // *Proceedings of the Royal Geographical Society and Monthly Record of Geography, New Monthly Series*, Vol. 3, No. 9 (Sep.), pp. 513-546.

79. The Merv Oasis travels and adventures east of the Caspian during the years 1879-80-81, including five months' residence among the Tekkés of Merv by Edmond O'Donovan special correspondent of the "Daily news", 1883. Vol. I-II. G. P. Putnam's Sons, New York. 1005 p.

80. Through the heart of Asia over the Pamir to India. By Gabriel Bonvalot, 1889. Vol. 1. London: Chapman and Hall, Limited. 281 p.

81. Garajayew Ç., 1989. Türkmen diliniň harby leksika. Aşgabat: Ylym. 104 s.

References

1. A. V-v., 1887. Poyezdka v Askhabad [Trip to Ashgabat.]. // Nablyudatel'. № 12. P. 272-291. [in Russian].

2. Abaza K.K., 1902. Zavoyevaniye Turkestana. Rasskazy iz voyennoy istorii, ocherki prirody, byta i nraovov tuzemtsev v obshchedostupnom izlozhenii [The Conquest of Turkestan. Stories from military history, essays on the nature, life and customs of the natives in a generally accessible presentation]. SPb: Tipografiya M.M. Stasyulevicha. 310 p. [in Russian].

3. Abdu-s-Sattar Kazy, 1914. Kniga rasskazov o bitvah tekincev: Turkmenskaya istoricheskaya poema XIX veka [Book of stories about the battles of the Tekins: Turkmen historical poem of the 19th century]. SPb: Imperatorskaya AN. 82 p. [in Russian].

4. Azotov G., 1893. Vospominaniya ob ekspeditsii v Akhal-Teke 1879-1881 gg. [Memories of the expedition to Akhal-Teke 1879-1881] // Razvedchik. № 166. 14 dekabrya. P. 1019-1021. [in Russian].

5. Alihanov-Avarskiy M., 1904. Zakaspijskie vospominaniya. 1881-1885 [Transcaspian Memories. 1881-1885] // Vestnik Evropy. SPb. № 9. P. 73-125; № 10. P. 445-495. [in Russian].

6. Alikhanov-Avarskiy M., 1899. Pokhod v Khivu (Kavkazskikh otryadov) 1873. Step' i oasis [Campaign to Khiva (Caucasian detachments) 1873. Steppe and oasis]. SPb: Parovaya Skoropechatnya YA.I. Libermana. 320 p. [in Russian].

7. Alihanov-Avarskiy M., 1883. Mervskiy oasis i dorogi, vedushchie k nemu [Merv oasis and roads leading to it]. SPb. 108 p. [in Russian].

8. Armini Vamberi, 2003. Puteshestviye po Sredney Azii [Journey through Central Asia]. M.: Vostochnaya literatura. 319 p. [in Russian].

9. Atdayev S. J., 2024. Sud'ba turkmenskogo voyenachal'nika 19 veka Govshutkhana v aspekte istochnikovedcheskikh izyskaniy [The fate of the 19th century Turkmen military leader Govshut Khan in the aspect of source studies] // Vestnik YUUrGU. Seriya «Sotsial'no-gumanitarnyye nauki». T. 24, № 3. P. 6-15. DOI: 10.14529/ssh240301. [in Russian].

10. Akhal-Tekinskaya ekspeditsiya 1879 goda (v Akhal-Tekinskiy oasis), 1898. [Akhal-Teke expedition of 1879 (to the Akhal-Teke oasis), 1898] // Istoriya 13-go leyb-grenaderskogo erivanskogo yego Velichestva polka za 250 let. 1642-1892. CH. 5. SPb: Tipografiya V.S. Balashev i K. P. 269-296. [in Russian].

11. Bregel' Yu.E., 1961. Khorezmskiye turkmeny v XIX v. [Khorezm Turkmens in the 19th century]. M.: Izdatel'stvo vostochnoy literatury. 442 p. [in Russian].

12. Venyukov M.I., 1871. Voyennyy sbornik. SPb. T. 88. Odinnadtsatyy uchastok.

Turkmenskiy. [Eleventh section. Turkmen]. Otd. 1. P. 5-50. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000578895> (Data obrashcheniya: 14 sentyabrya 2024). [in Russian].

13. Voenno-statisticheskiy sbornik. [Military statistical collection], 1868. Vyp. 3. SPb: Pechatano v Voennoy Tipografii. 228 p. [in Russian].

14. V.P., 1881. Zavoyevaniye Akhal-tekinskogo oazisa. (Istoricheskiy ocherk) [Conquest of the Akhal-Teke oasis. (Historical essay)] // Istoricheskiy vestnik. № 8. P. 821-861. [in Russian].

15. Galkin M.N., 1868. Etnograficheskiye i istoricheskiye materialy po Sredney Azii i Orenburgskomu krayu [Ethnographic and historical materials on Central Asia and the Orenburg region]. SPb: Izd-ye YA.A. Isakova. 336 p. [in Russian].

16. Gladyshev P.I., 1883. Zametki ob Ateke i Kara-Kume [Notes on Atek and Kara-Kum] // Izv. Kavkaz.o td. RGO. Tiflis. T. 8. № 1. P. 109-127. [in Russian].

17. Grodekov N.I., 1883-1884. Vojna v Turkmenii. Pohod Skobeleva v 1880-1881 gg. [War in Turkmenistan. Skobelev's campaign in 1880-1881] .V 4 t. T. 1-4. SPb: V tip. V. Balashova. 1296 p. [in Russian].

18. Dal' V., 1838. Rasskaz khivinskogo plennika Fodora Fodorova Grushina [The story of the Khiva prisoner Fyodor Fyodorov Grushin] // Lit. pribavl. k «Rus. invalidu». SPb. 20 yanv. (№ 5). P. 81-86. [in Russian].

19. Dolgov A.A., 2022. Turkmenskiye traditsionnyye remosla. Metalloobrabatyvayushchiye i derevoobrabatyvayushchiye proizvodstva [Turkmen traditional crafts. Metalworking and woodworking industries]. M.: Staryy sad. 424 p. [in Russian].

20. Zhivopisnaya Rossiya. Otechestvo nashe v yego zemel'nom, istoricheskom, plemennom, ekonomicheskom i bytovom znachenii. Russkaya Srednyaya Aziya [Picturesque Russia. Our Fatherland in its territorial, historical, tribal, economic and everyday significance. Russian Central Asia], 1885. SPb. M: Izd-vo tovar-va M.O. Vol'f. T. X. 234 p. [in Russian].

21. Zamechaniya mayora Blankennagelya, vposledstviye poyezdki yego iz Orenburga v Khivu v 1793-94 godakh [Remarks of Major Blankennagel, following his trip from Orenburg to Khiva in 1793-94], 1858. SPb: tip. Morsk. m-va. 32 p. [in Russian].

22. Zapiska barona Benua-Meshen o Mervskikh turkmenakh 1883 g. [Note by Baron Benoit-Méchain on the Merv Turks of 1883], 1883. // SMA. Vyp. 6. SPb.: Voyennaya tipografiya. P. 122-131. [in Russian].

23. Zapiska o doroge iz Askhabada v Merv khorunzhiya 1-y konnoy batarei Terskogo kazach'yego voyska Sokolova 1882 g. [Note on the road from Ashgabat to Merv by the ensign of the 1st cavalry battery of the Terek Cossack army Sokolov, 1882], 1883. // SMA. Vyp. 6. SPb: Voyennaya tipografiya. P. 156-199. [in Russian].

24. Zapiski o Bukharskom khanstve (otchety P.I. Demezona i I.V. Vitkevicha) [Notes on the Bukhara Khanate (reports by P.I. Demezov and I.V. Vitkevich)], 1983. M.: Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury. 149 p. [in Russian].

25. Ivanin M.I., 1873. Hiva i reka Amu-dar'ya [Khiva and the Amu Darya River]. SPb: Obshchestvennaya pol'za. 64 p. [in Russian].

26. Iz istorii otnosheniya Rossii s turkmenami v XVIII v. (Dokumenty 1741-1778 gg.) [From the history of Russia's relations with the Turks in the 18th century

(Documents 1741-1778)], 1939. // Krasnyy Arkhiv. № 2(93). P. 209-255. [in Russian].

27. Iz Sredney Azii. Khiva, gorod, strana i narod [From Central Asia. Khiva, city, country and people], 1873. // Vsemirnaya illyustratsiya. № 15 (223). P. 234-235. [in Russian].

28. Kavkaz, 1883 [Kavkaz]. May 8. [in Russian].

29. Karazin N., 1874. Oruzhiye i dospekhi nashikh protivnikov v sredney Azii [Weapons and armor of our enemies in Central Asia] // Niva. № 15. P. 233-235. [in Russian].

30. Kuropatkin A.N., 1899. Zavoyevaniye Turkmenii (Pokhod v Akhal-teke v 1880-1881 gg.). S ocherkom voyennykh deystviy v Sredney Azii s 1839 po 1876 g. [The Conquest of Turkmenistan (The Campaign in Akhal-Teke in 1880-1881). With an Outline of Military Operations in Central Asia from 1839 to 1876]. SPb. 224 p. [in Russian].

31. Kuropatkin A.N., 1885. Ocherk dvizheniya russkikh voysk v Sredney Azii [Essay on the movement of Russian troops in Central Asia] // Russkiy invalid. № 90. P. 49-59. [in Russian].

32. Lessar, P.M., 1884. Zametki o Zakaspijskom krae i sosednih stranah (Poezdka v Persiyu, Yuzhnuyu Turkmeniyu, Merv, Chardzhuy i Hivu) [Notes on the Transcaspiian Region and Neighboring Countries (A Trip to Persia, Southern Turkmenistan, Merv, Chardjui and Khiva)] // Zapiski Kavkazskogo otdela Imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshchestva, Kniga XIII. P. 161-212. [in Russian].

33. Lessar P.M., 1883. Mervskie hany. Polozhenie Merva i Ateka v konce 1882 goda [Merv Khans. The situation of Merv and Atek at the end of 1882] // SMA. Vyp. VI. SPb. P. 62-82. [in Russian].

34. Lossovskiy YU.A., 1900. Kavkazskiy strelki za Kaspiyem [Caucasian riflemen beyond the Caspian] // Razvedchik. № 488. P. 179-181. [in Russian].

35. Mayyer A.A., 1886. Nabroski i ocherki Akhal-tekinskoy ekspeditsii 1880-1881. (iz vospominaniy ranennogo) [Sketches and essays of the Akhal-Teke expedition of 1880-1881. (from the memoirs of a wounded man)]. Kronshtadt: Kronshtadskiy vestnik. 261 p. [in Russian].

36. Markov E.L., 1892. V Turkmenii (Putevye ocherki) [In Turkmenistan (Travel essays)] // Russkoe obozrenie. № 5. P. 47-109. [in Russian].

37. Miloserdov D.Yu., 2023. Traditsionnoye ognestrel'noye oruzhiye v khanstvakh Sredney Azii XIX – nachala XX vv. [Traditional firearms in the khanates of Central Asia in the 19th – early 20th centuries] // Voyna i oruzhiye. Novyye issledovaniya i materialy. Trudy XI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Chast' 2. SPb: VIMAIV i VS. P. 377-392. [in Russian].

38. MITT, 1938. Materiala po istorii turkmen i Turkmenii [Materials on the history of the Turkmens and Turkmenistan]. M-L.: Akademiyach nauk SSSR, T. 2. 700 p. [in Russian].

39. Nashi sosed v Sredney Azii. Kn. I. Khiva i Turkmeniya [Our Neighbors in Central Asia, 1873. Book I. Khiva and Turkmenistan], 1873. SPb: Tipografiya obshchestva "Obshchestvennaya pol'za". 138 p. [in Russian].

40. Niva [Niva]. 1873. № 52. P. 820, 826. [in Russian].

41. O turkmenskikh pokoleniyakh: yamudakh i goklanakh. Barona K. Bode [About the Turkmen generations: Yamuds and Goklans. Baron K. Bode], 1847. // Zapiski

Russkogo geograficheskogo obshchestva. Kn. 2. S-Pb: Pri tiponrafii imperatorskoy akademii nauk. P. 203-234. [in Russian].

42.Ocherk Zakaspiyskoy oblasti Gener. Sht. gen.-mayora Meyyera. 1885 g. [Essay on the Transcaspien Region of the General Staff of Major General Meyer. 1885], 1885. // SMA. Vyp. 15. P. 102-139. [in Russian].

43.Poyezdka v severo-vostochnuyu Persiyu i Zakaspiyskuyu oblast'. A.M. Nikol'skogo [Journey to North-Eastern Persia and the Trans-Caspian Region. A.M. Nikolsky], 1886. SPb: Tipografiya imperatorskoy akademii nauk. 57 p. [in Russian].

44.Pokorenie Ahal-Teke: (Iz zapisok polkovnika Spolatboga), 1884. [Conquest of Akhal-Teke: (From the notes of Colonel Spolatbog)]. Tiflis: B. i. 25 p. [in Russian].

45.Prisoedinenie Turkmenii k Rossii (sbornik arhivnyh dokumentov), 1960. [The accession of Turkmenistan to Russia (collection of archival documents)]. Ashkhabad. 824 p. [in Russian].

46.Puteshestviye v Bukharu: rasskaz o plavanii po Indu ot morya do Lagora s podarkami velikobritanskogo korolya i otchet o puteshestvii iz Indii v Kabul, Tatariyu i Persiyu, predprinyatom po predpisaniyu vysshego pravitel'stva Indii v 1831, 1832 i 1833 godakh leytenantom Ost-Indskoy kompaneyiskoy sluzhby, Aleksandrom Bornsom, chlenom Korolevskogo obshchestva [Voyage to Bokhara: an account of a voyage along the Indus from the sea to Lahore with gifts from the British king, and an account of a journey from India to Kabul, Tartary and Persia, undertaken by order of the supreme government of India in the years 1831, 1832 and 1833 by Lieutenant of the East India Company Service, Alexander Borns, F.R.S.], 1848. M.: Izdaniye I.V. Golubkova. V Universitetskoy tipografii. Chast' 2. 502 p.; 1849. Chast' 3. 628 p. [in Russian].

47.Puteshestviye v Turkmeniyu i Khivu v 1819-1820 godakh, gvardeyskogo general'nogo shtaba kapitana Nikolaya Murav'yeva, poslannogo v sii strany dlya peregovorov [Journey to Turkmenistan and Khiva in 1819-1820, Guards General Staff Captain Nikolai Muravyov, sent to these countries for negotiations], 1822. M: Tipogr-ya Avgusta Semena. Chast' 1. 179 p. [in Russian].

48.Puteshestviya G.S. Karelina po Kaspiyskomu moryu [Travels of G.S. Karelin across the Caspian Sea], 1883. // Zap. imp. Rus. geogr. ob-va po obshch. Geografii. T. 10. SPb: Tip. Imp. Akad. nauk. 497 p. [in Russian].

49.Rzhevuskij A., 1884. Ot Tiflisa do Dengil'-tepe [From Tiflis to Dengil-tepe] // Voennyj sbornik. № 7. P. 132-153; № 10. P. 329-350. [in Russian].

50.Rossiya. Polnoye geograficheskoye opisaniye nashego otechetva: Nastol'naya i dorozhnaya kniga dlya russkikh lyudey [Russia. Complete geographical description of our fatherland: Desk and road book for Russian people], 1913. T. 19. Turkestanskiy kray. 861 p. [in Russian].

51. Rossiya v Sredney Azii. Ocherki puteshestviya po Zakavkaz'yu, Turkmenii, Bukhare, Samarkandskoy, Tashkentskoy i Ferganskoy oblastyam, Kaspiyskomu moryu i Volge Yevgeniya Markova [Russia in Central Asia. Essays on Travels in Transcaucasia, Turkmenistan, Bukhara, Samarkand, Tashkent and Fergana Regions, the Caspian Sea and the Volga by Evgeny Markov], 1901. V 2-kh tomakh i 6 chastyakh. S-Peterburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha. Tom 1-y. 545 p. [in Russian].

52.Rossiya i Turkmeniya v XIX veke. K vhozhdeniyu Turkmenii v sostav Rossii, 1946. [Russia and Turkmenistan in the 19th century. Towards the entry of Turkmenistan

into Russia]. Ashkhabad: Turkmen. gos. izd-vo. 327 p. [in Russian].

53.Svedeniya o Zakaspiyskoy oblasti [Information about the Transcaspian region], 1892. // Voyennyy sbornik. № 11. P. 160-173. [in Russian].

54.Semenov A.A., 1909. Ocherki iz istorii prisoedineniya volnoy Turkmenii (1881–1885) [Essays from the history of annexation of free Turkmenistan (1881–1885)]. Tashkent. 1909. 122 p. [in Russian]

55.Sopiyev A.O., 2017. Ruzheyyny poyas turkmenskogo voyna-okhotnika [Gun belt of a Turkmen warrior-hunter]. // Lavrovskiy sbornik. Materialy XL Sredneaziatsko-Kavkazskikh chteniy 2016 g. Etnologiya, istoriya, arkheologiya, kul'turologiya. SPb: MAE RAN. P. 210-219. [in Russian].

56.Staryy krasnovodets, 1889. Krasnovodskiy otryad, yego zhizn' i sluzhba so dnya vysadki na vostochnyy bereg Kaspiyskogo morya po 1873 g. vklyuchitel'no [Krasnovodsk detachment, its life and service from the day of landing on the eastern shore of the Caspian Sea to 1873 inclusive] // Voyennyy sbornik. № 12. P. 29-51. [in Russian].

57.Stetkevich A.S., 1892. Ocherki Khivinskogo oazisa [Essays on the Khiva Oasis] // Voyennyy sbornik. № 3. P. 184-212. [in Russian].

58.Statisticheskiye dannyye o Zakaspiyskoy oblasti, po svedeniyam sobrannykh v 1886 g. G.-SH. Polkovnikom Mel'nitskim [Statistical data on the Transcaspian region, according to information collected in 1886 by G.-Sh. Colonel Melnitsky], 1888. // SMA. SPb: Voyennaya tipografiya. P. 104-125. [in Russian].

59.Teke-Merva. Rassprosy kapitana 3-go Zapadno-Sibirskogo lineynogo batal'ona Bykova [Teke-Merv. Questions of Captain Bykov of the 3rd West Siberian Line Battalion], 1879. (Otdel'nyy ottisk). Tashkent. 28 p. [in Russian].

60.Terent'yev M.A., 1906. Istoriya zavoyevaniya Sredney Azii [History of the conquest of Central Asia.]. SPb: Tipolitografiya V.V. Komarova. T. III. 496 p. [in Russian].

61.Tugan-Mirza-Baranovskij V.A., 1881. Russkie v Akhal-Teke. 1879 g. [Russians in Akhal-Teke. 1879]. SPb: tip. V.V. Komarova. 176 p. [in Russian].

62.Turkmeniya i Khiva [Turkmenistan and Khiva], 1870. // Vsemirnyy putesthestvennik. № 7. P. 109-112. [in Russian].

63.Turkmeny iomudskogo plemeni [Turkmens of the Yomud tribe], 1872. // Voyennyy sbornik. № 1. P. 65-88. [in Russian].

64.Uspenskiy V., Belyayev V., 1979. Turkmenskaya muzyka [Turkmen music]. T.1. Ashkhabad: Turkmenistan. 384 p. [in Russian].

65.Khalimov N.B., 1991. Pamyatniki Urgencha (sooruzheniya, nadpisi i legendy) [Monuments of Urgench (structures, inscriptions and legends)]. Ashkhabad: Turkmenistan. 136 p. [in Russian].

66.Khivinskaya ekspeditsiya 1873 goda. Zapiski ochevidtса sapora Ye. Saranchova [Khiva expedition of 1873. Notes of an eyewitness, sapper E. Saranchov], 1874. SPb: tip. F. Sushchinskogo. 186 p. [in Russian].

67.Charykov N.V., 1884. Opisaniye poyezdki po beregam r. Tedzhen-Geriruda [Description of a trip along the banks of the river. Tejen-Geriruda] // SMA. Vyp. 13. SPb: Voyennaya tipografiya. P. 138-170. [in Russian].

68.Chernyak A., 1889. Zametki ob ekspeditsii generala Skobeleva v Akhal-Teke (iz zapisok sapernogo ofitsera) [Notes on the expedition of General Skobelev to Akhal-

Teke (from the notes of a sapper officer)] // *Voyennyi Sbornik*. T. 190. P. 390-462. [in Russian].

69. Chetyrnadtsat' mesyatsev plena u turkmentsev (zapiski Genrikha Gulibefa de-Blokvilya) [Fourteen months of captivity by the Turkmen (notes of Henry Goulibef de Bloqueville)], 1866. // *Ucheno-literaturnoye pribavleniye k Birzhevym vedomostyam*. № 6-7 (iyun'-iyul'). Otd. 2. Gl. 1-2. S. 51-77, Gl. 3. P. 258-281. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000623499> (Data obrashcheniya: 08.09.2024). [in Russian].

70. Shakhovskiy V., 1885. Ekspeditsiya protiv akhal-tekintsev v 1879-1880-1881 gg. [Expedition against the Akhal-Teke in 1879-1880-1881] // *Russkaya starina*. May. P. 377-410. [in Russian].

71. Shemanskiy A.D., 2003. Akhaltekinskaya ekspeditsiya 1880-1881 gg. [Akhal-Teke expedition of 1880-1881] // *Istoriya russkoy armii 1850-1900 gg*. SPb: Poligon. P. 254-352. [in Russian].

72. Shemanskiy A.D., 1912. Skobelev i yego mysli. 1879-81 gg. [Skobelev and his thoughts. 1879-81] // *Voyenno-istoricheskiy vestnik*. Kn. 2. P. 5-17. [in Russian].

73. Yavorskiy I., 1889. Opyt medicinskoj geografii i statistiki Turkestana [Experience of medical geography and statistics of Turkestan]. Chast' 1. Dissertatsiya. SPb: Tipografiya Departamenta Udelov. 240 p. [in Russian].

74. À travers l'Asie Centrale: la Steppe kirghize, le Turkestan russe, Boukhara, Khiva, le pays des Turcomans et la Perse impressions de voyage par Henri Moser, 1885. Paris. E. Plon. Nourrit. 463 p.

75. England and Russia in Central Asia. By Demetrius Charkes Boulger, member of the Royal Asiatic Society, 1879. Vol. I. London. W. H. Allen & Co., 13 Waterloo Place. 348 p.

76. Kennedy R.J., Kennedy B.W., 1890. A journey in Khorasan and Central Asia. March and April 1890. London. Hatchards, Piccadilly. 101 p.

77. Russia's Railway Advance into Central Asia; Notes of a Journey from St. Petersburg to Samarkand by George Dobson, 1890. London: W. H. Allen & Co. 439 p.

78. The Country of the Tekke Turkomans, and the Tejend and Murghab Rivers. By Lieutenant-Colonel C. E. Stewart, 5th Punjab Infantry, 1881. // *Proceedings of the Royal Geographical Society and Monthly Record of Geography, New Monthly Series*, Vol. 3, No. 9 (Sep.), pp. 513-546.

79. The Merv Oasis travels and adventures east of the Caspian during the years 1879-80-81, including five months' residence among the Tekkés of Merv by Edmond O'Donovan special correspondent of the "Daily news", 1883. Vol. I-II. G. P. Putnam's Sons, New York. 1005 p.

80. Through the heart of Asia over the Pamir to India. By Gabriel Bonvalot, 1889. Vol. 1. London: Chapman and Hall, Limited. 281 p.

81. Garajaýew Ç., 1989. Türkmen diliniň harby leksika. Aşgabat: Ýlym. 104 s. [in Turkmen].

*Атдаев С.Ж.¹, Атдаева О.Г.²

¹Түркіменстан Ғылым академиясының Тарих және археология институты
Ашхабад, Түркіменстан

²Түркімен мемлекеттік экономика және басқару институты
Ашхабад, Түркіменстан.

*e-mail: serdar63atdayev@gmail.com

ТҮРКМЕНДЕРДІҢ ОТТЫ ҚАРУЫ (XIX ҒАСЫР МАТЕРИАЛДАРЫ НЕГІЗІНДЕ)

Аңдатпа. Түрікмен тарихнамасында аз зерттелген тақырыптың бірі-түрікмендердің атыс қаруы зерттеу жұмысының негізгі нысаны ретінде қарастырылған. Зерттеудің басты мақсаты – антропологиялық көзқарас пен мәселенің тарихнамасына салыстырмалы-тарихи әдістер негізінде XIX ғасырдағы түрікмендердің атыс қаруын жан-жақты аналитикалық сипаттама жасау. Мақаланы жазу барысында сол кезеңнің мерзімді басылымдарының мәліметтері негізгі дереккөз ретінде пайдаланылды. Авторлар антропологиялық тәсілді және салыстырмалы-тарихи әдісті, дереккөз материалдары мен баспасөз мәліметтерін мұқият талдауды қолданды.

Түрікмендердің қол атыс қаруы мен кейбір артиллерия түрлерінде келтірілген жіктелу (классификация) қару-жарақ арсеналының әртүрлілігін көрсетті. Дамыған Еуропада қызметін әлдеқашан аяқтаған ескі білтелі қару түрікмендер үшін ұзақ уақыт белсенді қолданылған қарулардың бірі болды. Аталған қарулармен бірге Түрікмендердің қару-жарағында артиллерия да болды. Бұлар зеңбіректер, ұсақ калибрлі жергілікті зеңбірек түрлері (зембуректер) және бекіністік қару – фальконеттер еді. Әскери қызмет түрікмен қоғамында маңызды орынға ие болып, тәжірибелі қару-жарақ шеберлері қоғамда үлкен құрмет пен беделге ие болды. Түрікмен шеберлері импортталған қаруды шебер бейімдеп, оны жергілікті дәстүрлерге сай қайта өңдеп, заманауи орыс және еуропалық қаруды пайдалануға лайықтап жасаған. Алайда жергілікті қару өндірісі шектеулі болды, сондықтан қару көршілес елдерден: Ресейден, Хиуадан, Бұхарадан және Ираннан белсенді түрде әкелінді.

Кілт сөздер: атыс қаруы, қару-жарақ шеберлері, қару жарақтар, Түркіменстан, Ресей империясы, әскери қақтығыстар, аңшылық.

Дәйексөз үшін: Атдаев С.Ж., Атдаева О.Г. Түркімендердің отты қаруы (XIX ғасыр материалдары негізінде) // Мәдени мұра. 2024. №4 (107). 89-123 б.(Орыс.)

DOI: <https://doi.org/10.47500/2024.v20.i4.06>

*Atdaev S.J.¹, Atdaeva O.G.²

¹Institute of History and Archeology of the Academy of Sciences of Turkmenistan
Ashgabat, Turkmenistan

²Turkmen State Institute of Economics and Management
Ashgabat, Turkmenistan

*e-mail: serdar63atdaev@gmail.com

TURKMEN FIREARMS (BASED ON THE MATERIALS OF THE 19TH CENTURY)

Abstract. The subject of this work was firearms in the Turkmen. The aim of our study is a detailed analytical description of firearms in the Turkmen in XIX c. based on an anthropological approach and a relatively historical method of the available historical studies. Numerous sources and periodicals of that time served as the main basis for writing this work. The authors employed an anthropological approach, a comparative-historical method, and a thorough analysis of source materials and press data.

The classification of hand firearms and some types of artillery showed a great variety of weapons available to the Turkmen. The old Finnish weapons, long outlived in developed Europe, continued to be used actively for a long time in the life of the Turkmen. The Turkmen also had artillery. They were cannons, portable small caliber ground-arms and fortress guns-falcons. Military activity had a significant position in the Turkmen society, and experienced craftsmen-gunsmiths enjoyed great renown and respect in the society. Turkmen gunsmiths skillfully adapted imported weapons, redesigning them, adapting to local traditions more modern Russian and European weapons. However, local arms production was very limited and therefore it was actively imported from neighboring countries: Russia, Khiva, Bukharia and Iran.

Keywords: firearms, master gunsmiths, weapons accessories, Turkmenistan, Russian Empire, military battles, hunting.

For citation: Atdaev S.J., Atdaeva O.G. Turkmen firearms (based on the materials of the 19th century) // Madeni mura. 2024. №4 (107). 89-123p. (in Rus.)

DOI: <https://doi.org/10.47500/2024.v20.i4.06>

Сведения об авторах:

1. Атдаев Сердар Джумаевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии Академии наук Туркменистана, Ашхабад, Туркменистан.

ORCID: 0000-0002-7509-5513

2. Атдаева Огульджан Гельдиевна, старший преподаватель Туркменского государственного института экономики и управления, Ашхабад, Туркменистан.

Авторлар туралы мәлімет:

1. Атдаев Сердар Джумаевич, тарих ғылымдарының кандидаты, Түркіменстан Ғылым академиясы, Тарих және археология институтының жетекші ғылыми қызметкері, Ашхабад, Түрікменстан.

ORCID: 0000-0002-7509-5513

2. Атдаева Огулжан Гелдиевна, Түркімен мемлекеттік экономика және басқару институтының аға оқытушысы, Ашхабад, Түрікменстан.

Information about the authors:

1. Atdaev Serdar, candidate of historical sciences; leading researcher at the Institute of History and Archeology of the Academy of Sciences of Turkmenistan, Ashgabat, Turkmenistan.

ORCID: 0000-0002-7509-5513

2. Atdaeva Oguljan Geldievna, senior lecturer at the Turkmen State Institute of Economics and Management, Ashgabat, Turkmenistan.

IRSTI 03.61.91

Taghiyeva G.R.

Institute of History and Ethnology named after A.A. Bakikhanov
Azerbaijan National Academy of Sciences
Baku, Azerbaijan
e-mail: taghiyeva00@bk.ru

NOWRUZ HOLIDAY: TRADITION AND MODERNITY (ETHNOLOGICAL RESEARCH BASED ON THE WORK OF MUHAMMAD HUSEYN SHAHRIYAR)

Abstract. The article is dedicated to the characteristic features of the Nowruz holiday, which is part of the work of the famous poet of Azerbaijan, M.Shahriyar, the rules of customs and ceremonies related to it, and the interpretation of its status in the modern era.

Purpose and mission of the study is to show that the Nowruz holiday has its own characteristics as well as a general Eastern value, that it is widely celebrated as the harbinger of the arrival of spring and that it has a humanistic character. The theoretical-methodological basis of the article written on the ideology of Azerbaijanism consists of chronological sequence, mutual and comparative analysis widely used in ethnographic research, and objective interpretation of the issue in a generalized form. The work of M. Shahriyar, as well as data from historical and ethnographic literature materials were used in the investigation of the issue.

While working on the article, comparisons were made and based on the materials, it was concluded that Novruz holiday is widespread not only among Azerbaijanis, but in the East in general. In the article, the main attention is focused on the ideas about the holiday in the poem "Heydarbabaya salam" by the famous poet of Azerbaijan, M.Shahriyar. It became known that the population of South Azerbaijan followed a number of customs related to Nowruz and held interesting ceremonies.

Conclusion. The comparative analysis of the materials shows that the Nowruz holiday, which is related to agriculture and cattle breeding, is related to the historical and cultural development of our nation (including other Turkic nations) and reveals its ethnic characteristics.

Key words: Nowruz, holiday, Muhammad Huseyn Shahriyar, poem, farming

*For citation. Taghiyeva G.R. Nowruz holiday: tradition and modernity (based on the work of Muhammad Huseyn Shahriyar) // Madeni mura. 2024. № 4 (107). 124-132 p. (eng.)
DOI: <https://doi.org/10.47500/2024.v20.i4.07>*

Introduction

The ethnic culture of different peoples is one of the areas studied by the modern science of ethnology. Holidays have a special place among the elements of national identity that distinguish or make peoples of the world alike. Holidays have a great importance in organizing the unity and equality of the society and passing it on to the memories. Holidays are an important tool in the formation of social unity, strengthening sincere relations and friendship between people. In the modern world, where conflicts, wars, the problem of migrants and refugees are increasing, and racism is deepening in some countries, there is a great need to hold holidays, especially carnival-type holiday-performances.

The Nowruz holiday, which is a common value of the peoples of the East, has an ancient history. Azerbaijanis, peoples living in the Middle East, Central Asia and other regions celebrate this holiday in their own way. Nowruz, the national holiday of dozens of peoples, crosses borders and unites communities, achieves peace and solidarity between families and generations, encourages people to reconciliation and good neighborliness.

Nowruz holiday has been included in the list of intangible heritage by UNESCO since 2009. According to the decision of the UN General Assembly, March 21 was declared "International Nowruz Day". Although Nowruz is celebrated officially and unofficially in a number of countries, it has specificity in each country. Even if there is a common basic principle of the Nowruz holiday celebrated by different peoples, the customs, outlook, etc. related to the holiday in different settlements of the same country, has local characteristics. From this point of view, studying the traditions and modern aspects of Nowruz

holiday in South Azerbaijan is relevant in ethnology (Farzin Rezaejan, 2019: 5).

M. Shahriyar's (1906-1988) numerous poems written in Azerbaijani and Persian languages serve as a source for studying the period he lived in from the ethnological aspect. In the article, the poet's Turkish anthology and the poem "Heydərbabaya salam" were evaluated.

The purpose of the research is to write down the period, time and traditions of Nowruz holiday. After reviewing the researches in this direction, it is once again concluded that the Nowruz holiday, held on March 21-22 in Azerbaijan since ancient times, is considered a day of renewal of life and revival of nature in people's thinking. This holiday reflects the primitive outlook, beliefs, games and performances, the spiritual world and ethnopsychology of the people. Nowruz, which is related to the astronomical ideas of farmers, has undergone changes and the influence of different religions over the millennia.

Along with Azerbaijanis, Iranians, Uzbeks, Tajiks, Turkmens, Kyrgyz, Kazakhs, Turks, Afghans and other peoples also celebrate Nowruz holiday. Although these ethnic groups speak different languages and have different religious denominations, they have common national values related to the Nowruz holiday. Preparations before Nowruz, that is, cleaning the house and the yard and the chimney, buying new clothes, cultivating malt, making sweets, jumping over the bonfire, visiting the elderly, etc. signs belong to all nations.

Azerbaijani and world scientists have conducted numerous studies on Nowruz holiday, and interesting results have been obtained. According to researchers, the first written information about Nowruz holiday dates back to 505 (Dadashzada, 1985:101). In the scientific literature, they

tried to close the beginning of this holiday with the name of Jamshid. The legend about Jamshid, the legendary king of Iran, was recorded by A.Ferdowsi. In one of the narrations about Jamshid, it is said that he was seen by the world. When he arrived in Azerbaijan, he sat on the throne that day. The people rejoiced and said that today is Nowruz - a new day (Dadashzada, 1985:101).

The spring holiday known to us as Nowruz is celebrated at different times as "Khizir Day", "Azer Day", "Hormuzd Day", "Farvardin Day", "Spring Season", "Yeni Gun Day", "Liberation Day", etc. bore names (Nowruz holiday encyclopedia, 2008: 208).

About Nowruz holiday in the works of M.H.Shahriyar. Nowruz holiday, Wednesdays and traditions performed on those days, etc. In addition to written sources about M.H.Shahriyar, rich facts can be found in the works of M.H.Shahriyar.

The people eagerly wait for this holiday - the handing over of the year - all year round, they started preparing from the end of the winter season, from the days of small chill. First of all, the house-threshold, yard-chimney was cleaned and decorated. The genius poet M.Shahriyar writes in his poem "Heydarbabaya salam":

Bayram olub qızıl palçıq əzərlər,
Naxış vurub otaqları bəzərlər,
Taxçalara düzmələri düzərlər,
Qız-gəlinin fındıqçası, hənası,
Həvəslənər anası, qaynanası

Two weeks before the holiday, a khoncha was held for engaged girls on the eve of the dinner. It was called "holiday share" among people. Festive gifts - pilaf, kuku, dried fish, minced meat, chicken, etc. consisted of the dishes were placed in copper dishes covered with a cloth and wrapped in a box made of gilded velvet fabric.

A few days before the holiday, they went to the market with their families and bought new clothes, shoes, hats called "Nowruz", mirrors and combs. According to popular belief, like nature, people should take off their winter clothes and put on their spring clothes. This shows that in ancient times, people considered themselves a part of nature, in a global sense, of the cosmic space: if the seasons on earth change due to the position of celestial bodies in the sky, and if people's economic life corresponds to these seasons, then of course, the change in nature affects people's clothes, food, daily life. it also applies to lifestyle (Aliyev, 1995: 101).

Material and method

The theoretical-methodological basis of the article written on the ideology of Azerbaijanism consists of chronological sequence, mutual and comparative analysis widely used in ethnographic research, and objective interpretation of the issue in a generalized form. The work of M. Shahriyar, as well as data from historical and ethnographic literature materials were used in the investigation of the issue. It has become clear that our great ancestors considered the equalization of day and night and the changes in nature in general as a miracle in primitive times. Our great ancestors considered the equalization of day and night and the changes in nature in general to be a miracle. For this purpose, various events - festivals, rites, rituals, etc. - are organized in order to adapt the change of seasons and supernatural events to their wishes, and even to subjugate them. These habits have been repeated over the centuries and turned into traditions and ceremonies. Nowruz is connected with natural phenomena and reflects the systematic activity of agricultural peoples throughout the year.

This activity includes economic life, family and social life, material and spiritual culture. Rituals, ceremonies and holidays that have been created in connection with the economic life and labor process of the people and have been polished from the ancient times of history to our time should be considered as an indicator of social-cultural, moral-aesthetic quality. Holiday ceremonies, rites, as well as songs performed here, games and performances performed here generally express the social status, customs, and philosophical-aesthetic view of the people.

Four Wednesdays were celebrated until Nowruz holiday. Although the naming of Wednesdays varies in different regions, in scientific literature they are called water, fire, wind and earth. Although the first three Wednesdays were celebrated in a simple manner, the last Wednesday was celebrated with great preparation and great pomp.

M.H.Tahmasib puts forward interesting ideas about the historical roots of Novruz holiday:

"Wrongly, they are trying to close this holiday with different people, as well as fire worship. However, although there are elements related to the sun, fire, and even love in the ceremonies related to the mentioned holiday, research shows that Nowruz is much older than Zoroastrianism. This religion, like Islam, tried to use Nowruz holiday only according to its purpose. That this is indeed the case, that is, that Nowruz is more ancient than Zoroastrianism, is clearly seen from the details, customs and traditions of its main ceremonies, and from the character of the beliefs and beliefs on which they are based. One of these ceremonies is the ceremony of jumping over the fire on the last Wednesday of the year. (Təhmasib, 2005: 73)

F.Gasimzade is against giving Nowruz a religious dress and tries to show its essence:

"The requirements, characteristics, and

meaning of Nowruz holiday are different from the Islamic religion. There is no trace of the Koran, Sharia, Muslim rites, customs and traditions here. It's only about the coming of spring, making malt, dyeing eggs, preparing various Eastern dishes, sweet treats, jumping over a bonfire, making things neat, etc. is going" (Gasimzadeh, 1989: 20).

Albaliyev Sh. writes that if you look at the history of holidays in Azerbaijan, it can be seen that holidays are almost the same age as mythology from the point of view of history. However, no one knows the exact history of mythology. Because mythical thinking has its roots in the dark pages of history. If we examine the history of mythical thought, the cultural remains of the period when people lived with mythological thought, it becomes clear that holidays are also a product of the mythological period in their history. From here, it is explained once again that myth is the core of meaning of the concept of holiday, and the study of its world of meaning must start from myth (Albaliyev, 2020: 6).

Analysis

After dinner on Holy Wednesday, young people and children used to hang hats or shawls from the chimneys and windows of their relatives' houses and hide in their neighborhoods in order to get a share of the holiday. The owner of the house would see this and put Nowruz gifts inside - sweets, painted eggs, khushkabar, fruits and socks. Our great poet M.Shahriyar described this custom very well:

Bayram idi, gecəquşu oxurdu,
Adaxlı qız bəy corabın toxurdu,
Hər kəs şalın bir bacadan soxurdu,
Ay nə gözəl qaydadı şal sallamaq,
Bəy şalına bayramlığın bağlamaq.
The children brought home the food

they collected and added it to the Nowruz table. That evening, the girls performed a fortune-telling with intentions in their hearts. Everyone would like to hear a good word or expression from the door where he listens and listens.

Şal istədim, mən də evdə ağladım,
Bir şal alıb tez belimə bağladım,
Qulamgilə qaçdım, şalı salladım,
Fatma xala mənə corab bağladı,
Xan nənəmi yada salıb ağladı.

One of the most beautiful traditions of Nowruz holiday is to jump seven times over the burning fire on Ilakhir Charshanba - Od Charshanba, which M.Shahriyar did not care about in his poem and sang with enthusiasm, with the fragile warmth of his childhood and youth memories:

Baxıçının sözü-sovu, kağızı,
İnəklərin bulaması, ağızı,
Çərşənbənin girdəkəni, mövizi,
Qızlar deyər: "Atıl-matıl, çərşənbə,
Ayna təkin bəxtim açıl, çərşənbə".

These Wednesdays are expressed by different names in different regions. The most lavishly celebrated Wednesday was Last Wednesday. On the last Wednesday, a bonfire would be lit at every door and they would jump over the fire. People looked at the fire as a cleansing force that burns pain. Ethnographer G.Javadov writes that this fact alone shows that this custom performed among Azerbaijanis is not related not only to the Islamic religion, but also to fire worship and is a product of much more ancient times (Javadov, 1990: 128-130).

Nowruz is not a description of an ordinary everyday event in words, but a kind of expression of respect and love for our ancient traditions that live to this day. At home, they painted the egg colorfully, put it on the table, and distributed it to the children who came to the house. The people do not forget their ancient traditions, they

pass them on from generation to generation and keep them alive.

On the day of the holiday, seven types of foods that begin with the letter "sin" must be served on the table: malt, carrot, vinegar, sumac, coin, etc. should have been put. According to some sources, before the Arab invasions, those who were laid out for the last Wednesday of the year and Nowruz tables did not start with the letter "s", but with the letter "sh", and wine was always placed on the table. The "Yeddi shin" table consisted of candles, sweets, shahd (honey), shamshad, sherbet, shaqayid (rose), and shake plants. Since Islam forbids wine, "seven" is "yeddisin".

It is interesting to put vinegar on the Nowruz table, which is a symbol of patience, endurance, satisfaction and consolation in Eastern literature. Even ancient people added vinegar obtained from grape juice to preserve food for a long time. For this reason, vinegar was considered a symbol of longevity. In mythical thinking, garlic was considered a symbol of health, carrot of spring green, malt of fertility, sumac of sustenance-blessing, coin of wealth, apple of love and happiness, smell of birth and joy. The presence of these foods and things on the table was due to the existence of a strong belief that their properties would be passed on to humans.

Nowruz holiday is rich in ceremonies that instill a strong sense of peace and social solidarity in people. Reconciliation of quarrels, clans, families and individuals with grudges and hatred between them, enmity and feelings of revenge turning into love, children showing respect to adults, adults showing love to children, visiting the sick, winning the hearts of children with small gifts, reuniting loved ones and relatives are usually holidays. days is possible. All these are the factors that influence the creation of national unity

by bringing the individuals who make up the society closer to each other and the elimination of the divisions and enmities that disturb the society.

The comparative study of the ceremonies and traditions of the Turkic peoples living in different countries and the ceremonies and traditions of the Azerbaijani people is one of the problems that must be investigated in the science of ethnography.

The results

The Nowruz holiday, which is related to agriculture and cattle breeding, is related to the historical and cultural development of the Azerbaijani people and reveals its ethnic characteristics. Although some secular and religious holidays (Nowruz, Ramadan, Lent, etc.) are common with a number of nations, Azerbaijanis have historically celebrated them with their

own unique colors and created their own national traditions.

The research conducted on the basis of M.H.Shahriyar's work proved that the traditions of Nowruz, which existed in the second half of the last century, continue to this day with some exceptions.

Conclusion

Finally, let's say that Novruz holiday, which is related to agriculture and cattle breeding, is related to the historical and cultural development of our nation (including other Turkic nations) and reveals its ethnic characteristics. Although some secular and religious holidays (Nowruz, Ramadan, Lent, etc.) are common with a number of nations, historically, all Azerbaijanis have added their own beauty to them and preserved their national colors and traditions in these holiday

References

1. Albaliyev Sh., 2020. Theoretical foundations of the problem of public holidays and Novruz. Baku: Teknur. 202 p.
2. Aliyev A., 1995. Spiritual culture of Georgian Azerbaijanis. Baku: Elm. 128 p.
3. Dadashzade M., 1985. Medieval spiritual culture of the Azerbaijani people. Baku: Elm. 216 p.
4. Farzin Rezaejan, 2019. The spirit of Nowruz: One Family, One Song, Tehran, 2019
5. Gasimzadeh F., 1989. Nowruz-spring holiday. Baku. 62 p.
6. Javadov G., 1990. With the question of our agricultural culture. Baku: Azernashr. 168 p.
7. Nowruz holiday encyclopedia, 2008. Baku: East-West. 208 p.
8. Tahmasib M., 2005. Articles. Baku: Elm. 73 p.

Тәгиева Г.Р.

А.А. Бакиханов атындағы Тарих және этнология институты,
Әзірбайжан Ұлттық ғылым академиясы
Баку, Әзірбайжан
e-mail: tagiyeva00@bk.ru

**НАУРЫЗ МЕРЕКЕСІ: ДӘСТҮР ЖӘНЕ ҚАЗІРГІ ЗАМАН
(МҰХАММЕД ҒУСЕЙІН ШӘҺРИЯР ШЫҒАРМАШЫЛЫҒЫ
НЕГІЗІНДЕГІ ЭТНОЛОГИЯЛЫҚ ЗЕРТТЕУ)**

Аңдатпа. Мақала белгілі Әзірбайжан ақыны М. Шәһрияр шығармашылығындағы Наурыз мерекесінің сипаттамасына, оған байланысты ережелерге, әдет-ғұрыптар мен рәсімдерге, сондай-ақ қазіргі дәуірдегі оның мәртебесіне интерпретация жасауға арналған.

Зерттеудің мақсаты мен міндеті: көктем мезгілінің басты символы, гуманистік сипатқа ие Наурыз мерекесінің ерекшеліктерін және жалпы шығыстық құндылықтарды ғылыми негізде зерттеу. Әзірбайжан идеологиясы аясында жазылған мақаланың теориялық-методологиялық негізі – хронологиялық жүйелілік, өзара және салыстырмалы талдауға негізделген. Сондай - ақ, этнографиялық зерттеулерде кеңінен қолданылатын тәсілдер арқылы мәселені объективті түрде интерпретациялар әдісі қолданылды. Зерттеуде М. Шәһриярдың шығармалары мен тарихи-этнографиялық деректер пайдаланылды.

Материалдарды салыстырмалы талдау арқылы Наурыз мерекесінің тек әзербайжандар арасында ғана емес, жалпы Шығыс халықтары арасында да кеңінен таралғаны туралы қорытынды жасалды. Мақалада негізінен белгілі Әзірбайжан ақыны М. Шәһриярдың «Гейдарбабаның сәлемі» поэмасында баяндалған Наурыз мерекесі туралы түсініктерге ерекше назар аударылған. Оңтүстік Әзірбайжан халқы Наурызға байланысты бірнеше әдет-ғұрыптарды сақтағаны және қызықты рәсімдер өткізгені анықталды.

Материалдарға салыстырмалы талдау жасау арқылы Наурыз мерекесінің егіншілік пен мал шаруашылығына тікелей байланысты екені және Әзірбайжан ұлтының басқа да түркі халықтарының тарихи және мәдени дамуына қатыстылығын көрсететінін және оның этникалық ерекшеліктерін аша түсетіндігі анықталды.

Кілт сөздер: Наурыз, мереке, Мұхаммед Ғусейн Шәһрияр, поэма, егіншілік.

Дәйексөз үшін: Тәгиева Г.Р. Наурыз мерекесі: дәстүр және қазіргі заман (Мұхаммед Ғусейн Шәһрияр шығармашылығы негізіндегі этнологиялық зерттеу) // Мәдени мұра. 2024. № 4 (107). 124-132 б. (ағылш.)

DOI: <https://doi.org/10.47500/2024.v20.i4.07>

Тагиева Г.Р.

Институт истории и этнологии имени А.А. Бакиханова

Национальная академия наук Азербайджана

Баку, Азербайджан

e-mail: taghiyeva00@bk.ru

**ПРАЗДНИК НАУРЫЗ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ
(ЭТНОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ НА ОСНОВЕ
ТВОРЧЕСТВА МУХАММАДА ГУСЕЙНА ШАХРИЯРА)**

Аннотация. Статья посвящена характеристике праздника Наурыз в творчестве известного азербайджанского поэта М. Шахрияра, правилам, обычаям и обрядам, связанным с ним, а также интерпретации его статуса в современную эпоху.

Цель и миссия исследования заключаются в демонстрации уникальных особенностей и общих восточных ценностей праздника Наурыз, который широко отмечается как предвестник прихода весны и носит гуманистический характер. Теоретико-методологической основой статьи, написанной в русле идеологии азербайджанизма, являются хронологическая последовательность, взаимный и сравнительный анализ, широко используемые в этнографических исследованиях, а также объективная интерпретация проблемы в обобщенной форме. В исследовании использованы произведения М. Шахрияра, а также данные историко-этнографической литературы.

Были проведены сравнительные анализы, на основании материалов сделан вывод, что праздник Наурыз распространен не только среди азербайджанцев, но и на Востоке в целом. В статье основное внимание уделено представлениям о празднике, изложенным в поэме «Neudarbabaya salam» известного азербайджанского поэта М. Шахрияра. Выяснилось, что население Южного Азербайджана соблюдало ряд обычаев, связанных с Наурызом, и проводило интересные обряды.

Сравнительный анализ материалов показывает, что праздник Наурыз, связанный с земледелием и скотоводством, имеет отношение к историческому и культурному развитию нашей нации, включая другие тюркские народы, и раскрывает его этнические особенности.

Ключевые слова: Наурыз, праздник, Мухаммад Гусейн Шахрияр, поэма, земледелие.

Для цитирования: Тагиева Г.Р. Праздник Наурыз: традиции и современность (Этнологическое исследование на основе творчества Мухаммада Гусейна Шахрияра) // Мадени мұра. 2024. № 4 (107). 124-132 с. (англ.)

DOI: <https://doi.org/10.47500/2024.v20.i4.07>

Information about author:

Taghiyeva Gulnar Rahman gizi, junior researcher, Institute of History and Ethnology named after. A.A. Bakikhanov, National Academy of Sciences of Azerbaijan, Baku, Azerbaijan.

ORCID: 0009-0001-92636107

Автор туралы мәлімет:

Тәгиева Гүлнар Рахман қызы, А.А. Бакиханов атындағы Тарих және этнология институтының кіші ғылыми қызметкері, Әзербайжан Ұлттық ғылым академиясы, Баку, Әзербайжан.

ORCID: 0009-0001-92636107

Сведения об авторе:

Тагиева Гульнар Рахман кызы, младший научный сотрудник Института истории и этнологии имени А.А. Бакиханова, Национальная Академия наук Азербайджана, Баку, Азербайджан.

ORCID: 0009-0001-92636107

Жәкішева З. С.

Алматы, Қазақстан

E-mail: zabira.zhakisheva@gmail.com

РУХЫ МЫҚТЫ ТҰЛҒА (Таласбек Әсемқұловтың туғанына 70 жыл толуына орай)

«Таласбек – ұлттық
деңгейдегі ірі тұлға».

Мұрат Әуезов

Мақалада сценарист, жазушы, аудармашы, музыка фольклорын зерттеуші, қолөнер шебері, публицист, эссеист, күйші-домбырашы – Таласбек Әсемқұловтың өмірі мен шығармашылық жолы сөз болады. Қазіргі таңда «ұлттық бренд» аталып жүрген домбыраның қыр-сырын терең зерттей отырып, ел арасында ежелден сақталған «қауақ домбыра», «қалақ домбыра», күй тартысындағы «есер тартыс» (ұлы қобызшы Кет Бұғаның күй тартысы), «түре тартыс», «сүре тартыс», «қашаған перне», «табалдырық перне», «тысқары перне», «кәдесіз перне», «оймауыт перне» т.б. секілді ежелгі перне атаулары мен күй орындаудағы «түйдек қағыс», «тебеген қағыс», «жап та қымта қағыс», «ілме қағыс» секілді атаулардың мән-мағынасын ашып көрсетеді (Әсемқұлов, 2012). Жалпы алғанда, осы секілді домбыра құрылысы, домбыраға негізделген халықтық шығармалардың терең тарихы жайында қазіргі домбырашылардың көбі біле бермейтіні өкінішті. Осындай ғылыми-көпшілік насихаттың дұрыс жолға қойылмауынан да жат ағымдардың «домбыра харам» деген сөзі қазақ қоғамының арасында желдей есуде.

Таласбек өнерінің тағы бір атап

айтар тұсы – аспап жасау шеберлігі. Ол домбыраны жасағанда әдеттегідей емес, бет қақпағын шанақ жағынан бітеу күйінде шауып, бет қақпақ шанақ жағынан жабылады. Бұл қазіргі кездегі бірде-бір шебердің әдіс-тәсілінде болмаған ерекшелік. Таласбектің осы ерекше нұсқада өз қолынан жасалған домбырасы 2016 жылы Ықылас атындағы халық аспаптар музейінің алтын қорына алынып насихатталуда.

Өткен ғасырдың 1980-ші жылдың тамыз айынан бастап ұйымдастырыла бастап іргесін бекітіп, 1981 жылы сәуір айының 24 жұлдызында есігін айқара ашып халық игілігіне айналған

Сур. 1. Таласбек домбырасымен. 2010.

Fig. 1. Talasbek with dombra. 2010.

музейлердің бірі – қазіргі Ықылас Дүкенұлы атындағы халықтық музыка аспаптары музейі. Дәстүрлі музыкалық аспаптар қазынасын бір жерге жинастырып арнайы музейін ашу ісі мәдени өміріміздегі негізгі жаңалықтың бірі болды. Ашылған күннен бастап музей өзінің ерекшеліктеріне сай қазақтың аспаптану, музейтану, аспапты-қолөнер және музыкалық фольклор т.б. секілді салаларда жұмыс жүргізе бастады. Енді ғана бой көтеріп, аяғынан тұра бастаған музейдің ұйымдастырылып-дамуына аянбай еңбек етіп, алған білімін, күш-қуаты мен жастық жігерін арнаған алғашқы мамандардың бірі де бірегейі – Таласбек Әсемқұлов (1955-2014) еді.

Таласбек – қазіргі Абай облысы, Аякөз ауданына қарасты, «Ақтоғай» ауылында дүниеге келген. 1980 жылы Абай атындағы Қазақ Ұлттық педагогикалық университеттің филология факультетін тамамдаған. Күйші, домбырашы, сценарист, жазушы, публицист, қазақтың күй өнерін, музыкалық фольклоры мен қазақ мифологиясын зерттеуші, аудармашы, шебер. Музейдің және «Сазген» көне аспаптар ансамблінің негізін қалаушылардың бірі. Екі дүркін ҚР Президенті сыйлығының иегері және «Сорос-Қазақстан» әдеби қоры конкурсының Лауреаты (2003).

Ата-анасы ерте қайтыс болған Таласбек атасы, әрі атақты домбырашы, өнердегі алғашқы ұстазы – Жүнісбай Стамбайұлының (1891-1973) тәрбиесінде болды және домбырашылық өнердің қыр-сырын меңгерді. Есейе келе Бәйжігіт (XVIII ғ.), Сары Нияз (XVIII ғ.), Тәттімбет (1815-1860), Сақбике т.б. секілді күйшілердің көптеген күйлерін үйреніп,

өзінің орындаушылық шеберлігін қалыптастырды. Таласбек әсіресе, шертпе күй дәстүрінде орындалатын философиялық терең ойлы, мазмұны шұрайлы күйлердің ірім-қағыстарына мән берді. Таласбек домбырашылық өнерінің арқасында ежелден қалыптасқан күйшілік дәстүрдің әр қыры мен сыр-сипатын бұзбай бүгінгі ұрпаққа табыстаған маңдайалды күйші-домбырашылардың бірі болып қалыптасты.

Таласбек ел арасында ұмыт болған халық күйлерін жатқа орындайтын «құма құлақ домбырашы» атанды. Әсіресе, XVIII ғ. өмір сүрген халық композиторы Байжігіттің «Байғыз зары», «Ақсақ құлан», «Жетім торы», «Дәлдірең торы», «Салкүрең», «Келіншек», «Мыңгүл», «Көкбалақ», Тәттімбеттің «Алшағыр – Шаған», Әшімнің «Кеңес» т.б. секілді тарихи күйлердің бірден-бір жеткізушісі болды. Таласбектің орындауындағы бұл күйлер Қазақ радиосының алтын қорына алынып, телеарналардың таспаларына жазылды.

Таласбектің университеттен кейінгі еңбек жолы бірден Халық аспаптары музейінде басталды. Музейге жұмысқа орналасқан кезін өзі былайша суреттейді. «...Жаз бойы ауылда болдым. Бірде Жарқын Шәкәрімов ағам телефон шалып: - Халық аспаптары музейі құрылайын деп жатыр. Мені соған директор етіп тағайындады. Алматыға тез жет, алдымызда үлкен жұмыс күтіп тұр», - деді. Алматыға келген соң Жәкең екеуіміз Мәдениет министрінің орынбасары Өзбекәлі Жәнібековтың қабылдауында болдық. Мен жайында бәрін білетін болып шықты. – 1976 жылы «Жұлдыз» журналына шыққан М. Мағауиннің мақаласын оқыдым. Күйтабағыңды

Сур. 2. «Сазген» ансамблінің алғашқы құрамы. Бірінші қатарда солдан оңға қарай 4-ші. 1981.

Fig. 2. The first line-up of the "Sazgen" ensemble. The 4th from left to right in the first row. 1981.

тыңдадым, жақсы домбырашысың. Қаласаң музейге жұмысқа кел. Біз, міне, Жарқын екеуіміз ақылдаса келе музейдің өзінен «Сазген» деп аталатын ансамбль ашайық деп шештік. Бұл ансамбль көне аспаптарды тірілтуші ансамбль болмақ. Сондықтан музейдің қызметкерлерін музыканттардан алып жатырмыз», - деп Өз-ағаң сараң жымыған (Әсемқұлов, 2013).

Аталған музейде қызмет атқарған жылдарында еліміздің облыстары, аудандары мен ауылдарына экспедицияға шығып, музыкалық фольклор нұсқаларын, көне аспаптарды жинастыру жұмыстарын жүргізген алғашқы мамандардың бірі болды. 1985 жылы Мәскеуде өткен жастар мен студенттердің бүкіл дүниежүзілік XII фестивалінде орындаушылық шеберлігі үшін фестивальдің арнайы дипломымен марапатталды. Сондай-ақ, Югославия, Дели, Жапония, Түркіменстан, Удмуртия АССР-і т.б.

секілді елдерде өткен Халықаралық көрме-жәрмеңкелердің мәдени шараларына қатысып, домбыра аспабына негізделген күй өнерін насихаттады.

Шығармашылық ізденістері

Таласбек бір музейдің шеңберінде ғана қалмай кейінгі еңбек жолын – «Жазушы» баспасында, Құрманғазы атындағы ұлттық консерваториясының музыкалық фольклор кабинетінде, «Жұлдыз», «Рух – Мирас» журналдарында, Халықаралық «Заман – Қазақстан (кейіннен Қазақстан – Заман)», «Алтын орда», «Жас қазақ», «Алматы ақшамы», «Егемен Қазақстан» газеттерінде, «Хабар» телеарнасында жалғастырды. Бұл жұмыстар оның қазақ мифологиясын зерттеуші ғалым-этнограф, әдебиет және музыка сыншысы, жазушы, сценарист, журналист, аудармашы болып қалыптасуына, білімінің жан-

жақты толығына игі әсер етті.

Таласбектің оқыған көне кітаптарының, көңіл аударып зерделеген тақырыптарының, орындаған күйлерінің саны жетіп артылады. Соның арқасында ол өз білімін өзі жетілдіріп, өз бойына тірнектеп жинақтай жүріп б.з.д. «Көне Дүние», «Ілкі Дәстүр» тарихына терең бойлап, осы көне тарихымызды зерделі ойымен жеріне жеткізіп дәлелдеп насихаттай білген зерттеуші-ғалым болып қалыптасты. Ол – әдебиет, музыка, дәстүрлі өнер, тарих, этнография, мифология секілді ілім-білім салаларын терең білумен қоса, кино әлеміне де зер салып талантты сценарист ретінде танылды. Оның жазған сценарийлері бойынша түсірілген «Біржан сал», «Құнанбай» көркемфильмдері ХХІ ғасырдың басында қазақ киноөнері тарихында шынайылыққа, парасатты көзқарасқа негізделген көркем туынды ретінде қабылданды. Тарихи «Тұмар Патшайым» жайында жазған киносценарийі қолжазба күйінде өзінің жарыққа шығуын күтуде.

Таласбек жазған сценарийлер баспасөз беттерінде: «...Көтерген жүгі тарихи жағынан салмақты, әрі бай мазмұнда жазылған көркем туындылар...», - деп бағаланды (Айтұлы, 2016). Таласбектің терең білімінен, заманауи ойшылдығы мен жаңашыл көзқарасынан туындаған «Талтүс» романы, «Шымдан» повесі, «Көкбалақтың өлімі», «Тәттімбет сері» секілді шұрайлы де кесек шығармалары – бүгінгі мәдени-рухани өмірімізге шоқтығы биік олжа болып қосылды. Таласбектің қаламынан туындаған бұл еңбектердің барлығы да жұртшылықтың, әдеби орта мен өнер қауымының іздеп жүріп оқитын

шығармаларының қатарынан мәңгілік орын алды.

Ниеттес, пікірлес достары

Таласбек шығармашылық өмірінде А. Сүлейменов, З. Серікқалиев, М. Әуезов, С. Досанов, Ә. Бөпежанова, Ж. Шәкәрімов т.б. секілді еліміздің белгілі ақын-жазушыларымен, өнер қайраткерлерімен сырлас, ниеттес, пікірлес болды. Мәселен, Таласбектің күйшілік өнері мен шығармашылығын жақсы білетін белгілі ғалым М. Әуезов: «...Таласбек өте білімдар азамат еді. Біршама уақыт пікірлесетінбіз. Сонда Таласбектің интеллектіне, ақыл-парасатына таңқалып сүйсінуді едім. Мақалаларын, шығармаларын оқып бір керемет күй кешетінмін. Ондағы айтылған тың ойлар, жаңа идеялар адамды таңқалдыратын. Ол – күйші, жазушы, публицист, эссеист, музыкатанушы. Ол – ұлттық деңгейдегі ірі тұлға», -деп жазды (Әуезов, 2014). Сондай-ақ, әдебиет және өнер сыншысы Ә. Бөпежанова: «...Таласбек – өмір бойы өзін-өзі баптап-тәрбиелеген, халық даналығы мен бүкіл жеті ғаламның білім-ілімін бойына жинаған және жинағанын кәдеге жаратып, ұлты мен туған халқына қызмет етудің биік үлгісін көрсетіп өткен рухы мықты Тұлға», - деп бағаласа (Бөпежанова, 2016), ҚР Еңбек сіңірген қайраткері, зерттеуші Ж. Шәкәрімов: «...Кең дүниені көзімен шолып, музыка мен әдебиет әлемінен де асып, ғаламдық дүниені ойлай бастаған Таласбектің өзі кемеңгер болған екен...», -деп (Шәкәрімов, 2016) жазды.

Таласбек күйшінің орындауында Бүкілодақтық «Мелодия» фирмасында «Бәйжігіт күйлері» гранд-дискісі

(1973), «Мәңгілік сарын» домбыра күйлері Антологиясына енгізілген 14 күйі (2004), «Қазақ халқының 1000 күйі» Антологиясына енгізілген 40 күйі (2010), Парижде Тәттімбет күйшінің ұрпақтары жарыққа шығарған «Тәттімбет мұрасы» CD-диск жазбасы (2010), өзінің «Талтүс» атты CD-диск (2016) күйлері жарияланды.

Шеберлік жолы және шәкірттері

Музейдегі жұмыстары тікелей музыкалық аспаптармен байланысты болғандықтан Таласбек аспап жасау шеберлігімен де айналысты. Ел арасындағы шеберлер жасаған көне домбыралардың жасалу әдіс-тәсілдеріне көңіл аударып, ден қойды. «Смоласы жоқ діңінің шеңбері жиі болып өскен ағаш – «ұрғашы ағаш» деп аталады. Ұрғашы ағаш музыкалық аспап жасауға ең қажетті ағаш», - деп айтылатын ел арасындағы әңгімелерге құлақ түре жүріп осы әдіс-тәсілмен домбыралар жасады. Ол домбыраларын 1980-82 жылдары М. Ешекеев, Ж. Кәрменов секілді белгілі әншілерге сыйға берді. Сондай-ақ, музыка аспаптары музейінің экспозициясында «Таласбектің қызыл домбырасы» аталатын мұрасы мен шіңкілдек аспаптары сақталған (Ахмет, 2016).

Таласбек шәкірт дайындауға аса мұқият қарап, талғампаз да қатал сыншы болды. Консерваториядан білім алып шыққан жастардың домбырашылық және күй өнеріне деген тазалығына көңіл аударды. Мәселен, 2010 жылы Өскемен қаласында өткен Арқа өңірі күйлерінің 1-ші республикалық байқауында жас күйші Ардаби Мәулет домбырашылығымен ерекше көзге түсті. Сөзі мен ісі қиысқан, жүріс-тұрысы көңіліне қонған, күй

үйренсем деп өзін іздеп келген жас домбырашы Ардабиге көңілі түсті. Өзінің бай қорындағы көптеген күйлерді және олардың орындалу әдіс-тәсілдерін үйретті. Ардаби ұстазынан тәлім ала бастаған кезін: «...Таласбек ұстазымның жеткізуіндегі Тәттімбеттің «Молқара» деген күйі бар. Осы күй орындала бастағанда астыңғы ішекте «ми», «фа», «соль» дыбыстары арқылы жүретін тамаша буында бір тылсым дыбыс бар. Мен ол дыбысты Таласбек ағаның «фа» мен «фа-диез» дыбысының арасындағы «қашаған» пернеден алатынын көрдім. Әрине, бұл дыбысты түйсігі барынша дамыған, құймақұлақ зерделі музыкант қана естіп аңғара алады. Бұл – басқа домбырашыларда кездесе бермейтін шеберлік...», - деп суреттейді (Мәулет, 2016).

Ұстазының талғамынан шыққан Ардаби домбырашылық өнерімен қоса, қазақ күй өнерінен ғылыми диссертация жазып, 2019 жылы Т. Жүргенов атындағы Өнер Академиясында өнертану ғылымдарының докторы атағын қорғады. Күні бүгінге дейін Таласбек ұстазының шығармашылығынан дәрістер өткізіп, телеарналардан хабарлар жүргізіп, басылымдар арқылы мақалалар жариялап, күйлерін нотаға түсіріп игілікті істер атқарып жүрген бірден-бір шәкірті әрі насихатшысы.

Таласбектің 2016 жылы «Қазақ энциклопедиясы» баспасынан бес томдық еңбегі жарыққа шықты. Оған Тәкеңнің прозалық шығармалары, өнер, әдебиет, мәдениет, кинодраматургия салаларындағы зерттеу мақалалары енгізілген. Он томдық кітабының жарыққа шыққан бес томының тұсаукесері Астана қаласындағы Ұлттық академиялық кітапханада және

Сур. 3. Таласбек күйші мен шәкірті Ардаби.
Fig. 3. Kuishi Talasbek and his student Ardabi.

Алматыдағы Т. Жүргенов атындағы Өнер академиясында аталып өтті.

Таласбек халықтық музыка аспаптары музейінде аға ғылыми қызметкер болып еңбек еткен жылдарында «Сазген» ансамблінің концерттік бағдарламасына бұрын естімеген көптеген жаңа күйлерді енгізді. Аңызға құрылған «Жезтырнақ», батырлық «Қылышпен би», тұрмыстық «Келіншек», «Шалқыма», «Өрмек» т.б. қатарлы билердің музыкасына лайықталған күйлерді сәтті орайластырып орнықтырды. 1980-ші жылдан бастап алғаш рет музей сахнасында қойыла бастаған бұл билердің бұрын болмаған музыкасына Таласбек өзінің орындауындағы күйлерді таңдады. Мәселен, Таласбек жеткізген Бәйжігіттің «Салкүрең» күйі батырлық «Қылышпен биге», «Мыңгүл» күйі «Келіншек» биіне т.б. таңдап алынды. Осылайша, Таласбек күйші таңдап-қалыптастырған бұл

билерге негізделген күй шығармалары күні бүгінге дейін би өнеріне тұрақтады.

Аталған музейде талай-талай қуанышты, қызықты әрі қиыншылық сәттерді бастан бірге өткіздік, «Сазген» ансамблімен Югославия, Дели, Марий АССР-і, Шымкент қаласы, киелі Түркістан өңірі секілді талай жерді аралап көне аспаптар мен музыкалық фольклор нұсқаларын насихаттадық. Таласбек 2010 жылы отбасын алып Астанаға көшті. 2013 жылы жұмыс бабымен Алматыға келген Таласбекпен музейде қызметтес болған достары болып біздің үйде жиналды. Қазіргі Абай облысы, Абай ауданы, Құндызды ауылының тумасы болғандықтан осы отырыста маған қарата: «...Сценарийін өзім жазған Құнанбай фильмі Шыңғыстау өңірі, Абай ауданы жерінде түсірілді. Сенің ауылың керемет қонақжай екен. Бәрімізді жеке-жеке қазақ үймен қамтамасыз етті, ішім-

жем мол. Адамдары ақжарқын, бәрі шетінен шежіреші, әнші, күйші өнерпаздар екен. Жұмыс өте шабытты түрде көңілді әрі тез бітті. Мен қазір Құнанбай фильмін монтаждау жұмысында жүрмін», - деді.

Таласбек әдеттегі қалжыңқой әдетімен түсірілім барысында болған небір қызықты жәйттер мен оқиғаларды айтып отырыстың көрігін қыздырып, бәрімізді күлдіріп көңілді күй сыйлады. Бір кезде: «Забира осы сенің диссертация қорғау жұмысың ұзарып кеткен сияқты. Мен сен туралы бір мақала жазсам тез қорғайсың ба?», - деді қалжыңдап. Мен: «Әрине, сен мақала жазсаң жұмысым міндетті түрде қорғалады ғой», - дедім. Сол кезде қалжың-шыны аралас айтылған осы сөз кейін шындыққа айналды. Өкініштісі сол, 2015 жылы тарих ғылымдарының кандидаты атағын қорғаған қуанышты сәтімді көре алмай кетті.

Таласбек уақыт тауып «Қазақ тарихы» баспасынан 2012 жылы

жарыққа шыққан «Аспаптану» (археологиялық және тарихи-этнографиялық зерттеу)» аталатын монографиямды оқып шығып мақала жариялады. Бұл мақаласында Таласбек: «...Забира Сыпатайқызының «Аспаптану» аталатын монографиясы көп жылғы ізденістің, көз майын тауысқан тірнекті ғылыми еңбектің жемісі. Еңбектің ғылыми дәйегі мен жарағы мол. Еңбек несімен құнды? Біріншіден, Болат Сарыбаев көз жұмғаннан кейін кешеуілдеп, тоқырап қалған қазақ аспаптану ғылымы саласында 40 жылдан кейін жазылған ең ірі еңбек. Екіншіден, бұл қазақтың дәстүрлі музыкалық аспаптарына қатысты осы уақытқа дейінгі бар мәліметті бойына жинақтаған кешенді зерттеу. Бұл – қазақ аспаптану ғылымына үлкен олжа салған және әлемдік стандарт-үлгіге теңесуге тырысқан еңбек. Ғалымның аталған еңбегінің ең биік жетістігі осында!», - деп аталған еңбек туралы құнды

Сур. 4. Әнші Ж. Кәрменовпен бірге. Самарқанд.
Fig. 4. With singer Zh. Karmenov. Samarkand.

пікірін жазған Таласбек шын мәнісінде ілім-ғылымның барлық салаларын терең меңгерген Ғалым, жан-жақты білімпаз Тұлға екендігін көрсетті (Әсемқұлов, 2013).

Таласбектің жан жары, екі баласының анасы – Зира ханым Наурызбаева да ғылым жолын қуған белгілі мифолог, этнограф, мәдениеттанушы. Жалпы Таласбектің жазушылығы, күйші-домбырашылығы, зерттеушілігі, киноөнері мен тарихи-танымдық мақалалары болсын бүкіл шығармашылық еңбектеріне бас-көз болып, барынша насихаттап жүрген Зира ханымның еңбегі орасан зор. Алтын асықтай қызы Қадиша мен ұлы Жансүгір қазақ тарихынан, мәдениеті мен өнерінен хабары мол білімді де, талантты ұрпақтары болып қалыптасты. Тұңғышына арналған «Аққозым - Қадиша» күйі көкірегінен жарып шыққан толғанысты да сазды әуенімен ерекшеленеді.

Сан қырлы талант иесі, жеті өнерді меңгерген, рухы мықты Таласбек Әсемқұлов 2014 жылы дүниеден озғанда ақын досы Әбубәкір Қайран: «...Таласбек талтүсінде қайтып кетті, Жалғаннан, жалыққандай тым ертерек... десе, ақын Т. Әбдікәкімұлы: «...Үнімен домбыраның бұлт көшірген», - деген жоқтауларын арнады (Қайран, Әбдікәкімұлы, 2014). Осыдан екі-үш жыл бұрын қазақтың күйшілік өнеріне арналған «Таласбек атындағы күйші-домбырашылар байқауы» (конкурсы) өткізілді. Онда еліміздің түкпір-түкпірінен

келген күйші-домбырашылар өз өнерлерін көрсетті. Таласбек атақты күйші Байжігіт Жылкелдіұлының бүтін бір мектебін қалыптастырып бүгінге жеткізді. Конкурс талабына сай Таласбектің орындауындағы Байжігіт шығармалары басты назарда болды. Байқауда шеберлігімен танылған күйші-домбырашылар «Таласбек күйші атындағы бас жүлде сыйлығымен» марапатталды. Бұл шара 2025 жылы Таласбек Әсемқұловтың туғанына 70 жыл толуына байланысты өнер-мәдениет саласындағы құзырлы орындарының демеушілігімен аталып өтеді деген сенімдеміз...

Осылайша, тума талант, қазақ күй өнерінің майталман шебері Таласбек Әсемқұлов өмірі мен өнеріне серік болған қарапайым ғана домбыра аспабы мен оған негізделген қазақ күй өнерінің–ЮНЕСКО-ның «Бүкіләлемдік мұралары тізімінен» орын алғанын естігенде аса бір қуанышты да толқулы күй кешті. Ғасырлардан жеткен халық күйлерінің терең тарихы мен аңыз-әңгімелері жайында небір әңгімелердің тиегін ағытып, шешіле сөйлегеніне куә болдық. Қайран, Таласбекпен бұл соңғы кездесуіміз екенін ол кезде білмеген едік. Жеті өнерді меңгерген Таласбектің ұшан-теңіз білімі, төлтума шығармалары, күйшілік өнері, жазушылық шеберлігі т.б. жайында әлі айтылады, жазылады. Қазақ өнері мен мәдениеті, күйі мен домбыра-мұрасы бар жерде Таласбектің есімі де мәңгі бірге атала береді. Таласбектің жаны жаннатта, рухы пейіште шалқысын!

Әдебиет

1. Әсемқұлов Т., 2012. Домбыраға тіл бітсе. Қазақтың байырғы музыкалық терминологиясы хақында. Алматы ақшамы. № 130 (4691). 30 қазан.

2. Әсемқұлов Т., 2013. Өсиет. Ұлт аспаптар музейі қалай құрылды. Мәдени мұра. № 6. (51) қараша-желтоқсан.
3. Айтұлы Н., 2016. Тау тұлғадан тағылым тарқатқан. Егемен Қазақстан. 4 тамыз.
4. Әуезов М., 2014. Ұлтын сүйген ерекше азамат еді. Қазақ әдебиеті. 30.10.
5. Бөпежанова Ә., 2016. Қазақ руханиятының бейресми көшбасшысы болған тұлға. Алматы ақшамы. № 99. 25 тамыз.
6. Шәкерімов Ж., 2016. Таласбектің өзі кемеңгер болған екен. Алматы ақшамы. 2 сәуір.
7. Ахмет Б., 2016. Таласбектің домбырасы тұғырына қонды. Алматы ақшамы. № 39 (5232) 2 сәуір.
8. Мәулет А., 2016. Таласбектің қызыл домбырасы. Алматы ақшамы. 3 наурыз.
9. Әсемқұлов Т., 2013. Өсиет. Мәдени мұра. № 6 (51). 77-81 бб.
10. Қайран Ә., Абдікәкімұлы Т., 2014. Күрсініс пен сілкініс. Қазақ әдебиеті. 30 қыркүйек.

References

1. Asemkulov T. 2012. Dombryaga til bitse. Kazaqtyn baiyrgy muzykalyq terminologiasy hakynda [If the Dombra Could Speak. About the Ancient Musical Terminology of the Kazakh People.]. Almaty aqshamy. № 130 (4691). October 30. [in Kazakh]
2. Asemkulov T. 2013. Osiet. Ult aspaptar muzeii kalai kuruldy [Legacy. How the National Instruments Museum Was Established]. Madeni mura. №6. (51) November-December. [in Kazakh]
3. Aituly N. 2016. Taw tulgadan tagylym tarqatqan [Lessons from a Great Figure]. Egemen Qazaqstan. August 4. [in Kazakh]
4. Auezov M. 2014. Ultyn suigen erekshe azamat edi [An Extraordinary Citizen Who Loved His Nation]. Kazak adebieti. October 30. [in Kazakh]
5. Bopejanova A. 2016. Kazak ruhaniatynyn beiresmi kosbasshy bolgan tulga [A Figure Who Was an Informal Leader of Kazakh Spirituality]. Almaty aqshamy. № 99. August 25. [in Kazakh]
6. Shakerimov J. 2016. Talasbektin ozi kemenger bolgan eken [Talasbek Himself Was a Genius]. Almaty aqshamy. April 2. [in Kazakh]
7. Ahmet B. 2016. Talasbektin dombyrasy tугyryna qondy [Talasbek's Dombra Found Its Place]. Almaty aqshamy. № 39 (5232) April 2. [in Kazakh]
8. Maulet A. 2016. Talasbektin qyzyl dombyrasy [Talasbek's Red Dombra]. Almaty aqshamy. March 3. [in Kazakh]
9. Asemkulov T. 2013. Osiet [Legacy]. Madeni mura. № 6 (51). Pp. 77-81. [in Kazakh]
10. Kairan A., Abdikakimuly T. 2014. Kursinis pen silkinis [Sighs and Tremors]. Kazak adebieti. September 30. [in Kazakh]

Автор туралы мәлімет:

Жәкішева Зәбира Сыпатайқызы, аспаптанушы-этнолог, тарих ғылымдарының кандидаты, Алматы, Қазақстан.

Information about the author:

Zhakisheva Zabira Spatayevna, instrumentalist-ethnologist, candidate of historical sciences, Almaty, Kazakhstan.

Сведения об авторе:

Жакишева Забира Спатаевна, инструменталист-этнолог, кандидат исторических наук, Алматы, Казахстан.

**Журналдың құрылтайшысы және меншік иесі –
Қазақстан Республикасының Ұлттық музейі**

11.03.2020 ж. Қазақстан Республикасының Ақпарат және қоғамдық
келісім министрлігінде тіркелген. Куәлік №KZ74VPY00021104

*Бас редактор – Әбдіғалиұлы Б.
Жауапты редактор – Искаков Қ.А.
Редакторлар – Оспанова А.К.,
Султанова А.К.,
Суретші-дизайнер – Смайлова А.Б.*

Редакцияның мекен-жайы:
010000, Астана қаласы,
Тәуелсіздік даңғылы, 54,
Қазақстан Республикасының Ұлттық музейі
6-блок, 6-қабат, 618-бөлме

Байланыс телефондары:
+7 (7172) 91 90 35; 335, 663, 664, 641 (ішкі)
Журнал сайты: <https://madenimura-journal.kz>
e-mail: journal.madenimura@gmail.com

Журналдың Instagram
парақшасына QR-код

Журналдың Facebook
парақшасына QR-код

Журнал жылына 4 рет жарыққа шығады.

Басуға 20.12.2024 ж. қол қойылды.
Пішімі 205 x 275 мм. Офсеттік басылым 4 + 4.
Шартты баспа табағы 16,62.

Таралымы 200 дана

«Big Dream» баспаханасында басылды.
Баспахана мекен-жайы:
Астана қ., Байсейітова к.,114/2
377-074, 87024848813.

**Ұлттық құндылықтарымызды
насихаттап, рухани
қазыналарымызды ұлықтауға
үн қосып жүрген «Мәдени мұра»
ғылыми журналына жазылыңыздар!**

Журнал жылына 4 рет шығады

**Журналдың газеттер мен журналдар
каталогындағы индексі – 75 379**

«Қазпочта» АҚ, «Астана-Пресс» ЖШС

